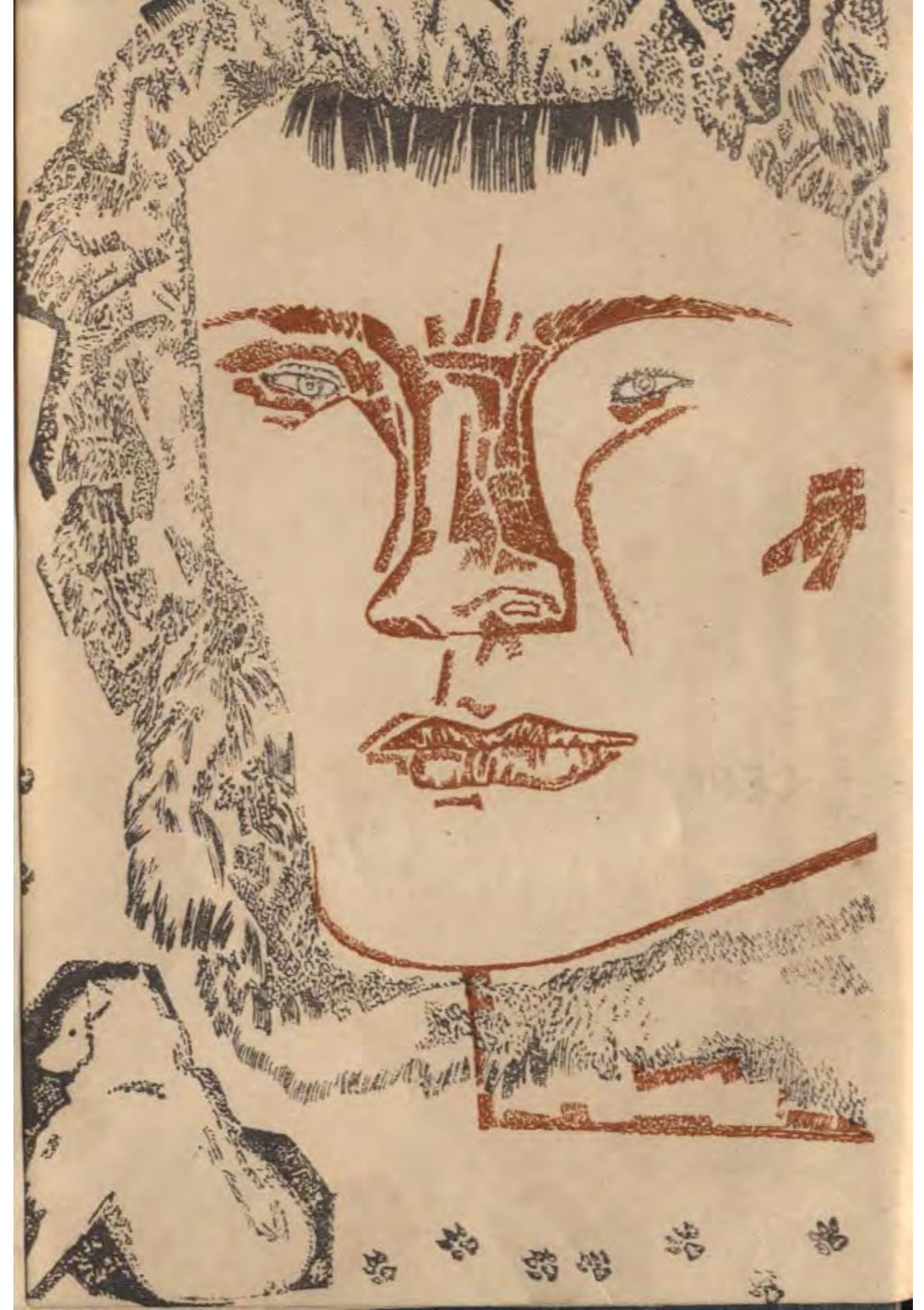

P2
11-39

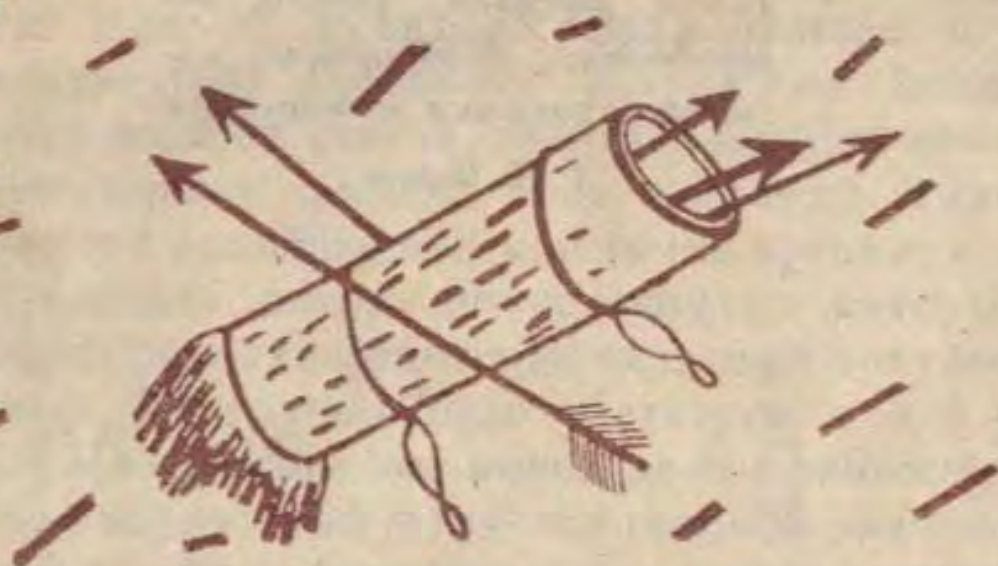

Р₂
П-39
М.А.ПЛОТНИКОВ

ЯНГАЛ-МАА

ВОГУЛЬСКАЯ ПОЭМА
СО СТАТЬЕЙ АВТОРА
О ВОГУЛЬСКОМ ЭПОСЕ

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

МАДУР ВАЗА ПОБЕДИТЕЛЬ

ВОЛЬНАЯ ОБРАБОТКА
ПОЭМЫ „ЯНГАЛ-МАА“

ACADEMIA

МОСКВА ЛЕНИНГРАД 1933

№ 103. / Сост. П.Е.Хал
Собр. 1969г.

Титул, переплет, форзац, су-
перобложка, иллюстрации, за-
ставки и концовки по рисункам

А. И. Порет

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1930 году в издательство поступила рукопись Мих. Плотникова, заключающая в себе стихотворную обработку вогульских сказаний, с приложением статьи, представляющей довольно элементарный анализ этих сказаний, главным образом с этнографической точки зрения, и краткий рассказ автора об условиях, в которых он собирал осколки эпических сказаний вогульского народа. Не трудно было убедиться, что в рукописи Плотникова мы имеем дело с работой большой исторической и художественной значимости. В ней впервые выступило на сцену творчество одного из тех «малых» народов, которые, как казалось еще недавно, раз навсегда сметены со страниц истории завоевательной политикой и колонизаторской практикой русского царизма. Сама работа Плотникова над песнями и сказаниями вогулов невольно приводила на память работу, сделанную автором «Калевалы» над эпосом финнов и автором «Песни о Гайавате» над песнями и сказаниями индейцев Северной Америки: как здесь, так и там мы имеем дело не с прямым воспроизведением народного творчества, а с его вольной литературной обработкой, с тем, что немцы называют *freie Nachdichtung*. И если наш пересказчик бесконечно далек от идеализации европейского завоевания, при-

ведшей Лонгфелло к прямой фальсификации индейских преданий, то, к сожалению, он не сумел преодолеть националистических установок панфиннизма, идеализации общефинского единства, внесенных в исследование языков и литератур угро-финских народов буржуазными учеными Финляндии и Венгрии. Недаром же в своей вводной статье он неоднократно ссылается на Кая Доннера — крупнейшего идеолога панфиннизма.

Отсюда — характерные моменты неправильной трактовки истории колонизированных русским царизмом народностей, идеализация доколониального феодализма, отсюда — неоправданный перенос мотивов из эпоса других финских народов в реконструируемый вогульский эпос. Эти обстоятельства, лишая, конечно, поэму Плотникова значения прямого, аутентичного документа истории вогульского народа, все же не отнимают у нее хотя бы того же культурно-исторического значения, которое имели в своей области работы авторов «Калевалы» и «Гайаваты».

Дефекты поступившей в издательство рукописи (метрические недосмотры в поэме, эскизность и невыдержанность предпосланной поэме статьи) заставили издательство попытаться вступить в личную связь с автором. Попытки эти долгое время оставались безрезультатными.

В этих условиях «Academia» решилась печатать рукопись Плотникова в том виде, в котором она была ей доставлена, внося в текст поэмы те чисто формальные, подсказанные законами метрики, незначительные исправления, которые были предложены нам С. В. Шервинским.

Ошибочные установки автора, сказавшиеся в его переработке вогульского эпоса, отрази-

лись и в его вводной статье: именно поэтому статья эта приобретает значение документа, крайне важного для критики текста поэмы. Воспроизведя ее с некоторыми сокращениями (первоначально статья была напечатана в журнале «Сибирские огни»), «Academia» не сочла возможным вносить в текст поправки такого рода, которые затушевали бы допускаемые автором ошибки в национальном вопросе. В частности неизменной осталась и старая терминология автора («самоеды», «вогулы», «остяки» и т. д.), к сожалению, и поныне более понятная широким читательским массам и благодаря расплывчатости некоторых терминов (термин «самоеды» применяется, например, и к «ненцам» и к тавитцам) не поддающаяся замене.

Лишь в самом конце 1932 года М. Плотников дал о себе знать издательству. В это время было уже приступлено к верстке настоящей книги. Поэтому мы не могли предоставить возможность М. Плотникову внести в книгу сколько-нибудь значительные изменения.

В то время когда издательство разыскивало Плотникова, с его рукописью, по просьбе издательства, ознакомился поэт С. А. Клычков. Результатом явилась новая поэма — «Мадур Ваза Победитель».

С. А. Клычков воспользовался сюжетом и общей композицией поэмы Плотникова и оставил в неприкосновенности ряд стихов и строф Плотникова. Однако его поэма, конечно, самостоятельное произведение. Художественные достоинства «Мадур Вазы» — неоспоримы. Издательство не видело оснований выбирать между поэмами Плотникова и Клыčkкова и решило дать

рядом обе поэмы. В «Янгал-Маа» Плотникова читатель найдет первичную обработку вогульского эпоса, в основе которой лежит прямое, непосредственное знакомство автора с песнями и сказаниями, до сих пор бытующими в чумах современных вогулов; в «Мадуре Вазе» Клычкова — вторичную обработку тех же сказаний, прошедших уже через записи Плотникова, но развитых и своеобразно интерпретированных современным поэтом. Ценность открытого Плотниковым эпоса вогулов настолько велика, что — можно не сомневаться — он и после Плотникова и Клычкова не раз еще привлечет внимание поэтов и художников.

ВОГУЛЬСКИЙ ЭПОС

Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы. Это родственное венграм племя появилось в русской истории в XV веке и считалось сильным и воинственным; оно вело постоянные войны с зырянами и другими соседями. От зырян же оно получило название «догул» («вогул», что значит «вражеский»). При приближении русских поселений к Уралу вогулы оказали сильное сопротивление новым пришельцам и даже потом, в конце XVI века, оцепленные со всех сторон сетью крепостей-острогов, продолжали бороться с русскими.

«И облетела нашу землю трехгранная стрела со знаком к восстанию, — поется в одной старой вогульской песне, — и все должны идти на битву: и олып (богатырь) и магданийях (простой человек)».

Боевая трехгранная стрела с tamg'ой (тамгой) нередко облетала вогульские паулы (paul — селение), но проходили года, все глубже и глубже проникала в сознание вогульского народа невозможность изгнать русских, и все больше и больше воинственный народ, пришедший сюда с теплого юга, превращался в нищих кочевников, попадавших в кабалу к прежним своим врагам — зырянам и русским.

Главная масса вогулов, несмотря на то что они еще в XVIII веке были полуседлым народом и занимались земледелием, выучившись этому от татар, преврати-

лась после завоевания русскими в полубродячих звероловов, рыбаков и оленеводов. Помимо главных промыслов: охоты, звероловства, отчасти оленеводства, вогулы занимались шишкованием, т. е. сбором кедровых орехов, брусники и пр.

При столкновении с русскими вогульский народ пережил коренную ломку как в области своего хозяйственно-бытового уклада, так и в области миросозерцания. Ранее бодрый, воинственный, знавший рудное, кузнечное дело, хлебопашество, ведший торговлю и войны, вогульский народ, угнетаемый русскими завоевателями, опустился, утратил прежние знания и, теснимый со всех сторон, ушел в труднопроходимые дебри. Князья, их городки, войны с соседями, подвиги богатырей остались только в сказках, былинах и героических песнях эпоса, возникшего до прихода русских. Но и самый эпос стал другим. На смену князя-богатыря, в кольчуге (йунтыштауль—*juntlûptaul*), разящего тяжелым богатырским мечом враждебных остяков или самоедов, приходит новый богатырь, и с его приходом тип «героя», тип «отер'а», изменяется.

«Дорусский» (старый) эпос вогулов обычно говорит о войнах с остяками и самоедами. Рассказывается о том, что князь идет походом на соседнего князя и требует в жены его дочь. Видимо, поэтому и войны в древних былинах носили название «с в а т о в с о стрижеными головами». Реже причиной войн в эпических сказаниях бывает отплата за вероломство или стремление завоевать другое княжество и свергнуть там сидящего князя.

После прихода русских герой-богатыри, «ходившие в семь стран света и получавшие в каждой по жене, народу не нужны». Завоевание русскими сосредоточило мысли и желания вогульского народа на борьбе за свое национальное освобождение. Но проходят годы,

власть завоевателей усиливается, надежд на освобождение становится все меньше и меньше, и из глубин народа вырастает новый образ — богатыря-простолюдина, иногда и человека знатного рода, но не владетельного князя, образ героя, который должен, совершив подвиги, избавить вогулов от русского владычества. Этот богатырь совершает подвиги не потому, что он хочет власти, не потому, что он потом сделается вож-ух (vosch-uh — глава княжества) и, по примеру древних князьков, наполнит свой амбар сукном, шелком и другими ценностями. Героическими поступками нового богатыря руководит любовь к своему родному народу, а в награду он становится богом, что лишь косвенно дает право на земную власть.

Герои такого типа знакомы нам по эпосу и других угнетенных сибирских народностей. «Не слышно ли чего-нибудь о возвращении Итьте?» — поется в самоедской поэме об Итьте. Самоедский мадур (герой) Итьте и является в самоедском эпосе богатырем — национальным освободителем.

Поэма рассказывает о том, как после смерти людоеда Пюнегуссе, с которым Итьте вел долгую и упорную борьбу, он делается обладателем мудрости семи богов и обладателем семи (т. е. всех) стран. Он правит народом; в его царстве — мир, тишина; леса наполнены дичью и зверями, реки — рыбой. Но идеал благополучного и счастливого царствования нарушает Кристос, который к тому времени приходит со своими детьми, русскими. Итьте, видя, что Кристос и русские приобретают все большую силу, власть и влияние, удаляется от своего народа и говорит приятелю Кристосу: «Сегодня ваш день — завтра будет мой».

Самоедский народ, так же как и вогульский, покоренный русскими, превратил богатыря (madur'a) Итьте в своего избавителя — мессию, «божественного принца

Итьте, спящего принца, отдыхающего принца», который должен притти и изгнать из Сибири чужестранцев. Таков идеал богатыря в самоедском эпосе, созданном после прихода русских. Вогулы, как и самоеды, воспели нового богатыря в новой тернинг-эри (terning-eri — былина). Этот богатырь — избавитель и освободитель вогульского народа: Ваза, Вача, Тагар-отер (Tagar-oter), Виши-отер (Vischi-oter), Йаны-кеныт-анчых¹ (Janû-Kenûtanêùh), Карт-сали-уй² (Kart-sali-ujä) и др.

Виши-отер и Йаны-кеныт-анчых — богатыри старого эпоса, в народном представлении они живут на небе, но могут спускаться на землю или превращаться вновь в людей. По представлению вогулов, душа человека после смерти может перейти в тело ребенка, а тело, т. е. тень, отправляется в царство мертвых, подземное царство теней, где она живет столько лет, сколько прожил на земле человек, и потом совершенно исчезает. Душа может и не переселиться в тело ребенка; она может витать на земле или же улететь на небо, в царство Торыма (Нумы). Обычно на небо уходят души шаманов, князей, богатырей, воинов, охотников и прочих людей, отличившихся еще при земной жизни чем-либо перед богами, а главное — перед Торымом. Последние два богатыря (прежние нахрачинские богатыри, по-остяцки Ai-wit — малый князь, и Ene-urt — большой князь) и в период моих наблюдений на Конде считались святыми.

Карт-сали-уй, или по-остяцки — *kart-jerva*, *vach-jerva* (железный волк), — нарицательное имя князя-богатыря, предпринимавшего главным образом грабительские походы на соседей. Впоследствии, при русских, имя *kart-jerva* было присвоено князьям-союзникам русских, изменникам своего народа.

¹ Старик с большой шапкой. ² Железный волк.

Ваза, Вача, Тагар-отер — имена для старого, дорусского эпоса совершенно новые. Все эти три имени богатырей являются различными обозначениями одного лица, одного богатыря, будущего освободителя вогульского народа, и часто, повествуя об одном и том же былинном эпизоде, один рассказчик употребляет имя Вазы, другой — имя Вачи или Тагар-отер'а. Употребление имен старых богатырей в новом вогульском эпосе говорит о некотором слиянии старых и новых героев или о позанимствовании нового эпоса у старого. Такое слияние вполне возможно, так как, по вогульским верованиям, души богатырей продолжают печься о народе, за что они чтутся наравне с добрыми духами, т. е. им приносятся жертвы и посылаются молитвы.

Итьте — богатырь старого самоедского эпоса, былина об Итьте, как замечает Кай-Доннер,¹ является одной из самых древних былин старого самоедского эпоса. Но после русского завоевания она приобрела новые черты и мотивы (борьба с христианством, дух Кристос, помощь Итьте татарам против русских, уход и возвращение Итьте), а богатырь (*madur*) Итьте, победивший Пенегуссе, получает значение освободителя от власти русских и превращается в мессию самоедского народа.

То же самое произошло и с некоторыми старыми былинами и героическими сказаниями вогулов. В старые эпические произведения вогульской словесности влетаются эпизоды позднейшего происхождения и вместе с этим зарождается самостоятельный героический эпос, герой которого — новый, еще не пришедший богатырь — национальный освободитель, каковым является Ваза (Вача, Тагар-отер, Карт-невра и пр.). С. Патканов,²

¹ Кай-Доннер. «Самоедский эпос» (выдержка из «*Journal de la Société Finno-Ougrienne*», пер. с английского В. М. Крутовского). ² «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям». Спб., 1891.

говоря о новом эпосе остяков, замечает, что сказания и рассказы из периода татарского и отчасти русского владычества передаются прозой и притом новым языком, с позаимствованиями из старых былин. Владычество русских сблизило ранее враждовавшие племена, смешанные браки среди представителей различных народностей еще более способствовали этому сближению, и народная словесность — песни, былины, обрядовые песни, шаманские наговоры и т. п. — заимствовались то вогулами от остяков, то остяками от самоедов и наоборот. То же самое происходило и с эпическими произведениями туземной словесности, почему и вогульский эпос (не только новый) по своему характеру и эпическим чертам богатырей во многом приближается к остяцкому и даже к самоедскому.

Однако между старым и новым эпосом вогулов существует громадная разница как с идейной стороны, так и со стороны формы. В новом эпосе нет обилия цветистых оборотов речи, фигур, эпитетов и метафорических образов; широко употребляется разговорный язык, нет выдержанности в чередовании ударений и гласных и в ритме стиха. Новые былины не имеют строго законченной формы, связь между отдельными эпизодами бывает нередко крайне слаба, одно и то же героическое сказание нового эпоса, рассказанное в разное время и в различных местностях, становится трудно узнаваемым, а поэтому собрать из отдельных эпизодов былинку в одно целое часто не представляется возможным.

Такова былина о Вазе — герое-освободителе. В таком целом, законченном виде, в каком мы знаем, например, былинку об остяцком богатыре Сонгхуше или другие старые былины вогульского и остяцкого эпоса, сага (былина) о Вазе не существует. Она распадается на все виды эпоса: сагу, поэму, героическую песню, бы-

лину, сказание, сказку и пр., причем имя Вазы заменяется другими именами (Вачи, Тагар-отер, Карт-салиуй, Виши-отер, Йаны-кеныт-анчых и др.), и только одна руководящая идея — освобождение вогульского народа — связывает эти отрывки и дает ясный и точный тип героя нового вогульского эпоса. Первичное сказание о Вазе, повидимому, представляло собою небольшую сагу, передаваемую прозой. Образ богатыря-избавителя пришелся по душе вогульскому народу, и с течением времени небольшая, излагаемая прозой сага приобрела наслоения и варианты. Вплелись новые эпизоды, часто передаваемые только в определенных местностях и неизвестные в других, примешались новые понятия, слова и пр., занесенные завоевателями-татарами и русскими. С установлением более мирных отношений с соседними народами, когда борьба с наступлением русских заставила вогульские, остяцкие и самоедские племена координировать военные действия и во имя общих интересов забыть старую вражду, новый эпос уже не отличается чистотой языка. Часто одно и то же слово, обозначающее одно и то же понятие, употребляется и по-вогульски, и по-остяцки, и по-самоедски. Например, в саге о Вазе — герой, богатырь (отер) именуется по-татарски мадур (madur) и по-остяцки — урт, ур (urt, ur). Слово «князь» употребляется в татарском обозначении — «бик». Встречаются целые фразы из остяцкого эпоса, на остяцком языке. Помимо заимствований из другого языка, вогулы, говорящие на трех наречиях — верхотурском, северном и лапинском, путают их друг с другом, а поэтому одно и то же слово употребляется по-разному: например, олень (кхонна и сали), лодка (хаба, кпиль, рут, хоп) и пр. Помимо приведенных выше отличительных черт нового вогульского эпоса, следует упомянуть, что как в самоедской саге об Итьте, так и в саге о Вазе ска-

зался элемент борьбы язычества с христианством. Прежние вогульские боги оказываются бессильными против грозного бога русских. В своих сказаниях вогулы не верят в успех без помощи бога, духа, т. е. без влияния посторонней высшей силы, и поэтому, в представлении вогулов, успехи русских — следствие помощи бога русских, а за войной народов вогулы видят борьбу богов.

Необходимо отметить еще одно существенное отличие нового эпоса от старого. Слово «любовь» в старых былинах и героических сказаниях отсутствует, но в новых, так же как и в песнях более позднего происхождения, это слово встречается часто. Обычно старые былины говорят не о любви, а о выдаче героини замуж (*tanidem* — танидем), причем главную роль играет или сила оружия, или выкуп, с мнением же невесты не считаются вовсе. Старый эпос знает только женщину-затворницу, княжну, сидящую в чуме своего отца в особом углу за занавеской. На улице она закрывает лицо платком от посторонних взглядов. Первое место в былинах отводится красоте, молодости и трудолюбию: искусству шить и рукодельничать. Невесты, действующие лица старых былин, обладают дорогими украшениями и нарядами из бисера, разноцветного сукна, шелка, камки и пр. Князь не может вступить в брак с девушкой из народа. С жениха за невесту требуется выкуп, уплачиваемый ее родителям (калым, тан).

Покорение вогульских племен русскими, естественно, вело за собой обнищание народа. Сукно, шелк, бисер начинают реже фигурировать в описаниях нарядов былинных богатырей и красавиц. В новом эпосе воспевается уже не княжна-затворница, а красавица из народа.

Новая героиня (Ючо) в саге о Вазе представляет собою, до известной степени, тип женщины-проте-

стантки. По вогульскому преданию, Ючо живет одна, т. е. не имеет родителей или близких родственников, которые могли бы ей советовать выходить замуж и брать установленный калым. За отсутствием заинтересованных лиц она может, по вогульским обычаям, располагать сама собой, а поэтому лично ведет переговоры с женихами.

Кроме этого, в саге указывается, что Ючо — девушка простого происхождения и даже бедная («мне к лицу меха простые» и пр.).

Сага о Вазе начинается рассказом о том, что шаман Кукса поет под аккомпанемент играющего на «гусе»¹ будущего героя Вазы песню-импровизацию, в которой говорится, что в земле вогульской все больше и больше вырастает вогульских могил:

Вы видали на полянах
 Позабутые могилы,
 Вы видали кости кхонна,²
 Кости белые оленей,
 На ковре зеленом тундры —
 Так вогулы умирают, —

заключает шаман и далее поет об оскудении лесов, рек и о падении язычества.

Шаман, хранитель языческих заветов, последний служитель богов, напоминает своим слушателям об исчезнувших богах вогульской старины: о старых богах: «Обском старике»³ и о золотой богине Раче, по преданию, находившейся в Рачевском городке и при

¹ Г у с ь - лебедь, тарнобой (шангльтеп) — музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого обычно поются былины. На Конде, как уверяют вогулы, гусы появились с Оби, а потому носят название «обской музыки», «обского лебедя». ² К х о н н а — олень

³ Гр. Новицкий. «Краткое описание о народе остяцком».

приближении русских (Брызга) бросившейся в мутные обские воды. К. Н. Носилов в рассказе «Серебряная баба» упоминает о серебряном слитке с знаменитой золотой бабы, которую еще во времена Стефана Великопермского «язычники» перенесли за Урал. Возможно, что Рача была той знаменитой Пермской золотой бабой; серебряный же слиток с нее, по словам того же рассказа, хранился в верховьях р. Конды, в Ям-нель-пауль, у какого-то вогула.

Далее Кукса вновь обращается к вогульскому народу и укоряет его за пьянство, за скупость в жертвоприношениях. Кукса в самых мрачных тонах рисует будущее вогулов: они вымрут, лодки их сгниют на песках, нарты без оленей зарастут травой, а в опустелых паулах будут жить одни лишь звери.

Все задумалось, угрюмо
Смотрит тундра вековая;
Черной птицей, птицей смерти
Пролетала эта песня...

Но в то самое время, когда уныние охватывает сердца вогулов, —

Слышно было, как смеялся
Кто-то громко и протяжно
Над грядущею белою
Позабывшего народа.

Смеяться мог только злой дух, и шаман, услышав неслышный для непосвященных смех, —

Громким голосом воскликнул:
«Не печальтесь, не горюйте,
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!»

Так начинается сага о Вазе.

Кто откроет смысл великий,
 Полный вещего значенья,
 Кто исполнит слово в слово
 Все слова загадки-песни,
 Тот спасет народ забытый,
 Тот укажет путь широкий,
 Как река весной в разливе, —

вещает шаман.

В саге о Вазе выступает как одно из главных действующих лиц старец шаман. Новый эпос высоко ценит шамана-прорицателя, шамана — друга народа, который в борьбе с русскими и христианством шел впереди скопищ вогулов и давал сигнал к нападению.

Первая песня шамана Куксы (всего их три) начинается рассказом о злом божестве Мейке, демоне вогульского Олимпа. Шаман рассказывает о том, что злой Мейк часто птицею огромной

Прилетает к дыму чумов,
 Посылает смерть и горе;
 И напрасно наши ампы¹
 Скачут, бегают проворно,
 Как бы зверя настигая...

Но в старые времена Мейк не был злым божеством страны. Сага рассказывает, что до прихода русских

¹ Ампа — собака, хранитель оленей, но вместе с тем и хранитель входа чумов от злых духов. В старые времена собака была жертвенным животным. С. Патканов приводит следующие слова самоеда Соо Турума, обращенные к остяцким богатырям: «Что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда предназначенные мне чаши и туясья, пусть приведут в качестве кровавой жертвы хвостатых и жертвенных собак».

Мейк жил в капище, носил златотканые одежды, ему служил мудрый шаман, который и сделался виновником несчастий вогульского народа.

В год тяжелый, год несчастный
Из-за гор, покрытых снегом,
Словно вещные потоки,
Войско русских приближалось.
Храбро выступили маньси
Против ружей со стрелами,
Против крепкого железа —
С деревянными шестами.

Новый эпос, повидимому, запомнил только два рода оружия: стрелы (томар), лук и копья (сунг), т. е. обычное вооружение простых воинов. Что же касается кольчуг (йунтыштауль), мечей (нар), топоров (саырб), то в новом эпосе они упоминаются редко.

Поход же Бразги (т. е. русских) изображался сказаниями остяков и вогулов как поход пятидесяти богатырей в кольчугах.

Сначала поэт Кукса и вогулы думали, что их победа близка, но шаман, который служил Мейку, подкупленный русскими, вынул чудесные очи бога Мейка. Эти глаза были сделаны из драгоценных камней, имевших чудесное свойство принимать днем зеленый цвет, как тайга в своем наряде, и красный цвет, «блеск кровавого заката», — ночью. Изменение цвета от освещения свойственно, в частности, драгоценному камню александриту (хризоберилл), встречающемуся на Среднем Урале. Возможно, что вогулы подметили дихроизм александрита, знакомого им давно.

Ослепленный ойка Мейка
Не настиг шамана Гузы,

потому что

Спрятал Гузу в Царстве Теней
Торым-Нума всемогущий.

На вогульском Олимпе происходит междоусобие. Мейк за укрывательство похитителя мстит Торыму-Нуму, указывает тайные тропы русским, которые благодаря этому побеждают вогулов.

В новом вогульском эпосе боги играют активную роль, тогда как в старых былинах они были лишь свидетелями происходящего.

Так, в вогульском национально-освободительном эпосе сказывается то, что проповедь христианства, внедряемого русскими воеводами и понами с помощью огня и железа, вызвала в народе сильнейшее сопротивление и, в частности, апелляцию к собственным языческим богам.

Причину военных неудач, а также бессилия своих богов перед христианским богом вогулы искали в междоусобии своих бесчисленных божеств.

Торым, Нума, Торм, Мирра-Суснахумм — это верховное существо вогульского Олимпа, он создал вселенную и после ее создания удалился на небо и с тех пор не принимает в людских делах никакого участия, управляя миром через своих подчиненных богов, одним из которых был и Мейк. По преданию, у Мейка остались золоторогие олени и тяжелая нарта — молнии и гром.

Задача богатыря в конце первой песни Куксы определяется так:

Пусть герой не уstraшитcя,
Пусть он хитростью иль силой
Ночью, в темь, хотя и чутко
Дремлют сторожкие кхонна,
Он похитит головного
Вместе с нартой и упряжкой

И угонит незаметно
От жилища бога Мейка.

Этот подвиг будет первым шагом «к спасению маньси». Только выполнив его, герой может браться за совершение следующего подвига. На похищенной нарте и золоторогих оленях он должен

... помчаться в царство ойки
Старика, Отца Медведя,
К тем большим горам, на север.

Вторую песню Кукса поет, повидимому, на другой день. В саге говорится: «Мудрый шаман открыл глаза, открыл хриплый от сна рот и, съев трижды семь панх, т. е. двадцать один мухомор, запел». Есть мухоморы—старый способ опьянения. Певец, согласно обычаю, ест семь, четырнадцать, двадцать один гриб, т. е. такое их количество, которое определяется числом, кратным семи. Цифра семь имеет у вогулов особое таинственное значение и силу, как, например, в русском эпосе цифра три.

Вторая песня рассказывает о появлении медведя на земле. Медведь — тотем, т. е. обожествленное животное. По некоторым сказаниям, он — младший брат Торыма, по другим — очень близкий его родственник, его зовут: «ойка-старец», «мойбер», «лесной старик», «дедушка» или просто «он». Культ медведя — культ, свойственный почти всем сибирским народам, в том числе и вогулам. В саге о Вазе (как раз в пересказываемой нами второй песне шамана Куксы) говорится, что медведь был послан Торымом «наказать людей нечестных, рассудить вогулов споры и зиму сменять на лето» (намек на зимнюю спячку медведей). Первый медведь, как указывают все вогульские и остяцкие сказания, явился

На горах больших, на запад,
На утесе, в темных кедрах
Чум поставил Шубный Старец;

И туда к нему ходили
 Недовольные судьбою
 Иль обиженные сильным;
 Он судил дела по чести,
 Предавал виновных смерти,
 Ободрял невинных лаской.

Административно-судебная деятельность Медведя продолжалась сравнительно долго; Медведь оказался хорошим судьей:

Много лет прошло счастливых,
 Но ошибся Шубный Старец,
 Разбирая дело Ючо...

Далее песня повествует о будущей героине нового эпоса — вишн^х (деве) Ючо. Сага дает новый тип девушки, не затворницы, не княжны, а, повидимому, дочери простого народа. Она, как мне объяснили и как видно из саги, живет одна, так как родители ее умерли, а близких родственников нет. Она сама себя прокармливает, что в порядке вещей у вогулов, и сама распоряжается своим сердцем. Она прекрасна, и достаточно одного взгляда на красавицу, чтобы взглянувший лишился сна. Но Ючо ни на ком не останавливает своего выбора. Она смело заявляет:

Не хочу я быть рабою,
 Мне не надо бус янтарных,
 Парки теплой собольной,
 Я цветами украшаюсь,
 Мне к лицу меха простые;
 Не хочу я быть рабою,
 Быть собакой в дымном чуме.

Последнее заявление характеризует положение замужней вогульской женщины, обычно несущей в семье

тяжелую работу. В 1920 году в устье реки Енисея, среди родственного вогулам племени самоедов-юраков мне пришлось наблюдать, как с каждым годом женщина приобретает в семье все большее и большее уважение. Она не так давно считалась существом поганым, прикосновение которого оскверняло все, за исключением одежды, посуды и т. п. А в период моих наблюдений женщина не допускалась лишь на некоторые религиозные церемонии и считалась нечистой на время родов; в остальном она была почти равноправным членом семьи.

Неприступность Ючо заставляет обезумевшего от страсти вогула Лача прокрасться к ней ночью в чум. В борьбе Ючо топором убивает Лача, и против Ючо создается страшное обвинение.

По древнему вогульскому праву, независимо от того, при каких условиях произошло убийство мужчины женщиной, последняя остается всегда виновной, а поэтому

«Смерть мы требуем», — сказали,
Как один, вогулы в гнев.

Судья Медведь, испуганный гневными криками народа, уже готов махнуть лапой —

В знак согласия с народом...

Явление Мейки изменяет оборот дела, он трижды кричит:

Лач, иди! Скажи им правду.

Лач является из могилы и говорит перед лицом народа:

В этом деле я виновен.

Мейк садится на свою нарту, усаживает с собой Ючо, плюет «прямо в морду» Медведю и этим лишает его рассудка, необходимого для того, чтобы разбирать дела людские, и, крикнув голосом веселым: «Ючо будет мне женою», быстро уезжает на своих оленях. После этого

Шубный Старец с гор спустился,
Захватив тамгу Торыма —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма,
И, женившись здесь на Мюсснэ,

он превращается в теперешнего медведя и забывает путь обратный «в Царство дальнее Торыма».

Этот эпизод требует некоторых пояснений. Видимо, Торым (он же Мирра-Суснахумм), отправляя медведя на землю разбирать «дела людские», дал ему «тамгу», т. е. вещественный знак на право суда и возвращения обратно в Царство Торыма. Как далее повествует сага, «тамга Мирры-Суснахумма» была деревянной палкой с особыми знаками, наподобие так называемых остяцких «вош-анкет», служивших для привязи оленей и, как мне удалось выяснить, имевших значение таблички владельца, вывешиваемой перед его домом. Медведь, лишенный рассудка, уходит с гор, женится на Мюсснэ, т. е. «деве-духе» (вроде русской русалки). Вогулы обычно сами себя называют «маньси» (человек), слово же «вогул» (логул), как замечено уже выше, зырянского происхождения и означает: презренный, ненавистный, вражеский. «Маньси» в переводе значит «малый род» (мань—малый, си—род). В свою очередь маньси разделяются на два поколения: мось-си (мось-хум) и пор-си (пор-хум). Поколение пор-си (порхум) произошло от сожительства Медведя с Мюсснэ, вследствие чего медведь как бы приходится родственником вогулам.

Пусть герой не устрашится,
 Пусть он хитростью иль силой,
 Ночью, в темь, когда так чутко
 Дремлют сторожкие ампа,
 Он похитит знак Торыма,
 Тамгу Мирры-Суснахумма,
 Чтоб в его проникнуть царство.

Так заканчивается вторая песня Куксы.

На следующую ночь шаман Кукса поет свою третью и последнюю песню. Если первая песня шамана была посвящена злему богу Мейку, вторая — Медведю, то третья — птице Таукси, таинственной, принявшей образ золотого лебедя.¹ Культ птиц среди сибирских народностей, в том числе среди вогулов, сохранялся долго. Почитались священными, т. е. «емы», чернозобая галка, орлан, кулик-сорока, лебедь и др. Старовогульские предания рассказывают о священной птице-лебедь, которая, как и Рача, была отлита из золота. Некоторое сходство с золотым лебедем имеет и таинственная птица Таукси. Сага о Вазе рассказывает, что на Черном Яру на Оби (Ас'я) стояло капище птицы Таукси. Каждую весну сюда съезжались на моление поклонники птицы с богатыми жертвоприношениями и дарами. При птице находился шаман, предсказывавший будущее.

Филины, совы (вещие птицы вогульского эноса) при приближении врагов

... на деревьях

Громко щелкали гортанью

И кричали: «Горе! горе!

¹ Вблизи селения Троицкого (б. Березовского округа), в глухом урмане, как говорят, долгое время сохранялся идол в форме гуся из металла. Этот идол пользовался громадной славой не только в б. Томской и Тобольской губ., но и в Туруханском крае («Россия», Западная Сибирь, т. XVI, изд. Девриена).

Чужестранцы к нам подходят,
Люди русские уж близко».

Шаман, служитель птицы Таукси, в страхе; он не знает, как скрыть птицу, и мечется по капищу. Птица, почувствовав приближение врагов, приказывает шаману удалиться, а сама улетает на небо, обещая:

Ночью темной, в свете ярком
Я в тайгу спускаться буду,
Чтоб следить за правым делом
И наказывать виновных.

Шаман уходит. По дороге он видит разграбление паула русскими:

В красном пламени пожара,
Люди русские, как тени,
Окружив паул, стреляли
Зельем бесовским из ружей,
Словно белки от пожара,
В страхе смертном убегали

вогулы, оставляя врагам жен, детей и свое добро. Наутро от вуж'а (городка)

Пни чернели в кучах пепла,
Груды тел валялись всюду.
Кровь, как спелая брусника,
Заливала землю дедов,

а завоеватели, погрузив на свои большие лодки добычу:

Женщин, девушек и рухлядь
И добра другого много,
Отправлялись дальше грабить
По простору мутной Ас'я.

Цитированная часть саги о Вазе рисует один из эпизодов борьбы русских с вогулами. Упоминание о

том, что шаман, служитель Таукси, погиб в Сумгуте-воже (Березовый городок), т. е. в нынешнем Березове, показывает, что в данном случае сага о Вазе,¹ видимо, смешивает три различных события: первое — поход русских в Сибирь и основание г. Березова на месте остяцкого города Сумгут-вожа в 1593 году воеводой Траханиотовым; второе — нападение остячко-вогульских скопищ на Березов в 1607 году, когда там были казнены воеводой Петром Черкасским многие вогульско-остяцкие князья, видимо, в том числе и легендарный шаман, служитель птицы Таукси, и третье, как мы увидим из продолжения саги, — большое поражение, нанесенное вогулам и другим народностям в 1665 году воеводой Алексеем Давыдовым. Народная память вогулов объединила их в один эпизод.

Приход русских знаменует в новом эпосе также и смерть богов, уход богов из тайги и тундры — маньси остаются предоставленными самим себе.

Подлинный ли эпос песни Куксы — прелюдия к саге о Вазе? В старом вогульско-остяцком эпосе шаманские песнопения, песни, обрядовые сказания стоят особняком, но в новом эпосе шаманские песни отчасти сливаются с эпическими былинами и сказаниями, отчасти приобретают новое значение. Кай-Доннер в статье, помещенной в «*Journal de la Société Finno-Ougrienne*», между прочим, отметил, что песни шаманов являются по большей части их собственными произведениями и относятся скорее к религиозному культу. Вполне соглашаясь с этим мнением исследователя в отношении старого эпоса, мы, с своей стороны, отметим, что в создании нового эпоса огромную роль играют именно шаманские песни (сказания), так как народ, обративший

¹ Новый эпос вообще отличается крайне неточным указанием места и времени того или иного события.

очи к последней защите — к богам, должен был искать этой защиты через шаманов. Мне пришлось слышать две шаманские песни в 1920 году среди енисейских юраков около Голочки, и обе песни, помимо религиозных мотивов, ставили и вопрос о будущем юрацкого народа, воспевали удачное отражение кн. Шаховского на Тазу в 1601 году и нападение на г. Мангазею в 1664 году, и с этой стороны они близко подходили к героическим песням нового эпоса, где шаман и герой действуют вместе, осуществляют одну задачу, стремясь к национальному освобождению. Отмечу еще, что уже в годы моих наблюдений шаманизм среди северных народностей постепенно терял свое значение и влияние.

Последняя песня шамана Куксы заканчивается описанием третьего подвига, который должен выполнить герой — освободитель вогульского народа, дабы предстать перед лицом всемогущего Торыма:

Пусть герой не устрашится...
 Из хвоста священной птицы
 На бегу, рукой проворной
 Вырвет он перо и, дальше
 Освещая им ущелье,
 В Царство светлое Торыма
 Въедет смело и спокойно.

Прелюдия к саге о Вазе кончается третьей, последней песней шамана Куксы. Аккомпаниатор «Ваза — юноша прекрасный, музыкант забытых песен», как говорится о нем в саге, задумывается над судьбой своего народа.

Неожиданно его лайка Снежинка, играющая в саге не последнюю роль, бросается к дверям. В юрту входит древний старик, он говорит Вазе:

Я все вижу и все знаю,
 Что ты думал, что ты скажешь,

Я в твоей душе читаю,
Как бояр по книге белой.
Но у русского бояра
Память слабая, больная,
Он походит на младенца
С головой лисы коварной,
Он поэтому читает,
И поэтому он пишет
Книгу белую, большую.

Бояр — чиновник — это не дореформенный сибирский взяточник-чиновник, а крючкотвор старой, еще допетровской Руси. Непременная принадлежность чиновника, в представлении вогула, — бумага. Чиновничьи бумаги означали для вогула лишь новые поборы, и поэтому неудивительно, что сага, говоря о бояре, относится к нему с неприязнью и насмешкой. Пришедший в юрту старик ободряет Вазу, дает ему

Стебельки травы сушеной,
Семь лучинок, камень белый

и на ухо сообщает ему, что Вазе достаточно бросить на землю «стебельки травы сушеной» для того, чтобы он стал невидим Мейку; если при похищении тамги Торыма за Вазой погонится Медведь, то семь лучинок превратятся в густой, как стена, лес, а белый камень обратится в сороку:

Птица вещая сорока
Путь укажет в Царство Мертвых.

Ваза решается на трудный подвиг и отправляется в царство Мейка, на пути преодолевая испытания духов, желавших его испугать и заставить возвратиться. Через семь долгих полнолуний Ваза, наконец, достиг царства Мейка и повстречал Ючо.

Ваза объясняется, в несвойственных старому эпосу выражениях, в «любви» к Ючо. Ючо отвечает взаимностью.

Объяснение Вазы и Ючо носит следы татарского влияния в области языка, оборотов речи, эпитетов, сравнений и пр. Можно также думать, что разработка этой сцены принадлежит к позднему времени, так как два варианта этого эпизода, записанные мною, говорили об этой встрече кратко, но употребляли при этом такие поэтические выражения, как: «Ючо, Ючо — цветик жизни», «Ючо — белая березка», «цветок прекрасный, расцветающий летом». В разговорном языке вогулов и остяков такие выражения тоже употребительны, а новые вогульские песни часто представляют собою переделки русских частушек.¹

Последние, попав в среду северных народностей, занесли в вогульский и остяцкий языки неологизмы: «миленок», «голубка», «милая», «грусть», «кручина», «любовь» и т. п.

Ючо предлагает помощь Вазе в деле похищения оленей Мейки, и это похищение производится с ее

¹ Считаю не лишним привести переводы долганской и остяцкой (тазовской) песен, помещенных в книге П. И. Третьякова «Туруханский край» (Спб., 1871). Долганская песня явно носит следы русского влияния; остяцкая — более самобытна, но тоже нового происхождения.

Долганская песня

Мой милый, разлюбезный друг,
Твой стан, как столбик прям,
Взгляд твой орлиный,
Светлая радость моя.
При воспоминании о том,
Как ты удовлетворял мою страсть,
Все тело мое млеет.
Моя зазнобушка, иди смелее ко мне,
Как бы я прильнула к твоей груди,

помощью. Ваза петлей ловит оленей, запрягает их в нарту и прощается с Ючо. Ючо клянется Вазе в верности, причем ее клятва содержит в себе все имена и предметы, которыми клянутся вогулы. Она произносит в своей клятве и имя Медведя, что лишь в исключительно редких случаях употребляется в клятвах даже мужчинами.

Мейк замечает пропажу оленей и бросается в погоню за Вазой. Погоня продолжается долго, Мейк, наконец, почти настигает Вазу, но Ваза бросает «стельки травы сушеной» и делается невидимым Мейку.

Первый подвиг герой совершает, благодаря счастливой случайности, без особых трудностей. Следующий подвиг — похищение тамги Торыма, знака свободного

Но ты не придешь, ты бросишь меня.
И я плачу, тоскую и рвусь:
Не убивается так мать,
Потерявшая ребенка.

Остяцкая песня

Я жену хотел бы,
Одна голова —
Отца у меня нет,
Матери у меня нет:
Бабу бы хотел,
Но где я найду?
Одна большая тундра, в конце
Чум поставлен,
В этом чуму
Молоденькая девушка есть —
Лицо беленькое,
Рука очень ловкая,
Парка пестрая.
Эту девушку возьму,
Сколько платы —
Не пожалею.

прохода в Царство Нумы — Вазой тоже совершается сравнительно легко. В саге рассказывается о том, что ночью Ваза прокрался к юрте Медведя, спавшего крепким сном с своей женой Мюсснэ, и похитил тамгу. Спеша, Ваза забыл затворить за собою дверь в юрту, порыв ветра громко стукнул дверью и разбудил Медведя:

Старец Шубный пробудился...
И, почуяв запах хома [человека],
Вышел с оханьем из юрты.

Заметив следы, Медведь быстро побежал за Вазой. Друг Медведя, дух реки, заколдовал мчавшихся оленей Вазы, они упали на колени и, несмотря на удары шестом, не двигались с места. Медведь уже нагонял, тогда Ваза решился бросить семь лучинок, и из брошенных семи лучинок

Лес великий стал стеною...

Таким образом Ваза совершил и второй подвиг — похищение тамги Торыма. В рассказе о похищении тамги имеются два места, требующие объяснения: песня-импровизация Вазы о лесу, похожая отчасти на молитву или религиозное песнопение, и слова Медведя, обращенные к Вазе. Ваза, подъезжая к юрте Медведя, поет:

Темный лес, о лес великий!
.....
Лес великий, полный тайны,
Лес — спаситель и хранитель,
Помоги похитить тамгу,
Скрой меня от гнева ойки —
Шубного Отца Медведя...
.....
Лес, хранитель наших чумов,
Наших лаек и оленей...
.....

Таковы отрывки из этой импровизированной песни Вазы, могущей служить образцом поэтической импровизации, вообще свойственной северным народностям. Едет, например, вогул по лесу, видит снег, кедры, опущенные инеем, скачущую с ветки на ветку юркую белку и случайные глубокие следы лося. Если вогул в соответствующем настроении и если он вообще умеет петь, то он заунывно затянет песню обо всем им виденном примерно в таких выражениях: «Еду я по густому лесу, снег глубокий лежит и как мехом одел стариков-кедров; они стоят в меху из зелени и моха, по веткам прыгает белка, и нарта переехала глубокий след старого сохатого, он пошел на болота» и т. д. Бывает и импровизация другого типа, например, такая: «Еду я в село Обдорское на ярмарку, продам купцу всю рухлядь, купец подаст мне стаканчик водки, я выпью, захочу еще другой. Хозяин (купец) подаст мне второй и третий. Буду пить и гулять, напьюсь совсем пьяный и веселый и сваюсь, как глухарь, наевшийся березовой мочки (почек), в глубокий снег».

Второе место, заслуживающее пояснения, — речь Медведя, обращенная к Вазе. Здесь говорится о медвежьем празднике и о поклонении медведю. Медведь — тотем, почитание медведя распространено не только среди народностей севера Азии и Европы, но и Северной Америки, и обычай этот ведет свое начало с глубокой древности. Удачная охота на медведя у вогулов, остяков (особенно казымских) связана с церемонией, известной в этнографической литературе под названием «медвежьего праздника». Почитание медведя особенно было распространено среди березовских, сосвенских вогулов и казымских остяков, сохранявших в период моих наблюдений, т. е. в предреволюционные годы и годы гражданской войны, свои языческие верования в наибольшей чистоте. Убитый охотником

медведь доставляется на нарте в селение (паул), его прибытие встречается криками и шумом всего населения. Женщины бросают в медведя снегом, травой (если охота была летом), шишками, землей и усердно кричат при этом. Затем медведь обдирается, от шкуры отрезаются голова и ногти и заносятся в юрту. Посланный оповещает весь паул, иногда и ближайшие юрты. Желаящие являются на праздник и приносят с собою «порш», т. е. жертвенные подарки, состоящие из цветных лоскутьев, колец, медных цепочек и других мелочей, которые навешиваются на голову медведя или складываются около нее. Когда гости собрались, начинается первый акт праздника — отречение. Охотник, убивший медведя, становится лицом к голове медведя и произносит отречение примерно такого содержания: «Не я тебя убил, длинношерстый пушистый медведь, обладающий четырьмя лапами с пятью длинными железными ногтями (когтями), не я тебя убил, а ружье, которое купил я у русского, который сделал и выдумал его. Пусть весь твой гнев обрушится на русского, его детей, его собак, его юрту», и т. д. Слова отречения охотник заканчивает криком: «Кара-кийя», или: «Ко-о ко-о», который иногда три или семь раз повторяется присутствующими, а шаман в это время неистово бьет в барабан. После отречения начинается второй акт праздника — пляска. Пляшущие исполняют так называемый «медвежий танец» (по-остяцки — ошни-як или лангель-даль). Пляшут все, каждый пляшущий надевает специальные рукавицы с вышитым изображением медведя (мойбер-якты-пост — по-казымски); если нет специальных рукавиц, то можно надевать и обычные или чем-либо обвертывать руки, например, сукном, тряпками и пр. С незакрытыми руками плясать нельзя. Если пляшущий надевает обычные рабочие рукавицы, то он должен (не всегда и не

езде) рукавицу с левой руки надеть на правую и наоборот. После пляски начинается последний акт медвежьего праздника — представление. Несколько человек берут на себя роль актеров, надевают на лица берестяные маски (тонды-веш — по-казымски) и разыгрывают перед собравшимися различного рода охотничьи или юмористические сцены. После представления праздник заканчивается, и начинается гулянка, сопровождаемая попойкой.

Следует отметить, что вогулы — любители театральных зрелищ, и импровизированный театр у них устраивается довольно часто. Деятельное участие в представлениях принимают ребяташки. Существует также определенный репертуар, но «вогульский театр», насколько я знаю, до сего времени не исследован и не описан.

После сказанного становится понятным заявление Медведя, который, обращаясь к Вазе, перечисляет предметы, связанные с церемонией медвежьего праздника. Лично мне не приходилось бывать на реке Казыме, но, по всей вероятности, этот отрывок саги разработан и пополнен на этой реке, так как я его записал со слов выехавших на рыбную ловлю на реку Обь казымских остяков из-под Ильбигорских юрт. Отрывок описывал похищение тамги, но имени Вазы не упоминал, так как действовал казымский богатырь, собственного имени которого я, к сожалению, не знаю, а в отрывке герой назван лишь в третьем лице: «он», черный человек, саряты-ху (шаман).

Избавившись от преследования Медведя, Ваза направился доставать перо Огненной птицы.

Подаренный старцем белый камень Ваза, согласно наказу, бросил вверх, и камень превратился в сороку. Попутно сага передает разговор сороки с Вазой. Сорока рассказывает о том, что злым шаманом Хаппо она была обращена в белый камень, который он бросил на

дно реки. Потом белый камень попал в невод остяку вместе с богатым уловом рыбы.

И остяк, меня увидев,
Положил в мешок и думал,
Что я белая натырма, —

рассказывает далее сорока. Натырма — промысловый божок или талисман, который приносит удачу в охоте. Талисман или божок (натырма), потерявший, по мнению его обладателя, свою силу, обыкновенно выкидывается и заменяется новым. То же произошло и с сорокой, превращенной в белый камень:

Но не долго это было.
За несчастья в охоте
Меня выбросил хозяин, —

говорит сорока, и после этого она делается игрушкой детей:

Дети мной потом играли...

После долгого путешествия Ваза достигает Ущелья Мертвых и совершает третий подвиг — похищение огненного пера птицы Таукси. В этой части поэмы главное место занимает описание верования вогулов в загробную жизнь и Царство Мертвых, «где живут умерших души».

Свершив третий и последний подвиг, Ваза теперь уже беспрепятственно может следовать через Царство Мертвых к Торыму...

Будьте милостивы к мертвым, —

такими словами начинается песня, описывающая, в частности, погребальные обряды вогулов.

Выше уже отмечалось, что, по верованию вогулов, богатыри и великие шаманы способны к перерождению

или перевоплощению. Мне приходилось видеть шаманов, которые серьезно заявляли, что они живут сотни лет и испытали не одно превращенье.

Забота живых об умерших, снабжение их самыми разнообразными предметами домашнего обихода, даже нередко нартой, имеющей для вогулов весьма значительную ценность, вызвана убеждением в том, что умершие помнят и заботятся о живых и что богатыри и шаманы непрестанно ходатайствуют за вогульский народ перед главными богами.

Царство Мертвых — немая равнина, над этой равниной стоит незакатное солнце, как полярным летом. Ваза, проезжая по равнине, видел стада оленей, дым многочисленных костров, чумы, лаек, «легких теней колебанье», слышал дробь пензера (барабана), слышал, как

Кто-то пел тоскливо песню,
Кто-то плакал и шептался...

Ваза не мог видеть многочисленное население Царства Мертвых, так как, по вогульским представлениям, души умерших прозрачны и невидимы.

В Царстве Мертвых Ваза встречается с древним богатырем Яный Келбом (Большая Кровь). Яный Келб рассказывает ему о приходе русских в вогульскую землю.

Это было в год тяжелый,
В год, как русские дружины,
Словно вешние потоки,
С гор спустились нежданно, —

начинает свое повествование Яный Келб и далее ведет более подробный рассказ. Он сообщает, что русскими предводительствовал «старик железный» (воин в броне), вместе со стариком-предводителем шел старик-монах,

который проповедывал веру в нового бога. Неудачи вогулов Яный Келб приписывает измене.

Нарисовав картину похода, Яный Келб перечисляет те насилия и жестокости, которые творили русские после победы:

Отобрали нашу землю,
 Наши реки и угодья.
 Обложили наши дымы
 Непомерной, тяжелой данью,
 Взяли жен, а мы рабами
 Стали им служить покорно.

С приходом русских

Прилетела смерть немая,
 Посылая нам болезни,
 На оленей мор звериный...

Эти слова Яный Келба — слова всех сибирских народностей, угнетенных царизмом. Все они, жалуясь на свою тяжкую участь, говорят об отобрании земли, угодий, о невыносимых поборах. Неудивительно, что в царствование Федора Ивановича Сибирь давала треть всех государственных доходов, а на лихоимство сибирских воевод даже царское правительство обратило внимание уже в 1601 году. В царском указе, данном пелымскому воеводе Траханиотову в 1601 году, указывается, чтобы служивые люди «корысти себе ни в чем не чинили», но указ, конечно, оказался мертвой буквой, а положение угнетенных северных народов осталось прежним. Известно, что первое время подушное количество ясака было не определено, и воеводы брали его по своему усмотрению. В 1601 году указано было собирать ясак с инородцев по десять соболей с женатого и по пять соболей с холостого, позднее количество было уменьшено. Главное зло были «поминки», то есть

подарки царю, воеводам и пр. До каких размеров достигали вымогательства, можно судить по одному тому, что в 1753 году сборщики ясака с самоедов «для поклона» брали: по десять белок и по два горностая с человека; нарымские воеводы в XVII столетии брали в свою пользу по десять соборей и пятьсот рыб с каждой волости. Взимался также ясак и с умерших, несовершеннолетних и нетрудоспособных.

С каждым днем их [русских] было больше,
Наш народ же уменьшался, —

замечает Яный Келб.

Горестное настроение вогульского народа перед лицом грозящей ему гибели выливается в плач; плачут не только люди, но и птицы, рыбы, звери, лес и вся природа.

И это безысходное горе народа заставляет Яный Келба поклясться страшной клятвой на лапе Медведя и призвать народ к восстанию:

Голос мой, как громкий бубен,
Бил тревогу неустанно,
Призывал вогулов к битве.

На голос Яный Келба отзывались вогулы, собралось скопище, и произошло одно из тех восстаний угнетенных северных народностей, которыми пестрит вся история Сибири с начала XVII по XIX век. Вогулы осадили русский острожек.

Десять раз вогульские скопища ходили к острожку, дружина отстреливалась из пушек, и осада должна была кончиться неудачно, так как в народе был уже ропот:

Мертвых много, крови много,
Не пойдем на бой мы боле,
Нам пора давно в паулы...

Скопище рассыпалось, но Яный Келб где-то добыл талисман и с его помощью перебил дружину русских, сжег острожек и убил бояра с монахом. Вогулы на этот раз победили, т. е. взяли острожек, но на следующий год:

Прибыл с новою дружиной
 Восвода, князь Давыдка,
 С ним пришел с крестом и книгой
 И отец-монах пузатый, —
 Началась тут месть за вожи.

На этот раз вогулов постигла полная неудача, а их предводитель Яный Келб в единоборстве с русскими свалился с моста в воду и утонул вместе с русским воином.

Рассказ Яный Келба является частью саги о Вазе. Встреча Вазы и Яный Келба, двух борцов за свободу вогульского народа, многозначительна, но легенда о Яный Келбе существует отдельно, а поэтому ее можно считать и самостоятельным эпическим сказанием нового эпоса. В конце беседы с Вазой Яный Келб говорит, что к обратному возвращению Вазы он оживет и вновь будет продолжать борьбу с русскими.

После встречи с Яный Келбом Ваза минует Царство Мертвых и через некоторое время прибывает к высокой, достигающей почти неба стене, огородившей Царство Нума. В Царство Нума ведут медные ворота на железных петлях. В старых былинах указывается, что у вогулов имелись «арьин-вах-вуж», т. е. медные городки. Князь, господствовавший над медным городком, считался могущественным и богатым, а поэтому неудивительно, что сага, описывая великий город всемогущего Нума, говорит о медной стене и медных воротах, у которых Ваза оставил своих оленей и, достав тамгу Торыма, потребовал, чтобы ему отворили эти медные ворота.

После препирательства с духом, охранителем ворот, Ваза вступает в Царство Торыма. Дух предупреждает его, что на пути он может встретиться с великаном Пенегезе и молодой колдуньей. Ваза благодарит духа за предупреждение и едет далее по Царству Торыма.

Остячко-вогульский Пенегезе, пожалуй, не кто иной, как Пюнегуссе, дух самоедской саги об Итьте, заимствованный вогулами и остяками. В первой части саги об Итьте повествуется о великане людоеде Пюнегуссе, который съел родителей Итьте и от которого сам Итьте спасся благодаря помощи одной старухи, скрывшей его от людоеда и воспитавшей его. Далее самоедская сага рассказывает о борьбе Итьте с Пюнегуссе, которая кончается победой Итьте. Чтобы не воскрес из мертвых Пюнегуссе, труп его сжигается, но побежденный людоед говорит: «Вы убили и сожгли меня, но я все же буду мучить людей; каждое лето ветер будет развеивать мой пепел, и пылинки будут летать кругом людей и сосать их кровь». Так, по самоедской саге, объясняется происхождение комаров. Вогульско-остяцкий Пенегезе, заимствованный из саги об Итьте, является также родоначальником комаров, ибо в препирательстве с ним Ваза говорит ему:

Комариное отродье,
Враг живущих — Пенегезе.

Таковое заимствование возможно, к тому же обе саги рассказывают об освободительной борьбе против русских и отличаются только тем, что сага о Вазе — более позднего происхождения, в то время как сага об Итьте является древним самоедским эпосом, принявшим позднейшие наслоения.

Кай-Доннер отмечает, что все остячко-самоедские племена, посещенные им, начиная от обитающих неподалеку от Томска вплоть до живущих у Тазовской

губы на Северном Ледовитом океане, знают действующих этой саги лиц. Такая распространенность саги подтверждает, что березовские вогулы и остяки могли легко позаимствовать одно из действующих лиц самоедского эпоса. Мне самому пришлось слышать на реке Сосьве рассказ, близкий к следующему эпизоду, встречающемуся в саге об Итьте: шаман (Пюнегуссе) проглатывает вместе с юртой Итьте и воспитавшую его старуху. Итьте разрезает ножом живот великана, освобождается и убивает его. В слышанном мною рассказе на реке Сосьве не фигурировали Итьте и воспитавшая его старуха, а рассказывалось о трех остяках, проглоченных великаном, но схема рассказа и способ освобождения были тождественны с эпизодом из саги об Итьте. Этот же эпизод записал и опубликовал Н. П. Григоровский в книге «Азбука его ссогой гулани» (Казань, 1879, стр. 30—33).

Пенегезе, узнав, что Ваза имеет тамгу Торыма и может ему разрезать живот, если он проглотит Вазу, не посмел тронуть героя, и последний продолжает свой путь. После Пенегезе Ваза встречается с чаровницей-колдуньей Логарь, которая его привораживает. Ваза целый день гостит у колдуньи.

После всех этих странствований Ваза, наконец, предстает пред лицом самого Торыма (Торма):

Белый ир повесил Ваза
Пред лицом Отца Торыма.

Ир — жертва, приношение в виде лоскута материи. Иры бывают белые и черные. Обычно иры — тряпки (черные или белые), которые развешиваются на сучьях священных деревьев или шестах. Тряпки могут быть и других цветов, и приносящий их должен только желать принести белый или черный ир. Например, вешая желтую тряпку, приносящий говорит или думает: «Вот такой-то (черный или белый) ир приношу тебе».

Торым как бог, ведущий беседу и отдающий приказания только через подвластных ему духов и богов, хочет при встрече с Вазой говорить через посредников, как со смертным, но Ваза замечает, что он достиг божественного достоинства и в праве говорить с Торым непосредственно. Торым обижается замечанием Вазы и отвечает ему:

Белый ир не нужен Торму, —
Ты же, знающий законы,
Разве этого не знаешь?
Торм, владыка всей вселенной,
Отдал жертвы своим слугам.

В этих словах Торыма сказывается желание поймать Вазу на незнании религиозных обычаев, но богатырь с прежним достоинством отвечает Торыму:

Я законы твердо знаю, —
Только белый ир оставил
Торм себе, другие жертвы
Отдал слугам и шаманам...

Затем Ваза замечает, что в награду за совершенные подвиги он стал богом и что перед Торымом он стоит

Не как выходец из Маа [земли],
Не безумец и невежа,
А как бог, тебе подвластный.

Далее Ваза излагает свою просьбу:

Два начала в нашей Маа —
Это волки и олени;
Белый ир на ветке хрупкой,
Черный ир на пне гниющем.

Развивая идею двух начал — добра и зла, сравнивая их с днем и ночью, Торымом и Мейком, волками и оленями, Ваза начинает рассказ о сибирских народах. Ваза ходатайствует не за одних родственников ему вогулов, но и за остяков, самоедов и т. д.

От лица «народов позабытых» Ваза рассказывает грустную повесть о том, что пришли чужие люди, что они с помощью железа и хитростей покорили эти народы и наложили на них дань и умертвили биков, т. е. князей. Князь — по-вогульски — атер, отер; слово же «бик» — татарское, как и «хон» (царь — от татарского слова «хан»), иногда употребляемое в былинах и героических сказаниях. Ваза рассказывает, что сибирские народности молились злым и добрым духам прежде, чем обратиться к Торыму, но помощи не было, и тем временем русские занимали их земли, строили городки, рубили леса, выжигали лес для пашен и пускали по рекам пароходы.

Затем Ваза перечисляет несчастья, принесенные русскими: они научили вогулов есть хлеб, пить водку, принесли болезни и пр. Заканчивая свою речь, Ваза замечает, что у вогульского народа осталась одна надежда на Торыма. Торым, выслушав Вазу, говорит, что он —

Суснахумм — Великий Торым
Обещает в Царстве Мертвых
Им [вогулам] великую награду
За страданья и лишения,

которые они несут на земле.

Ваза настаивает на земной награде и отвергает небесную, Торым недоволен настойчивостью Вазы и откладывает с ним разговор до следующего дня.

На другой день Торым обещает Вазе послать на русских чуму, которая их истребит. После истребления таким путем русских Торым обещает северным народам все блага жизни и национальную свободу. Торым дарит Вазе кольчугу, богатырский меч и предлагает одержать новых три победы: над зверем Иуром (китом), Мухором (мамонтом) и Мейком. Ваза возвращается, одерживает эти три победы, но в это время умирает Ючо, так как Ваза, победив Мейка, разрушил чары бессмертия Ючо;

Ваза обращается к Торыму с просьбой воскресить Ючо, но получает отказ. Тогда Ваза разрывает с Торымом, хочет перейти на сторону русских, но эту угрозу ему не дает осуществить тот таинственный старик, который однажды ему дал семь лучинок, камень белый и сухую траву. Старик предлагает ему отправиться искать «живую воду» и «живой прут», чтобы ими оживить Ючо. Ваза снова пускается в путь. Ваза до сего времени не возвратился, а поэтому дело освобождения вогулов не может осуществиться. Когда он возвратится, никто не знает, но все уверены, что должно настать это время, счастливое время для всех «народов позабытых» — таково заключение нового эпоса вогулов, созданного после завоевания Сибири русскими.

Наша поэма «Янгал-маа», цитаты из которой мы приводили выше, не является точным переводом вогульской саги о богатыре — освободителе вогульского народа, она написана совершенно иным размером, не свойственным ни вогульскому, ни остяцкому языкам; некоторые повторяющиеся эпизоды выпущены; вообще вогульская сага и вошедшие в нее наслоения и варианты послужили нам только канвой для поэмы, причем все сказания о богатыре-освободителе, которые нам удалось записать, независимо от имени героя, вошли в нашу поэму. Мы главным образом старались сохранить дух сказаний, возможную точность передачи оригинального текста и восстановить сказание о богатыре-освободителе в том виде, в котором оно могло бы существовать как законченное произведение вогульского национально-освободительного эпоса, с большой силой отразившего чаяния и надежды беспощадно эксплуатировавшегося и угнетавшегося в царской России народа.

Мих. Плотников

НАПУТСТВИЕ

Двенадцать лет (1915 — 1927) потребовалось мне для того, чтобы из отдельных, разрозненных былин, сказок, сказаний и шаманских песен вогулов составить и написать «Янгал-маа».

Целые месяцы в дымных юртах, землянках и берестяных чумах, на берегах безымянных рек, в тайге, на границе карликовых лесов, где начинаются бесконечные просторы тундры, приходилось собирать по крупинкам у скупых и недоверчивых сказителей рассказы о богатыре Вазе, красавице ай-Ючо, злом боге Мейке, страшном прародителе Пенегезе, огненной птице Таукси, Нуме и многих других богах, шайтанах и героях «Янгал-маа».

Прошло много лет, но и поныне я не могу забыть сгорбленную фигуру столетнего вогула — сказителя Кутони, чум которого стоял в верховьях Горностаевой реки — Сосс'я. Не могу забыть его слова: «Зачем скрывать стариковские рассказы? Напиши их маленькими словами, может быть, добрые люди помогут бедным маньси в их тяжелой жизни».

Дед Кутоня покинул насиженный чум на Горностаевой реке; недалеко от русла ее, где стволы высоких сосен отливают медью, около одной из сосен, в густом папоротнике поместилась забытая могила, под холмиком лежит Кутоня, а на сучке сосны висит навсегда умолкнувший шаманский бубен.

Шаман Кутоня, искушенный в гаданиях, конечно, не знал, что через несколько лет не только для маньси

(вогулов), но и для всех угнетенных народов Сибири наступят светлые дни.

С любовью и признательностью всегда вспоминаю Кутоню — моего учителя вогульского языка — вогула с Горностаевой реки, который помог мне открыть самый таинственный эпос — вогульский эпос «Янга-маа», рожденный в эпоху покорения русскими Сибири.

В неравной, продолжительной борьбе с русскими завоевателями иссякали силы маленького народа. Но надежда на лучшее будущее в вогульском народе не умирала. Если татары долгое время ждали возвращения последнего хана — Кучума, самоеды — богатыря Итьте, обладателя мудрости семи богов и семи стран, то вогулы, потерявшие надежду в открытом бою сбросить тяжелое иго московских царей, создали своего богатыря-освободителя — Вазу.

Вот почему рассказы, сказки, песни и былины о богатыре Вазе ревниво оберегались от постороннего уха недоверчивыми вогулами и не выходили за берестяные стены чумов.

Вот почему блестяли глаза у сказителей этих чудесных рассказов и пьянели без вина их слушатели от гортанного монотонного напева о подвигах мадура Вазы.

Вогулы дождались богатыря-освободителя, он пришел, но не в образе музыканта с берегов таежной Ксенты, а в лице русского многомиллионного пролетариата.

Наивные сказки наивного народа, открывающие целый новый мир, не должны умереть в стенах берестяных чумов и дымных юрт.

Исполняя волю Кутони, вогула с Горностаевой реки, я отдаю на суд читателей его «стариковские рассказы».

Мих. Плотников

25 июня 1927 г.

М. ПЛОТНИКОВ

ЯНГАЛ-МАА

(ТУНДРА)

ПОЭМА

ВСТУПЛЕНИЕ

«Вы видали на полянах
Позабывшие могилы?
Вы видали кости кхонна,¹
Кости белые оленей,
На ковре зеленом тундры?..
Так вогулы умирают,
Как олени в год голодный», —
Начал песню старый Кукса
Под удары барабана,
А ему на гусе² вторил
Ваза — юноша прекрасный.
«В зимний край³ уходят звери,
Птицы тоже улетают,
Рыбы стало много меньше
В мутных водах наших яя...⁴

¹ К х о н н а — олень. ² Г у с — музыкальный инструмент, имеющий форму птицы (лебедя), под который обыкновенно вогулы поют свои песни, а также пляшут.

³ В зимний край — к берегам Ледовитого океана.

⁴ Я я — реки; я — река.

Обмелела наша Ас'я,¹
Сиком² нашего народа,
И обской радетель — ойка,³
Царь всех рыб больших и малых,
Уж забыт и похоронен...
Вы скажите, кто здесь помнит
Про березовскую Рачу,⁴
Что с горы упала в воду
И не далась в руки русским.
Все проходит, умирает
И рождается в новом свете
В Царстве вечного Торыма,⁵
Нынче пьян вогул от орха,⁶
Маньси⁷ жертвы не приносит,
И разгневанные боги
Мстят ему и темной ни,⁸
Умерщвляют его душу,
Убивают его кхонна,
Опустелые паулы⁹
Заметают снегом белым...

¹ А с'я — вогульское название реки Оби. ² Сиком — мать, кормилица. ³ Ойка — старик, в данном случае известный идол народов севера Сибири, «Обской старик», покровитель рыб. ⁴ Рача — золотая баба, кумирня которой, как рассказывают, находилась на Березовском берегу. По преданию, Рача при каждом приближении русских бросалась в Обь, по другим вариантам — таинственно исчезала из кумирни. ⁵ Торым — верховное божество вогульской мифологии. ⁶ Орх — водка. ⁷ Маньси — вогулы; буквальный перевод — малый род. ⁸ Ни — ночь, темнота. ⁹ Паул — селение.

Мы уйдем, покинем Маа,¹
Чтобы больше не родиться,
И на быстрых конях — таут²
Не скользить по снежной тундре
За охсыром и за нюкса.³
Мы уйдем, покинем тундры,
Наших рек мы не увидим,
Наши хабы,⁴ как могилы,
На песках сгниют тоскливо;
Наши нарты⁵ без оленей
Зарастут травой зеленой,
И в паулах опустелых
Будут жить одни лишь танкыр...»⁶
Замолчал вдруг старый Кукса,
Не играет больше Ваза,
Все задумалось; угрюмо
Смотрит тундра вековая;
Черной птицей, птицей смерти
Пролетела эта песня
И запала в сердце маньси,
В сердце робкое вогула,
Как великое проклятье
Дней прошедших, дней грядущих;
А в логу, над темной падью⁷
Слышно было, как смеялся

¹ Маа — земля. ² Таут — лыжи. ³ Охсыр — лисица; нюкса — соболь. ⁴ Хабы — долбленные из целого ствола дерева лодки. ⁵ Нарта — сани без оглобель, употребляемые для запряжки оленей. ⁶ Танкыр — мыши. ⁷ Падь — лог.

Кто-то громко и протяжно
Над грядущею бедою
Позабытого народа...
Улыбнулся старый Кукса,
Он блеснул глазами грозно,
Громким голосом воскликнул:
«Не печальтесь, не горюйте!
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне...
Все в прошедшем, все в грядущем,
Все проходит, умирает
И рождается в новом свете —
В Царстве вечного Торыма».

И умолкнул старый Кукса,
Что-то долго вспоминая,
И над логом — в темной пади
Слышно было: кто-то плакал,
Плакал громко и протяжно
Над грядущею бедою
Позабытого народа.
Лес шумел и дятел где-то
Стучал мерно своим клювом;
Над рекой в седом тумане
Вещим голосом гагара
Что-то громко прокричала.

Все молчало, ожидало
Песни новой, песни счастья,
Песни радости великой
Для вогульского народа.
Долго медлил старый Кукса,
Не решаясь молвить слово,
Терпеливо выжидая
Срока лучшего для песни,
И тихонько струн касаясь,
Ваза, юноша прекрасный,
Был задумчив и печален,
Как осенний день без солнца.

«Это песня и загадка, —
Наконец промолвил Кукса, —
Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот спасет народ забытый,
Тот укажет путь широкий,
Как река весной в разливе,
И в последний час прощальный
Он без скорби и страданий
Вознесется выше леса,
Выше гор, покрытых снегом,
В Царство дальнее Торыма.

В незапамятные годы,
Старики так говорили,

Что маньси к морям холодным,
В край суровый, непогодный,
В царство Мейка,¹ бога злого,
Прибтели из стран далеких,
Где сияет вечно солнце,
Где лишь ласковая Туе²
Целый год царит бессменно...
Прибтели и путь забыли,
Путь обратный в царство Котлег.³

В красном зареве заката
Опускалась ночь на землю,
Тени робкие бежали
От стволов сосён и кедров,
От берез, осин сторожких;
Малость времени умчалось,
Ночь закрыла солнце тканью,
Тканью легкою, дрожащей,
На которой месяц юный
Вместе с звездами был выткан, —
Месяц золотом, а звезды
Серебром и красной медью.

Ночь пришла, пойдите в юрту,
Здесь не время оставаться,

¹ Мейк — злое божество мифологии вогулов. ² Туе — весна. По мнению ученых, финские племена, к которым относятся и вогулы, вышли во времена глубокой древности из Средней Азии, хотя это до настоящего времени точно и не установлено. ³ Котлег — солнце.

Может дух подслушать песню
И разбить желанья наши», —
Так промолвил ойка Кукса,
А в логу, над темной падью
Слышно было: кто-то плакал,
Кто-то радостно смеялся
И в ладоши громко хлопал,
Как плашмя веслом о воду.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

Тесным кругом — у чувала
Собрались вогулы слушать
Сказку Куксы — песню Куксы
О счастливом избавленьи
Позабытого народа.

Долго думал ойка Кукса,
На огонь глядя в чувале,
И потом он начал песню
Тихим голосом, печальным:

«Кто не знает сёмён¹ Мейка,
Кто не слышал, как он плачет,
Плачет тихо, плачет громко,
По тайге скитаясь тайно,
И охотников уводит
От тропинок проторенных
В лес дремучий иль болото,

¹ Сёмён — злой.

Где гагары¹ гнезда свили,
Где горят огни в тумане, —
Там он губит их навеки.
Часто птицей он огромной
Прилетает к дыму чумов,²
Посылает смерть и горе;
И напрасно наши ампы³
Скачут, бегают проворно,
Как бы зверя настигая,
Не достигнут ампы Мейка:
Высоко над темным лесом
Птицей смерти пронесется
И исчезнет в синей дали,
Как стрела из лука Вачи,⁴
Бог коварный ойка Мейка.
Чаще Мейка прилетает —
Больше падает оленей,
Крепче спят вогулы почью,
Меньше дремлют волки-шейши,⁵
Хвост поджавши, убегают
С визгом тихим, еле слышным,
Ближе к чуму лайки в страхе.

Миновало это время;
Как весенний снег на солнце,
Испарились годы счастья,

¹ Гагара у вогулов считается священной птицей.
² Чум — шалаш, палатка конусообразной формы, из бересты, шкур. ³ Амп — собака. ⁴ Вача — легендарный стрелок. ⁵ Шейшь — волк.

Тихой радости покоя,
Их нарушил старый Гузы
Алчной жаждою к наживе
В год прихода русских в Маа.

Там — на берегу далеком,
В чаще леса векового
Было капище большое
У сосны, у пупы-яя.¹
В этом капище богатым,
В тканях, золотом расшитых,
На зеленом возвышеньи
Жил великий торум² Мейка.

В гордом сердце бога Мейка,
В те года, что миновали,
Не горела жажда мщенья,
Жажда битвы непосильной
С богом Торымом Великим;
И в ладу он жил с народом,
Как отец великий Маа,
Был ко всем сердечно ласков,
Справедлив и прям душою.

В год тяжелый, год несчастный
Из-за гор, покрытых снегом,

¹ П у п ы - я — священная река, т. е. река, вблизи которой находится капище какого-либо идола. ² Торум — бог, здесь в смысле божок.

Отражались смерть и горе,
Блеск кровавого заката
Дня, ушедшего навеки.

Ослепленный ойка Мейка
Не настиг шамана Гузы,
Спрятал Гузу в Царстве Теней
Торым-Нума всемогущий...
Но отмстил нам Мейк жестоко,
Как семье, родившей Гузы, —
Он зажег тайгу, паулы,
Указал тропинки русским,
Разорил в тайге кумирни,
Задушил оленей наших
И на бой неравный вызвал
Всех богов с Торымом вместе.

День сменялся тьмою ночи,
Год за годом проходили,
Лист желтел и осыпался,
И на крыльях белоснежных
Прилетала в тайгу Тэли¹
Из янгал-маа² холодной,
Но забыть не может Мейка,
И на быстрых кхонна летом
В тучах черных он летает,
Громяхая крепкой нартой...
«Гром гремит», — тогда мы скажем.

¹ Тэли — зима. ² Янгал-маа — тундра.

Если молния прорежет
Тучу черную, как змейка, —
Это прыгают олени
В быстром беге по стремнинам,
Подгоняемые Мейком,
И рога их золотые
Разрезают тучу блеском...
«Это молния», — мы скажем.
Пусть герой не устрашится,
Пусть он хитростью иль силой
Ночью, в темь, хотя и чутко
Дремлют сторожкие кхонна,
Он похитит головного
Вместе с нартой и упряжкой
И угонит незаметно
От жилища бога Мейка...
Это будет первый подвиг,
Первый шаг к спасенью маньси,
На олене быстроногом,
Нарте, точенной из кости, —
Будя месяц на исходе, —
Можно чум сменять на нарту
И помчаться в царство ойки —
Старика, Отца Медведя,¹
К тем большим горам, на север,
Путь держать свой неуклонно
До истоков рек Оксара.

¹ В уяньчх — медведь, по верованиям вогулов, ведет свой род от создателя вселенной Торым-Нумы.

«Спать пора, — промолвил Кукса, —
Слышу голос, вам не слышный,
Вижу духа на тропинке,
Он идет подслушать песню,
Он расскажет вору Мейку,
Завтра песню я dokonчу...»
Поблелел и весь затрясся
Старый Кукса и протяжно
Прокричал: «Я вижу духа!»

ПЕСНЯ ВТОРАЯ
ВТОРАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

И когда склонилось солнце
За зубчатые вершины
Елей хмурых над увалом,
И кровавые осины
Над кровавою рекою
От лучей последних солнца
Что-то тихо зашептали,
И когда над темным лесом,
Высоко под облаками,
Крики стаи журавлиной
Скорбно стоном зазвучали,
Как последнее прощанье,
И когда у пупы-яя,
У сосны шамана Лача
Запылал костер смолистый,
И сначала тихо-тихо,
А потом все громче, громче

Барабан стучал уныло,
Вызывая духов ночи,
Ойка Кукса песню начал
О Медведе — Шубном Старце.

«В те года, что миновали,
Что не помнит даже Ортик,¹
Бог Обской губы и тундры,
В первый раз в тайге явился
Отец шубный, старец важный,
Наказать людей нечестных,
Рассудить вогулов споры
И зиму сменять на лето².

На горах больших, на запад,
На утесе, в темных кедрах
Чум поставил Шубный Старец;
И туда к нему ходили
Недовольные судьбою
Иль обиженные сильным;
Он судил дела по чести,
Предавал виновных смерти,
Ободрял невинных лаской.

Проходил так год за годом,
И ни разу сердце ойки,

¹ О р т и к — божество Обской губы. ² Намек на зимнюю спячку медведей.

Старца Шубного Медведя,
Не скривилось к лжи коварной,
И ни разу ойка-старец,
Разбирая спор вогулов,
Как неопытный охотник,
Не терял следа и к юрте
Без добычи не вернулся.

Много лет прошло счастливых,
Но ошибся Шубный Старец,
Разбирая дело Ючо...
Кто не знал красотку Ючо?
Как огонь костра в тумане,
Привлекала Ючо сердце
Раз взглянувшего на нэа,¹
И потом ночной порою
Не давала спать спокойно
Красота и речь живая
Цвета жизни — эква-Ючо.

Много юношей прекрасных,
Ловких, смелых, как шайтаны,
Предлагали вишнэ-Ючо²
Стать женою их навеки,
Но она смеялась только
И в ответ на речи страсти
Отвечала лишь улыбкой:

¹ Нэа — женщина. ² Вишнэ — девица.

«Не хочу я, как другие,
Быть рабой мужчин суровых;
Красота моя в работе,
Как цветок, завянет быстро
От холодного дыханья
Ветра северного тундры».

Двадцать весен миновало,
Но ни разу сердце Ючо
Не откликнулось на ласки,
На любовь и обещанья,
Ючо пела и смеялась
И все так же повторяла:
«Не хочу я быть рабою,
Мне не надо бус янтарных,
Парки¹ теплой соболиной,
Я цветами украшаюсь,
Мне к лицу меха простые;
Не хочу я быть рабою,
Быть собакой в дымном чуме».

И томимый страстью жгучей,
Хитрый Лач решил взять силой,
Что хранила вишнэ-Ючо,
Что желал он больше жизни.
Ночью темной он прокрался
В чум красоти вишнэ-Ючо
И, как рысь, напал безумный

¹ Парка — верхняя меховая одежда,

Лач с протяжным диким криком,
Торжествуя ночь победы.
Вишнэ-Ючо отбивалась,
В страхе бегала по чуму
И молила нежно Лача:
Чум оставить, и не трогать,
И не делать ей бесчестья...
Но напрасно, Лач смеялся...
И, схватив в объятия Ючо,
Он упал на нары с нею;
Как змея, скользнула Ючо,
К входу кинулась проворно
И, схватив саырб¹ тяжелый,
Им рассекла череп Лача.

Разнеслася весть повсюду:
«Вишнэ-Ючо заманила
В чум почной порою Лача
И во сне его убила».
Все кричали: «Стыдно, стыдно,
Чтобы женщина мужчину
Безнаказанно убила...
Наказать убийцу Лача,
Чтобы помнили все вишнэ
И страшились наши нээ
Помышлять о страшном деле».
И, связав ремнями Ючо,

¹ Са ы р б — топор.

Отнесли к Отцу Медведю
Для суда и наказания.
«Смерти требуем», — сказали,
Как один, вогулы в гневе,
Старец Шубный поднял лапу:
«Развязать сейчас же Ючо!»
Десять ножигов блеснуло,
Ючо встала перед Старцем...
«Шубный Старец, ойка мудрый,
Я скажу тебе всю правду», —
Начала печально Ючо...
«Смерть!» — вновь крикнули вогулы.
Испугался Шубный Старец,
И хотел махнуть он лапой
В знак согласия с народом...
Хохот дикий прокатился
По вершинам гор великих,
На оленях быстроногих
Мейка грозный вдруг явился.
«Стой!» — он крикнул Старцу грозно...
Все упали на колени,
Зашатались гор вершины,
Заскрипели округ кедры,
И ручьи умолкли разом.
«Старец Шубный — хуже бабы,
Старец спит, как ваши боги,
И дела справляет плохо...
Вы хотите смерти Ючо,
Но скажите мне по сердцу,

Как один, все вместе с ойкой:
Кто ночной порой — в безлунье,
Как олений зверь¹ по следу,
Нападет на чум коварно,
Чтоб добро ограбить ваше,
То какое наказание
Тот заслужит по закону?»

«Смерть!» — сказали, как один, все,
Шубный Старец и вогулы.

«Хорошо, — сказал бог людям, —
Вы достойны наказания,
Что судить хотели Ючо,
Не прослушав показанья,
Вы, как дети, в глупой ссоре
Раскричались над невинной
И карать хотели смертью». —

«Мы не слышали, что скажет
Лач, убитый вишнэ-Ючо», —
Старец молвил, глядя в очи
Богу грозному, как буря.

«Я сказал!» — промолвил громко,
И, ногой о землю топнув,
Мейк во гневе трижды крикнул:

«Лач, иди! Скажи им правду,
Пусть они тебе поверят,
Если Мейку нет здесь веры».

Лач явился из могилы,

¹ Олений зверь — волк.

Поклонился низко в землю
И, к народу обратившись,
Голосом глухим промолвил:
«В этом деле я виновен», —
И исчез, как на восходе
Над рекой туман игривый
Исчезает в блеске солнца.

Тишина вдруг наступила,
Все молчали, ждали слова,
Ждали бед и наказаний
От разгневанного бога.
Мейк в молчаньи сел на нарту,
Посадил с собою Ючо,
Плюнул Старцу прямо в морду,
Тем лишив его рассудка
Разбирать дела людские,
Укатил на запад быстро,
Крикнув голосом веселым:
«Ючо будет мне женою».

Шубный Старец с гор спустился,
Захватив тамгу¹ Торыма,
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма,²
И, женившись здесь на Мюсснэ,³

¹ Тамга — священный знак, талисман, родовой знак.

² Мирра-Суснахумма — то же, что и Торым, Нум.

³ Мюсснэ — русалка, также дева-дух, существо, подобное русалке.

Вновь ушел в свое жилище,
И забыл он путь обратный
В Царство дальнее Торыма...
Пусть герой не устрашится,
Пусть он хитростью иль силой,
Почью, в темь, когда так чутко
Дремлют сторожкие ампа,
Он похитит знак Торыма —
Тамгу Мирры-Суснахумма,
Чтоб в его проникнуть царство, —
Это будет подвиг смелый,
Шаг второй к спасенью маньси», —
Так закончил песню Кукса.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ
ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

Третья ночь сошла на землю,
Третью песню начал Кукса
Под удары барабана,
Под напев свирели нежной,
Тонко сделанной шунгуром ¹
Из кости большого зверя,
Похороненного в тундре, ²
И ему на гусе вторил
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен...

«Только солнце, путь кончая,
В заревой крови потонет, —
Пел уныло ойка Кукса, —
Над великою рекою,

¹ Шунгур — музыкант. ² Мамонта.

И повыползет навстречу
Сумрак темный из расселин,
Бог великий в небе темном
Зажигает щедро всюду
Тьмы костров из щеп смолистых,
Чтобы бедные вогулы
Находили путь к паулам.

Духи ночи в это время
Выползают из расселин,
Из воды, древесных дупел,
Из глубоких нор подземных
И крадутся тихо-тихо
К огонькам паулов сонных,
Чтоб тревожить наши души,
Чтоб вселять вражду и злобу
И толкать на преступления.

Вы видали темной ночью, —
С неба дальнего, как камень,
Светом огненным сияя,
Птица Таукси слетает.
И, глядя на это чудо,
Говорим в уме мы тихо:
«Птица Таукси спустилась,
Кто-то зло замыслил в сердце».

Мы не видим в блеске солнца,
Как в лучах она обратно
Поднимается на небо,

Чтоб поведать Торым-Нуму
О грехах минувшей ночи.
Мы не видим в блеске солнца
Крыльев огненных, как пламя,
Птицы Таукси Великой;
Только чуткие шаманы
Остро видят птицу ночи,
Слышат хлопанье крыльев,
Крики тихие, как песни
Ветра южного в теснине...
В те года, что миновали
Так давно, как сон забытый,
Над рекой великой Ас'я
В кедраче, в немой низине,
Где болото начиналось,
Птица Таукси гнездилась
В юрте маленькой из бревен.

Каждый год весной по Ас'я
Много лодок плыло к месту,
Где сидела птица бога,
С драгоценными дарами.
Поровнявшись с Черным Яром,
Лодки тихо приставали,
И, под тяжестью сгибаясь
Ценных жертв и приношений,
Маньси в капище спешили.
Их встречал шаман великий,
Старец, мудрый предсказатель,

Принимал дары смиренно,
И для каждого из многих
Находил он слово ласки,
Слово вещего значенья
Дней грядущих, дней прошедших,
Что он ясно видел взором
В темном Царстве дальних Теней,
Царстве духов легкокрылых.

Ночью темной зажигались
Тьмы костров над тихой Ас'я,
И, как бабочки, мелькали
Человеческие тени...
Барабаны непрерывно
Отбивали дробь, и тихо,
Тихо пели песни маньси
В эти ночи над кострами,
А тайга, как рой шмелиный,
Все шумела да шумела.

Весть тревожная стрелою
Пронеслась от чума к чуму;
Взяв колчаны со стрелами,
Маньси бросились навстречу
Чужестранцам с бородами,
И отряды тихо, ночью,
Как неясные виденья
Мертвецов из Царства Теней,
Замелькали меж стволами

По тропинкам проторенным...
Стоном скорбным барабаны
Все молили о победе,
И не раз шаманы громко
Звали в бой с врагом коварным.

В этот год на Черном Яре
Не горели ярко ночью
Тьмы костров, как звезды в небе,
Не гремели барабаны,
Голосов не слышно было...
Только совы на деревьях
Громко щелкали гортанью
И кричали: «Горе, горе!
Чужестранцы к нам подходят.
Люди русские уж близко».

Птица мудрая с шаманом
В темном капище у яя
Притаилась, ожидая,
И вела беседу тихо:
«Слушай, — птица говорила, —
Не придет и ночь на землю,
Не зажгутся в небе звезды,
Как придут сюда те люди,
Ты беги, не ожидая,
Молви маанси, что ты видел
Здесь над тихой пупы-яя;
Ты скажи, что, улетаю
В Царство дальнее Торыма, —

Продолжала птица строго, —
Ночью темной, в свете ярком
Я в тайгу спускаться буду,
Чтоб следить за правым делом
И наказывать виновных,
Доносить об этом Нуму,
Охранять большие двери —
Вход широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений,
Не пускать туда бесчестных
И встречать правдивых маньси».

И, взмахнув крылами, птица
Отделилась от сиденья,
В ярком свете, словно пламя,
Понеслась над темным лесом,
А шаман, упав на землю,
Плакал, громко причитая:
«Горе! горе! Смерть приходит!
Горе! горе! Нет защиты!
Птица вещая, вернися,
Не бросай нас волку в зубы».
Вдруг услышал ойка мудрый
Голос грозный в небе дальнем:
«Встань, старик! Не надо плакать,
Встань, иди в паулы с вестью,
Расскажи же всем о чуде».

Старый ойка встал покорно,
И нетвердым шагом, тихо

Поплелся к Чихир-паулу,
К чумам, где залетневали
Возле капища вогулы.
Приближаясь, он увидел,
В красном пламени пожара,
Люди русские, как тени,
Окружив паул, стреляли
Зельем бесовским из ружей.
Словно белки от пожара,
В страхе смертном убегали
Одинокие вогулы,
Злым пришельцам оставляя
Жен, детей и все, что было
Ими нажито годами.

Встало солнце, на увале,
Где стоял паул не малый,
Догорали головешки,
Пни чернели в кучах пепла,
Груды тел валялись всюду.
Кровь, как спелая брусника,
Заливала землю дедов,
Хабы русских, взяв добычу, —
Женщин, девушек и рухлядь¹
И добра другого много, —
Отправлялись дальше грабить
По простору мутной Ас'я.

¹ Рухлядь — пушнина.

Впереди стрелой летала
Весть тревожная до моря,
И, как звери, в темень леса
Дети, женщины и старцы
Уходили, а навстречу
Войско храброе вогулов
Поднималось грозной тучей
Из лесов, низин и топей,
Речек маленьких, урманов,
С рек больших, холодной тундры,
И великой, сильной ратью
Шло навстречу чужестранцам.

В тот же год шаман великий,
Птицы Таукси служитель,
Был казнен в Сумгуте-воже¹
Вместе с многими князьями,
А его душа на крыльях
Птицы Таукси Великой
Улетела в Царство Нума,
Где живет она поныне...

Пусть герой не уstraшитcя,
На оленях быстроногих,
Захватив тамгу Торыма, —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма, —

¹ Сумгут-вож — Березовый городок — остякское название г. Березова, Уральской области.

Он по мертвому ущелью,
Где живут умерших тени,
Вихрем гордым пронесется;
А потом у Камня Жизни,
Где таинственная птица
Охраняет дверь большую, —
Вход широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений, —
Из хвоста священной птицы
На бегу, рукой проворной
Вырвет он перо и, дальше
Освещая им ущелье,
В Царство светлое Торыма
Въедет смело и спокойно...
Это будет подвиг смелый,
Третий шаг к спасенью маньси,
Шаг последний для героя», —
Так закончил песню Кукса.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

СОН ВАЗЫ

Туча черная зловеще
Солнце светлое закрыла,
Зашумели гневно кедры,
Пробежала рябь по речке
Чешуею серебристой;
А потом поднялся ветер,
И валы, как струны гуса,
Зазвенели на припеске;
Кулики с тревожным свистом
Промелькнули над водою.

Змейкой огненной метнулась
В небе темном, в небе грозном,
Как неведомая тамга
На стволе громадной ели,
Лента молнии проворной.
Вслед за ней удар громовый
Стукнул грозно в темной туче,

А потом он, рассыпаясь,
Побежал в небесных кручах...
Крупный дождь упал на землю,
Застучал по стенкам чума
Частой дробью барабана...
Где-то голубь скогогукал
И, забравшись в гущу хвои,
Замолчал, слохматив шею.

В чум укрывшись, неподвижно,
В забытии сидел глубоко
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен.
Лайка белая — Снежинка,
Вазы верная собака,
У дверей сидела тихо,
Лишь ушами шевелила,
Если гром гремел над чумом.
Но не слышал Ваза грома,
Он не видел блеска молний,
Освещавших стены чума,
И не знал, что дождь по крыше
Дробь неясно выбивает,
Как дрожащею рукою
Старый ойка перед смертью,
Тяжело дыша, гадает
О своем конце печальном,
О Конце-Концов великом,
Что зовут все люди Смертью.

Ветер — буй на колеснице
В туче весело проехал,
А потом, надувши щеки,
Начал дуть на тучу с краю.
Туча дрогнула, спустилась
И, послушная дыханью
Ветра нежного с Низины,
Тихо двинулась на север...
Ветер гикнул на оленей
И последовал за тучей,
Как охотник следом зверя.

В забытьи сидел глубоко
Ваза, юноша прекрасный,
Он не слышал взмаха крыльев
Ветра нежного с Низины,
Он не видел солнца в небе
И не знал, что ветер сбросил
Сети с кольев прямо в воду
И запутал о коряги.

В облаках священной меди,
Меди красной, легкоплавкой,
Солнце к западу склонилось
И, последним поцелуем,
Осветило лес янтарный
Золотистой легкой пылью;
На реке, где неподвижно
Лес янтарный отражался,

Краски алого заката
Разлились цветами крови.

Малость времени промчалось,
Ночь немая темной птицей,
Круг полета все сужая,
Опустилася на землю;
Краски алого заката
Потемнели, остывая,
Лишь полоска красной меди
Там, где спряталось солнце,
Еще гневно трепетала.

Но погасла и полоска
Красной меди легкоплавкой,
Ночь и тьма покрыли землю;
В небесах зажглись звезды;
Совы редкими тенями
В темноте осенней ночи,
Как отвергнутые души,
Меж деревьями мелькали;
Где-то были тяжело волки,
Где-то плавилась ускуль,¹
Лес шумел, и шелкал филин
На верху сосны шамана.

Ваза встал, и мутным взором,
Взором сна и пробужденья,

¹ У с к у л ь — нельма (речная рыба).

Он взглянул на кур ¹ потухший,
Стены выгнутые чума,
Лайку белую — Снежинку,
И, поправив косы сзади,
Снова сел он на скамейку,
А в душе его боролись
Сон пьянящий с пробуждением.
С звонким лаем амп Вазы
Побежала к дверям чума,
Ваза встал, борясь с дремотой,
Потягаясь и зевая,
И пошел, чтоб встретить гостя,
Гостя позднего, ночного.
Дверь неслышно отворилась
И, согнувшись, старый ойка
В чум вошел неторопливо
И промолвил хрипло: «Пайсе,
Пайсе, Ваза, ойка рума» ². —
«Пайсе», — молвил тихо Ваза
С удивленьем и со страхом;
Он не знал, откуда ойка
В чум к нему глубокой ночью
Вдруг пришел, и сам, незванный,
Сел на нары у камина.
И сейчас же пламень яркий
Без кремня и без лучины
Запылал, и дым приятный,

¹ Кур — печь, очаг. ² Здравствуй, здравствуй, Ваза, старый друг!

Как цветов благоуханье,
Разлился по чуму Вазы.
«Ваза, Ваза! — молвил старец, —
Я все вижу и все знаю,
Что ты думал, что ты скажешь,
Я в твоей душе читаю,
Как бояр ¹ по книге белой,
Но у русского бояра
Память слабая, больная,
Он походит на младенца
С головой лисы коварной,
Он поэтому читает,
И поэтому он пишет
Книгу белую, большую.

Мне не надо книги белой,
Я все помню и все знаю.
Много лет стоит за мною,
Много прожил я на свете
И копил годами мудрость,
Слушай, Ваза, вижу духа
Я в твоей душе глубокой,
Белый дух воюет с черным,
С духом черным — нежеланья
Делать доброе живущим;
И теперь ты на распутьи, —
Так олень дым чума ищет, —

¹ Б о я р — чиновник.

Стал, не зная, где широкий
Путь прямой к Отцу Торыму.
Слушай, Ваза, — молвил старец, —
Сохрани в своем ты сердце,
Что сейчас тебе скажу я.
И потом, как воин храбрый,
Ты не бойся испытаний,
Изгони из сердца слабость,
Снаряжайся в путь немедля.
Путь далек, тяжел и труден,
Лучше спать на шкурах в чуме,
Есть оленину и рыбу,
Запивать все теплой кровью,
Чем трусливо возвратиться
(Это лучшее беру я),
А не то случиться может:
Трус погибнет — гневны боги:
Кто дерзнет похитить тайну, —
Тайну, скрытую глубоко
За пределами живущих, —
Страшной смертью погибает...

Первый подвиг — кхонна Мейка;
Второй подвиг — тамга Старца,
Шубного Отца Медведя,
И последний подвиг, третий —
Жар-перо огнёвой птицы,
Птицы Таукси Великой.
«Слушай, Ваза», — молвил старец,

И дрожащею рукою
Из-за пазухи он вынул
Стебельки травы сушеной,
Семь лучинок, камень белый,
И все подал музыканту.
Ваза взял, а старец тихо
Прошептал ему на ухо:
«Как похитишь ты оленя
Из упряжки бога Мейка
С нартой, точенной из кости,
Ты спеши скорее скрыться,
Если Мейк увидит нарту
И помчится за тобою,
Брось тогда траву на землю:
Ты невидим будешь Мейку.

Все на север, к большим горам
Путь держи свой неуклонно
До истоков рек Охсыра.¹
Там, на берегу пологом,
У сосны, разбитой громом,
Ты найдешь избу большую,
Это будет юрта Старца —
Ойки Шубного Медведя.
В ней у самого порога
В щель, как гвоздь, забита тамга,
Ты возьми ее тихонько.

¹ О х с ы р, О х с ы р - я — Лисья река.

В ночь да в темь, когда сам старец
Спит в углу с женой своею,
С Мюсснэ — девкой водяною,
И садись скорей на нарту...
Если старец вдруг проснется
И в погоню за тобою
Побежит по следу нарту,
Брось на землю семь лучинок:
Лес великий разом станет,
Как стена, он скроет нарту.
И без страха путь свой, Ваза,
Продолжай, как храбрый воин,
Как потомок вольных маньси;
В этом подвиге тяжелом
Ты не бойся страха смерти.
Брось на землю камень белый,
Ты тогда увидишь чудо:
Камень белый, мертвый камень
Станет птицей белоснежной,
Птицей белою сорокой,
Наделенной даром речи,
И потом следи проворно
За полетом белой птицы,
Направляй за ней оленей,
Мчись туда, куда помчится.

Птица вещая сорока
Приведет твоих оленей
На Великую Низину,

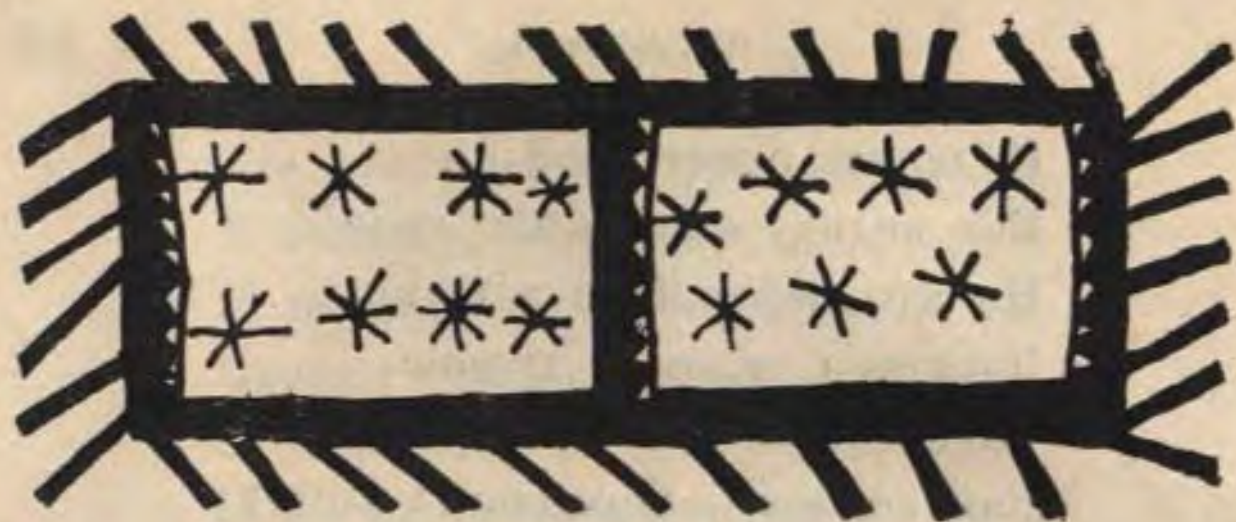
Где стоят леса в тумане.
В ясный день, зимой и летом,
И весной, когда с ручьями
Сходит снег и травы шепчут
Свой привет Отцу Торыму
И когда старушка-осень
Плачет горестно слезами
О минувшем царстве Тои.¹

Птица вещая сорока
Путь укажет в Царство Мертвых,
Приведет тебя к ущелью,
Где живут умерших души,
Там она тебя оставит,
Там начало Царства Мирры,
Царство Торыма и Нума.
Там на белом Камне Жизни
Охраняет дверь большую,
Вход широкий в Царство Мертвых,
Царство лучших наслаждений,
Птица Таукси бессменно.
На бегу, рукой проворной
Из хвоста священной птицы
Выври ты перо и дальше,
Освещая им ущелье,
В Царство светлое Торыма
Путь держи. Ты близок богу,

¹ То и — лето.

И держи ответ свой смело...
Бог велик, ничтожны люди,
Но кто первый из живущих,
Вместе с телом и душою,
Вместе с нартою и упряжкой
Сам войдет — бессильны боги;
Кто бессмертные заслужит,
Тот подобен будет богу».

Лес шумел, на небе дальнем
Белоснежными комками,
Как неведомые стаи
Птиц невиданных, лениво
Облака плыли к востоку.
Робкий луч прокрался в юрту,
Он смотрел из темной щели
И играл на грязных стенах
Низкой юрты музыканта...
Ваза спал, дремала лайка,
А на лавке у шайтанов,
Вместе с гусом и колчаном,
Стебельки травы сушеной,
Белый камень, семь лучинок
В свете солнечном лежали...

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Ю Ч О

В лес печальный, молчаливый
Белоснежной птицей с неба
Тэли грозная спустилась,
Синим льдом сковала реки,
Белым мехом горностая
Затянула землю-маа
И с угрюмым старцем Ветром,
Ветром северным, холодным,
Застучалась в двери чумов...

По утрам над мерзлой Ксентой ¹
Дружно струйками тянулся,
Сквозь налет морозной пыли,
Черный дым смолистых сучьев
Из верхушек острых чумов,
Из чувалов юрт, закрытых
Снегом белым с твердым настом.

¹ К с е н т а — собственное имя реки.

Только юрта музыканта,
Игрока на гусе Вазы,
На увале, в темных кедрах,
С широко открытой дверью,
Словно в зной июльский летом,
Нетопленая стояла.

Рядом с юртой музыканта
Покривившийся амбарчик
На шести столбах кедровых,
С дверью, запертою плотно
На замок большой с винтами,
Сиротой стоял в сугробах...
Не чернела тропка к юрте,
Дверь шестом была приперта,
Снята лестница и скобки,
Запушилась мягким снегом;
Было видно, что хозяин
Далеко ушел от юрты...

Белки юркие проворно
В хвое кедров молчаливых,
На увале, где жил Ваза,
Днем резвились, словно дети,
Не боясь покоя нарушить
Лайки чуткой музыканта.
Ночью в дупла забирались
И, свернувшись в мягких листьях,
Засыпали сном покойным...

Той порой тенями ночи
Волки стаями бродили,
Чуя запах человека,
Дым смолистый юрт и чумов,
Не решаясь кровь отведасть,
Кровь горячую оленя.
Пробежав в паул с увала
И садясь у самой двери
Юрты Вазы-музыканта,
Выли жалобно и долго,
А внизу в ответ собаки
Дружно лаяли их песне.

«Где наш Ваза? Что случилось?
Жив ли он? Когда вернется?» —
Часто думали вогулы,
И не раз они шамана,
Куксу, мудрого в гаданьях,
Тайну выведать просили.
По напрасно, — Дух Великий,
Дух Великий, знавший это,
Не давал на то ответа...
Только раз на новый месяц
В юрте старого шамана
Тихой дробью застучали
Разом все три барабана,
И в углах защелкал кто-то
Им в ответ, и в страхе Кукса
Молвил голосом дрожащим:

«Хос-хот, хос-хот, ¹ крылья птицы,
Птицы малой и великой,
Трижды, трижды — хурум, хурум,
Сгинь, минуя эту юрту».
Замолчали барабаны,
Разом тихо стало в юрте,
И над ухом у шамана
Кто-то шопотом промолвил:
«Не пытай, старик, — напрасно»...

По полянам, по низинам,
Меж увалов, по болотам,
Мимо юрт, зимовок, чумов,
Лесом мертвым, зимним лесом
Мчался Ваза в царство Мейка
День и ночь, как ветер быстрый,
И когда лишь сон могучий
Закрывал глаза насильно,
Выпрягал своих оленей
И пускал кормиться мохом,
Говорил Снежинке верной:
«Ампа белая, Снежинка,
Стереги моих оленей,
Не давай волкам их трогать;
И, когда тревогу ночи
Победит Предвестник Утра,
Собери оленей к нарте,
Разбуди меня немедленно».

¹ Непереводимые шаманские заклинания в роде
«чур» и пр.

У костра, под нартой крепкой
Ваза спал в такие ночи
В яме, выложенной мохом,
А во тьме, как жуть ночная,
Волки щелкали зубами,
Выли, плакались на стужу,
И глаза их меж стволами,
Словно свечки в Царстве Теней,
Кругом замкнутым горели...
Дальше, там, за волчьим кругом,
В мраке темной, зимней ночи,
Где стеною лес и небо
Лентой темною сливались,
Звонким голосом дух ночи
Хохотал, в ладоши хлопал
И кричал: «Трусишка Ваза!
День пришел, вставай, засоня».

Ваза спал, лишь ампа-лайка,
Ясно видевшая духа,
Хвост пушистый поднимала
И ворчаньем отвечала
Каждый раз на крики духа.
Но когда Предвестник Утра
Промелькнул над сонным лесом,
Ночь, как темная завеса,
Тихо-тихо задрожала,
Скрылись волки в чаще темной,
Дух замолк и встало солнце.

Так семь долгих полнолуний
На оленях быстроногих
Совершал свой путь великий
Ваза в царство ойки Мейка.
Так семь долгих полнолуний
Он неведомой дорогой
Вместе с лайкою Снежинкой
В царство злого ойки Мейка
Мчался день и ночь на нарте...

Наконец, в луну седьмую
Встретил он в лесу зеленом
Нэ-Ючо — цветик жизни,
И спросил ее он с нарти:
«Пайсе, вишнэ, если знаешь
Это чудо, что я вижу,
Не оставь меня ответом,
Я чужой и здесь впервые».
Вишнэ молча улыбнулась
И промолвила чуть слышно:
«Пайсе, пайсе, ойка рума,
Ты напрасно извещаешь,
Что чужой здесь и впервые.
Здесь одна лишь я из смертных».
Ваза выслушал и молвил:
«Так скажи мне, кто хозяин,
Кто владеет этим лесом,
Где цветы, трава и птицы
И леса в листве зеленой

Что-то шепчут приходящим;
И мне кажется, что вечно
Здесь живет, благоухая,
Радость солнечного Тои.
Посмотри, а там, где нарта
Миг тому назад катилась,
Где следы моих оленей
На снегу чернеют ясно, —
Там зима, холодный ветер,
Небо серое, без солнца,
Грубым пологом накрыло
Лес печальный, молчаливый,
Полный смерти и страданья».

Ючо грустно улыбнулась,
Покачала головою
И промолвила чуть внятно:
«Поверни скорей оленей,
В царство Тэли белокрылой,
А иначе ты погибнешь...
Здесь владенья ойки Мейки;
Никогда никто из смертных
Не ступал ногой на землю
В царстве Мейка безграничном,
Поспешь, иль будет поздно».

«Много раз тебе спасибо
За совет, предупреждение, —
Отвечал ей гордо Ваза, —

Как назвать тебя, не знаю,
Чтоб полнее благодарность
Мог я выразить словами,
Я скажу тебе: ты — котлег,
Ты — цветок на стебле гибком,
Напоенный ароматом,
Пазан-заут ¹ в небе темном
Кватын ² белый, быстрокрылый
Сказок старых, древних сказок,
Сказок, всеми позабытых...
Мне обратно нет возврата:
Семь я долгих полнолуний
День и ночь спешил, как ветер,
В царство злого ойки Мейки,
И теперь достиг границы».

«Храбрый воин, ты бессилен, —
Так сказала грустно Ючо, —
Ты погибнешь бесполезно,
Поверни скорей оленей
В царство Тэли белокрылой,
Возвратись, пока не поздно...
Ты меня послушай, Ючо,
Я тебе добра желаю».

Ваза спрыгнул с нарты крепкой,
Помолчал, потом ответил:

¹ П а з а н - з а у т — звезда. ² К в а т ы н — лебедь.

«Ючо, Ючо, цветик жизни,
Я пришел сюда по делу,
Чтоб потом умчаться дальше
В царство Шубного Медведя.
Я пришел похитить нарту,
Нарту злого бога Мейки,
Вместе с кхонна и упряжкой...
Я с тобою откровенен, —
Это странно, непонятно,
Но ты выслушай вогула...
Солнце жизни, цветик Ючо,
В первый миг, когда я встретил
Здесь тебя в лесу весеннем,
А кругом ты видишь: Тэли
Белым пологом накрыла
Лес, поля, увалы, реки,
Лишь оставила зеленым
Царство бога ойки Мейка,
Я подумал: это царство
Молодой царицы Туе,
Что идет ко мне навстречу,
Красотой своей сияя.

Ючо, Ючо, цветик жизни, —
Продолжал печально Ваза, —
И теперь, когда я понял:
Ты добра певцу желаешь,
Я скажу тебе: спасибо!
Но напрасно, бесполезно,

Нет теперь пути обратно,
Нет мне радости в грядущем, —
Я погиб, тебя увидев...
Я хотел быть равным богу,
Быть бессмертным, быть могучим,
Гордо реять в темных тучах,
Я хотел спасти вогулов.
Но теперь гагара скорби
Не покинет мое сердце,
Моя радость улетела...
Ючо! Ючо! Цветик жизни!
Я люблю тебя и знаю,
Что любовь к тебе — страданье.
В ней живет моя погибель.
Я пойду навстречу смерти,
Совершу, что я задумал,
А потом — вернусь обратно
Раз еще, цветок прекрасный,
И на смертный бой последний
Позову владыку Мейка».

«Фу-бу, фу-бу!» — громко крикнул
Большеглазый, темный филин;
На стволе метнулась белка,
Испугавшись крика птицы,
И забила в хвое кедров;
Ветерок волной игривой
Пробежал; в траве зеленой
Стрекотал кузнечик звонкий.

Ветка хрустнула сухая;
Любопытный олененок
На поляну робко вышел
И, увидев нарту Вазы,
Широко расставил ноги,
И за ним из-за деревьев
Показалась олениха...
Ваза ждал ответа Ючо.

«Кто ты, путник? Я не знаю,
Но приятна речь твоя мне, —
Ючо молвила вогулу. —
Кто б ты ни был, путник дальний,
Я в ответ скажу: отныне
Ючо с радостью разделит
Все труды, весь путь тяжелый,
Что тебе на долю выпал.
Я люблю тебя, Случайный,
Помогу тебе похитить
Нарту бога и оленей;
Я спасу тебя от смерти
В этом подвиге опасном,
Но сказать должна я прямо,
Что моя любовь прибавит
Тяготы тебе на плечи,
Храбрый маньси — славный воин».

Ваза гордо усмехнулся:
«Ючо, белая березка,

Нет, певца забытых песен,
Игрока на звонком гусе,
Испугать никто не может.
Мне недавно старый Кукса
Пел над Ксентою, в пауле
Песнь о Ючо, о Медведе,
О безумном, хитром Лаче
И о темном боге Мейке.
И тогда на лапе Старца,
Шубного Отца Медведя,
Я тебя поклялся встретить.
И теперь, когда я, Ваза,
Музыкант, игрок на гусе,
Тебя встретил в царстве Мейка
И когда в ответ услышал:
«Я люблю тебя, Случайный», —
Мне не страшен Мейк коварный;
Я иду прямой дорогой». —
Ваза взял на руки Ючо,
Взглядом долгим, полным страсти,
Посмотрел, и крепко к сердцу
Он прижал ее, целуя.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

ПОХИЩЕНИЕ ОЛЕНЕЙ

Осторожно, темной ночью,
По тропинке к чуму Мейка
Крался Ваза легкой тенью.
У ручья, где камень круглый
Преграждал тропинку к чуму,
Ючо Вазу поджидала.

«Тончин, тончин! Осторожно!» —
Прошептала тихо Ючо, —
Воин Ваза веткой хрустнул,
Подходя к ключу у камня...
И теперь две тени тихо
В мраке темной, жуткой ночи
Дальше двинулись неслышно.

Как светляк июльской ночи,
Впереди рога сверкнули
Горделивого оленя
Из упряжки бога Мейка...

Ветка хрустнула сухая,
И, сопя поздрами громко,
Кхонна вышел на тропинку,
Постоял одно мгновенье,
И, увидев Вазу с Ючо,
Броситься хотел обратно,
Но со свистом харитэас¹
Обвилась вокруг рог ветвистых;
Прыгнул кхонни, но напрасно, —
Как струна, задела петля
В пальцах сильных музыканта.

Задрожал олень, покорно
Опустился на колени,
Удивляясь человеку
Сильнорукому, как боги.
Три оленя заарканил
Музыкант забытых песен,
Привязав их к толстым кедром,
А потом, обнявши Ючо,
Осторожными шагами
Дальше двинулся тропинкой,
Чтоб похитить нарту бога.

Мейка спал на нарах в юрте;
Из открытой двери громко
Храп его волною гулкой
До тропинки доносился.

¹ Харитэас — петля; дословный перевод — стягивающаяся дыра.

Слышно было, как скрипели
Нары толстые из бревен,
Если с боку на бок ойка,
Бормоча слова спросонья,
Перекатывался грузно...
И в молчаньи темной ночи,
Растянувшись, ампы-лайки
Спали крепко, беспробудно.

Той порою смелый Ваза
Разыскал в траве высокой
Нарту бога и постромки
И хорей¹ тяжелый Мейка.
И взвалил он все на плечи,
Сам под тяжестью сгибаясь,
Тихо двинулся к оленям
По тропинке проторенной,
Где ждала со страхом в сердце
Вазу маленькая Ючо.
И, свалив на землю ношу,
Он сказал с тяжелым вздохом:
«Ючо, белая березка,
Грустно мне тебя покинуть
На оленях ойки Мейка;
Грустно мне, и я не знаю,
Суждено иль нет вернуться,
Взять тебя, назвать женою».

¹ Х о р е й — длинный шест для управления оленями, заменяющий также бич.

«О, мой храбрый воин Ваза, —
Ючо нежно отвечала
На его слова печали, —
Ты вернешься ко мне богом,
Ты вернешься, победитель,
Совершив обет великий,
И тогда коварный Мейка
Задрожит, тебя увидев.
А теперь взгляни на Ючо,
Улыбнись ей веселее
И скорее этой ночью,
Тьмой пока объята маа,
Мейк пока храпит на нарах, —
В путь далекий отправляйся».

«Ты права», — заметил Ваза,
И сейчас же он проворно
Отвязал и впряг оленей
В нарту белую из кости.
И обняв в тоске великой
Ючо, полную страданья,
Молвил ей, собрав все силы,
Чтоб не дать слезам политься:
«Ючо, Ючо! Цветик жизни,
Ючо, белая березка,
Тяжко мне тебя покинуть,
Тяжко мне, мое страданье
Велико, как это небо.
Об одном тебя прошу я —
Помни Вазу-музыканта»,

«Лапой Шубного Медведя
С длинными пятью когтями,
Кедром старым в роще ойки,
Где гнездится пушы филин,
Чернозобою гагарой —
Я клянусь тебе, мой воин,¹
Ждать тебя с любовью в сердце;
Если вести донесутся,
Вести черные о смерти, —
Я клянусь Отцом Торымом,
Что умру, и в Царстве Теней
Отыщу тебя, любимый», —
Так клялась с тоскою в сердце
Ючо клятвой нерушимой.

«Ну, прощай!» — промолвил Ваза.
«Будь хорош!» — ему сказала
Ючо, слезы утирая...
В тишине прошла минута...
Вот хорей с земли поднялся,
Тихо скрипнули полозья,
Дружно дернули олени —
И прошла еще минута:
Вазы не было с упряжкой...
Только след полозьев узких,
Как две змейки, извивался,

¹ Клятва Ючо содержит в себе все священные предметы и имена, которыми клянутся вогулы, причем Ючо клянется Медведем, имя которого допускалось произносить в исключительно редких случаях даже мужчинам,

Уходил, где тьма висела
Черной трепетной завесой.

Чуть забрезжило поутру,
Мейка встал, зевая громко,
Обтянул чулками ноги,
Поискал глазами Ючо
В темной юрте у камина.
Не найдя ее, он вышел
И пошел к ключу у камня
Грузным шагом старца-ойки,
Ойки — старого Медведя.

Там на круглом белом камне,
Вся в слезах, с тревогой в сердце,
Ючо грустная сидела
И молилась о спасеньи
Вазы — храброго вогула —
Всем богам тайги великой.

«Что ты делаешь? — прикрикнул
Гневно Мейк, увидев Ючо. —
Ты о чем грустишь, земная,
Или ты скучаешь с богом?
Отвечай же мне немедленно!»
И, ответа не дождавшись,
Мейк схватил ее за руку.
«Отвечай! — он крикнул громче, —
Бойся гнева, гнева мужа;

Не серди меня, земная».

«Грустно мне, — сказала Ючо, —
Сон дурной мне снился ночью,
Я ушла сюда из юрты,
Чтоб тебя не беспокоить...
И не жми мне руку, ойка, —
Ты — могуч, а я — бессильна...
Стыдно богу мучить женщин,
Обижать напрасным гневом»...

«Ладно, ладно, — молвил ойка,
Выпуская руку Ючо, —
Ты не плачь — бессильны слезы,
Слезы только портят зренье.
Лучше спи, а сны дурные
Не имеют здесь значенья,
Не имеют силы вещей
В царстве Мейка бесконечном»...

«Кто здесь был? — вдруг грянул громом
Мейк, взглянув себе под ноги. —
Чьи следы, кто этой ночью
Смел ходить в моих владеньях?
Я сейчас его поймаю»...
И, как чуткая собака,
Мейк по следу осторожно
Вышел прямо на тропинку,
Где украл оленей Ваза.
Там нашел в траве помятой

Маут ¹ кожаный лосиный
И следы борьбы упорной
Между кхонна и вогулом.
Он теперь увидел ясно;
Шаг за шагом, все по следу
Мейк читал, как в книге белой
Русский хом ² читает были,
Что случилось этой ночью:
Как похитил Ваза кхонна,
Как запряг он их в упряжку,
И куда свой путь направил;
Вместе с следом музыканта
Мейк увидел след неясный,
Женский след, и сразу понял,
Почему спокойно лайки
Спали этой жуткой ночью
И пустили вора в стадо.

«Эмас! ³ — гневно крикнул ойка, —
Еще солнце не погаснет —
Вор наказан будет смертью».
И сейчас же он оленей
Изловил, запряг их в нарту,
В нарту легкую, как ветер,
И, скрипя зубами в гневе,
Как стрела, помчал в погоню...

¹ Маут — аркан, ² Хом — человек.

³ Эмас — хорошо.

Поднимая тучи снега,
Лесом темным, молчаливым,
С диким криком мчался ойка,
Словно ветер в непогоду,
Подгоняя гневной бранью
Тройку дружную оленей;
Нарта прыгала в ухабах,
Как челнок в валах сердитых,
Шест свистел, и звонко пели
Крепкострунные постромки
Из упряжки новой Мейка.

Далеко услышал Ваза,
Что за ним бежит погоня,
Он пустил быстрее оленей
По крутому косогору,
Но усталые олени
Не могли поспорить в беге
С свежей тройкой злого бога.

Ближе слышен дружный топот,
Все яснее голос Мейка
Долетает до вогула.
И прошло одно мгновенье,
Далеко, неясной точкой,
Точкой черною, зловещей
Показалась тройка Мейка.
И прошло еще мгновенье,
Точка выросла в оленей,
Запряженных тройкой в нарту,

А на нарте видно было,
Как, шестом махая, ойка
Подгоняет лихо тройку.
«Стой! — насмешливо воскликнул
Ойка Мейк, снимая шапку. —
Подожди, вогул, немного!
От меня, владыки Мейка,
Не угнать тебе оленей.
Лучше сдайся, вор трусливый,
Я тогда убью скорее
И тебя не буду мучить».

Торопливою рукою
Ваза вынул сверток белый,
Сверток белый с талисманом,
И, читая заклинанья,
Развернул рукой дрожащей,
И достал он в страхе сильном
Данный старцем знак спасенья,
Стебельки травы сушеной,
И, не глядя, бросил в Мейка,
А потом погнал оленей
Вниз в равнину с косогора,
Ухватившись за постромки.

Вдруг исчезла нарта Вазы,
Стал невидим ойки Мейке
След полозьев и оленей,
И напрасно он, ругаясь,

Протирал глаза руками, —
Вазы не было уж видно:
Ни вверху, на косогоре,
Ни внизу, где полог белый
Снежной вымершей равнины
Уходил к увалам дальним.

И в раздумьи долго ойка
В даль смотрел, оставив нарту,
А потом он крикнул громко
В тишине равнины снежной:
«Это ты, Торым, я знаю,
Знаю я твои проделки,
Но мое запомни слово,
Старый хрыч, обжора толстый,
Я с тобою потягаюсь».

В это время Ваза мчался
В царство Шубного Медведя,
Оглашая лес печальный
Песнью грустною о Ючо,
О злодее — ойке Мейке,
О тяжелых испытаньях,
Выпавших ему на долю.
А потом он веселее
Пел, что кончит путь великий
И сюда вернется снова,
И возьмет он радость жизни —
Цветик нежный, нээ-Ючо.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

ТАМГА

«Темный лес, о лес великий!
Песню новую пою я,
Я тебе туманной ночью, —
Ночью свет луны тревожной,
Как натянутые нити
Пряжи тонкой, серебристой,
Четкой сетью протянулись
Между небом и землею...
Лес великий, полный тайны», —
Пел в каком-то опьяненьи
Музыкант забытых песен,
Ваза, воин-победитель.
Эхо грустно повторило
Тот конец полночной песни,
И затихло тихим звоном
Обрывающейся струнки.
«Лес великий, полный тайны,

Лес — спаситель и хранитель,
Помоги похитить тамгу,
Скрой меня от гнева ойки —
Шубного Отца Медведя —
Здесь, в твоём безмерном царстве,
Я тебя прошу, великий
Лес, хранитель наших чумов,
Наших лаек и оленей,
Мне помочь в великом деле», —
Так молился Ваза ночью,
Ночью лунной, серебристой,
Перед подвигом опасным.

День один пути от юрты
Шубного Отца Медведя, —
У истоков рек Охсыра, —
Отделял его оленей.
И верхушки гор высоких,
Гор больших, покрытых снегом,
Были ясно видны глазу
Уж давно порой дневною.
Солнце встало в дымке желтой,
«Быть морозу», — думал Ваза,
И погнал своих оленей
Он по берегу Охсыра,
Мимо кустиков талины,
Белых ласковых березок.

Путь неезженный был труден,
Шел крутым подъемом в гору,

Утомились олени,
Тяжело дышала лайка,
Лайка белая, Снежинка.
Иглы острые мороза,
Подгоняемые ветром,
Обжигали щеки Вазы.

Только солнце в мгле янтарной,
Мгле холодной, золотистой,
Путь склонило свой к закату,
Ваза был у юрты Старца,
Шубного Отца Медведя,
У сосны, разбитой громом.

В частый ельник под увалом
Спрятал он свою упряжку,
Привязал собаку-ампу
К толстой ели за ошейник
Крепкой, крученой веревкой
И в молчании глубоком
Начал ждать захода солнца.

А как ночь сошла на землю,
Ваза встал и молвил тихо:
«Друг мой, верная собака,
Ампа, белая Снежинка,
Жди меня ты до восхода,
Жди меня, не шевелись».
А потом он, наклонившись,
Отвязал ее от ели

И, схватив саырб тяжелый,
Скорым шагом удалился.

Луна бледная над лесом
Поднялась на темном небе,
Светом робким осветила
Сосну, сломанную бурей,
Юрту зимнюю ¹ Медведя
И в наряде серебристом
Кедры стройные у юрты...
Громкий храп Отца Медведя
Сквозь бревенчатые стены
Юрты зимней, с дверью толстой,
Плотно пригнанной к запору,
Достигал до слуха Вазы
И пугал трусливых зайцев
В тальниках у Охсыр-яя.
Ваза быстрыми шагами
Подошел к закрытой двери,
И за кожаную петлю
Дернул он, в порог упершись
Крепко сильными руками.
С тихим скрипом отворилась
Дверь тяжелая на петлях;
Белый пар ворвался в юрту;
Чуть светивший сальник тусклый
Закоптил и разгорелся.

¹ У вогулов юрты бывают двух родов: зимняя и летняя.

Ойка Шубный с Мюсснэ толстой
Спал на нарах и не слышал,
Как рукою осторожной
Ваза взял тамгу Торыма,
И в молчаньи темной ночи
Он его покинул юрту.
Но забыл одно лишь Ваза —
Дверь тяжелую на петлях
За собой прикрыть забыл он...
И, когда шаги затихли
Вазы, храброго вогула,
Ветер хитрый из Низины
Громко хлопнул этой дверью...

Старец Шубный пробудился,
Растолкал жену в потемках,
Вздул огонь, направил сальник
И, почуяв запах хома,
Вышел с оханьем из юрты:
В мгле морозной лунной ночи
На снегу следы вогула
Четко старцу были видны.

«Кто был здесь?» — воскликнул старец
И, вернувшись снова в юрту,
Захватил свою дубинку
Из ствола березы с корнем.
По следам двойным он быстро
Пробежал на четвереньках

В частый ельник под увалом,
Где оставил Ваза нарту.
Ветер хитрый из Низины
Путь указывал Медведю,
Путь прямой в сугробах снега.
И когда на нарту Ваза
Сел и дернули олени —
Лайка белая, Снежинка,
Громким лаем разразилась,
Запах Шубного почуя.
А по ельнику, как буря,
Прокатился рев Медведя...
Ветер хитрый из Низины,
Поднимая тучи снега,
Заметал дорогу Вазе,
Бил в лицо колючим снегом
И слепил глаза оленей.

Долго мчались олени,
Подгоняемые Вазой,
Вниз, к реке, по косогору,
По сугробам, мимо рытвин,
И, когда к реке спустились,
Вдруг упали на колени,
Частой дрожью задрожали,
Заколдованные духом
Пупы-яя, Охсыр-яя,
Другом Шубного Медведя...
Шест тяжелый с громким свистом,

Крепко сжатый музыкантом,
Бил без усталости оленей, —
Но не трогались олени,
Заколдованные духом...
Ближе слышалось ворчанье,
Шаг тяжелый ойки-старца —
И тревожное мгновенье,
Промелькнув, умчалось в вечность, —
Сам Вуяньчх был за плечами...

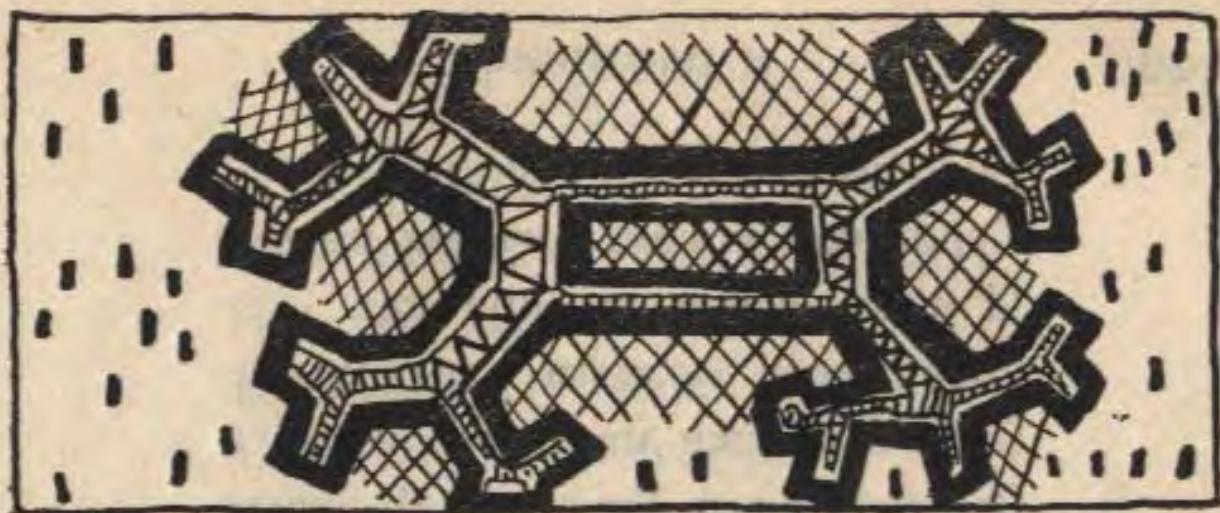
«Стой, воришка! — крикнул ойка, —
Знаю я твои проделки.
Не успел ты этой ночью
С перепугу ложь промолвить:
«Не украд я ойки тамгу,
В том мои виновны руки».
Знаю я, моих вы братьев
Бьете стрелами и пулей,
А потом клянетесь лживо,
Бересту надев на рыло,
И кричите: «Кара-юйя»,¹
А потом — гуляй неделю...
Верно, ложь я знаю вашу,
Лишь один из шубных старцев,
Потому что — первородный,
А мои другие братья

¹ Намек на известный медвежий праздник, когда во время танцев надевается маска из бересты и танцующие выкрикивают: «Кара-юйя!».

Платят вам пушистой шкурой,
Панг¹ еще дают в придачу.
Погоди, воришка глупый,
Я тебя зимой проквашу»... —
Так смеялся Шубный Старец,
Догоняя музыканта.

Семь лучинок, данных ойкой,
Ваза бросил торопливо:
Лес великий стал стеною
От земли, покрытой снегом,
До небесных туч высоких,
Скрыл его, оленей, нарту,
Преградил дорогу старцу.
Даже ветер из Низины,
Взвившись к серым хмурым тучам,
Вновь упал в бессильной злобе
Вниз, откуда он поднялся.
И с молитвой в сердце Ваза
Продолжал свой путь тяжелый,
Путь великий в Царство Смерти.

¹ П а н г — голова.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ
ОГНЕННАЯ ПТИЦА!

Путь неезженный, путь дальний
Вновь открылся перед Вазой
Лентой длинной, бесконечной,
Между стройных, гордых сосен,
Мимо хмурых, старых кедров,
По застывшим мертвым речкам...
Путь неезженный, путь дальний
Не пугал теперь уж Вазу;
Крепче спал он темной ночью
У костра, на хвое кедра;
Меньше лаяла Снежинка,
Если ночью к стану Вазы
Волки стаей отошавшей
Подходили шагом робким.

Рано утром, на рассвете,
Только солнце позолотит

Белоснежные верхушки
Стройных сосен, хмурых кедров
И в просветах на полянах
Разольется желтым блеском,
Ваза был уже на карте —
Он спешил к Ущелью Мертвых,
К Царству дальнему Торыма,
С тихой радостью и скорбью.
Радость — то, что ближе к цели
С каждым днем и каждым шагом
Он подходит неустанно;
Скорбь — о том, что с нежной Ючо
Разлучен путем великим,
Может быть, уже навеки.

Вот уж солнце в первый месяц,
Иёнгпе-котлег¹ поворота,
К лету круто повернуло, —
Горько плакалася Тэли,
Что за мартом скоро будет
Месяц таяния снега,²
А потом — дающий листья
Иёнгпе-пум,³ зеленый месяц,
То конец зиме холодной,
То начало в тундре лета.

¹ Иёнгпе-котлег — март, название его в буквальном переводе значит: «Месяц поворота». ² Месяц таяния снега — апрель. ³ Иёнгпе-пум — месяц травы, май.

В месяц первый — Иёнгне-котлег —
Ваза вынул камень белый,
Что ему дал мудрый старец,
И с размаху бросил наземь —
И тогда случилось чудо:
Камень мертвый, белый камень
Стал вдруг птицей белоснежной,
Наделенной даром речи,
Птицей — мудрою сорокой,
Не похожей по окраске
На своих сорок-сестричек.

Вскинув крыльями, сорока
Поднялась с земли и села
На рога оленя Мейка,
Что шел главным в тройке Вазы,
И держала речь такую:
«Храбрый воин, мудрый Ваза,
Много лет в плену тяжелом,
Заколдованная Хаппо,
Злым саряты-ху¹ — шаманом,
Я была лишь белый камень,
Белый камень неподвижный
В глуби мутной, тихой речки.
Год за годом проходили,
День за днем, как Нум поставил,
Я лежала в грязной тине,

¹ Саряты-ху — ворожей, колдун, шаман (остяцкое название).

Где вода меня гранила,
Не давая мне покоя...
А потом случайно в невод
Вместе с рыбой я попала,
И остяк, меня увидев,
Положил в мешок и думал,
Что я — белая натырма.¹
Но не долго это было, —
За несчастья в охоте
Меня выбросил хозяин.

Дети мной потом играли, —
Продолжала сказ свой птица, —
Это долго продолжалось...
Из рук в руки камнем белым,
То таинственным, чудесным,
То пустой забавой детской,
Я скиталась по свету,
Наконец-то в чуме старец
Отыскал меня в отбросах.
Он постиг душою чуткой,
Что здесь скрыто чародейство
Хаппо — хитрого шамана.

Дальше знаешь: на увале
У тебя он в юрте, ночью,
Дал меня тебе в подарок

¹ Натырма — промысловый идол, который может иметь разнообразную форму и вид.

И сказал: «Исчезнут чары
Злого, хитрого шамана,
Если ты своим полетом
Путь укажешь в Царство Мертвых,
Приведешь его к ущелью,
Где живут умерших души,
Там оставь его оленей,
И, свободная от мести,
Колдовства и чар шаманских,
Ты лети, куда захочешь»...

«Эмас, эмас, — молвил Ваза,
Только птица замолчала,
Сказ окончив свой немудрый. —
Будь товарищем, сорока,
В этом трудном, нужном деле,
И когда певец вернется
В свой паул, тебя он вспомнит
В песне нежной, в новой песне, —
Мир таких еще не слышал.
Эта песня разнесется
По лицу земли обширной,
И, бессмертная, как боги,
Будет жить она в народе
Дольше насыпей великих
На могилах позабытых
Давних, вымерших народов»,
Вскинув крыльями, сорока
Путь открыла музыканту...

Вслед ей двинулись олени,
Утопая по колени
В рыхлом снеге побуревшем;
Лайка белая, Снежинка,
С визгом звонким возле нарты
Вскачь комком летела белым...
И зажглася в сердце Вазы
В те недолгие мгновенья
Вера, крепкая, как камень,
О счастливом избавленьи
Позабытого народа.

В день седьмой — как родился
В небе месяц, в новолунье,
Перед взором музыканта,
Как сказал когда-то старец,
Лес таинственный в Низине,
В облаках морозной пыли,
Встал зубчатою стеною...
Белки, юркие воровки,
Отряхая снег пушистый,
На ветвях могучих кедров
Перебранивались громко;
А внизу следы лисицы
По следам трусишки зайца
Вперемежку, словно бусы,
Рассыпались нитью четкой
На снегу, в кустах талины,
Волчьи стаи стороною

В полутьме лесной, как тени,
Шагом волчьим, еле слышным,
Обегали нарту Вазы
По следам тяжелых лосей
И, загнав в кольцо отставших,
Нападали молчаливо...
Сильный зверь их бил ногами,
Много падало из стаи,
Но в неравной битве грузно,
Истекая алой кровью,
Падал все ж перед врагами
С перекушенной гортанью...

Проходили дни за днями;
Нескончаемо тянулся
Лес таинственный в Низине;
Снег рыхлел, яснее солнце
В небе дальнем расцветало,
И сомненье взяло Вазу:
«Скоро Туе, где ущелье?
Нет конца тайге в Низине»...
И тогда он обратился
С осторожной речью к птице:

«Птица вещая сорока,
Ты прости мне любопытство;
Вот проходят дни за днями,
Снег рыхлеет, скоро Туе
Оживит тайгу, поляны;

Зашумят ручьи, и реки
Понесут свой лед на север;
На деревьях развернутся
Листья нежные из почек,
И тогда должны мы бросить
Нарту нашу и оленей...
Ты поведай мне, сорока,
Скоро ль кончим путь по лесу
И увидим Царство Смерти,
Скоро ль будем мы у цели, —
Я измучился душою»...

«Скоро, — молвила сорока, —
Подожди до полдня, Ваза,
Ты увидишь Царство Мертвых»...
И сбылись слова сороки,
Ровно в полдень нарта Вазы
На конце лесной Пизины
Распряженная стояла...
Темной ямой, страшной пастью,
Уходящей в землю-маа,
Между кедров сиротливых
Вход чернел в Ущелье Мертвых...
Чтоб олени не сбежали,
Ваза им надел колодки
И пустил пастись у кедров
Под надзором белой лайки.

Утром вещая сорока,
Попрощавшись с музыкантом,

Улетела в край далекий.
Долго-долго за полетом,
С грустью в сердце, одинокий
На краю лесной Низины,
Вслед смотрел печальным взором
Воин Ваза-Зоркоокий.
Грусть смахнув, рукою твердой
Ваза впряг оленей в нарту,
Поднял шест и крикнул громко:
«Ну, сынки, вперед! Скорее!»
Было тёмно... Гулким звоном
Разносился бег оленей...
Ветер хитрый пел уныло,
Пел протяжно в жутком мраке
Песни страшные о смерти...
Долго так во тьме застывшей,
В тишине Ущелья Мертвых
Мчался Ваза на оленях...

Змейкой трепетной, далекой
В тьме ущелья одинокий
Огонек на перепутьи
Вдруг блеснул и снова скрылся,
А потом через мгновенье,
Тьму прорезав острой стрелкой,
Он метнулся, как виденье,
В жутком мраке, мраке смертном,
В тишине Ущелья Мертвых
И зажегся ровным светом...

Ваза ближе — пламя ярче
С каждым шагом разгоралось
Станным светом, синим светом...

Мало времени промчалось, —
Стали видны очертанья
Птицы Таукси Великой
В искрах яркого сиянья...
На высоком белом камне,
Где отворенные двери —
Путь широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений, —
Выводили на равнину, —
Птица Таукси сидела.

«Ой-я! Ой-я!» — что есть мочи
Ваза крикнул на оленей, —
И, как вихорь, мимо птицы
Промелькнул скользящей тенью...
Птица Таукси вздрогнула...
Было поздно: в пальцах Вазы,
Как зажженный яркий факел,
Жар-перо, дрожа, сияло
За воротами Царства Мертвых.

Освещая путь им, Ваза
Миновал Ущелье Мертвых,
И увидел пред собою

В блеске солнца золотого
Он Великую Равнину —
Это было Царство Смерти —
Путь прямой к Отцу Торыму.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

«Будьте милостивы к мертвым, —
Так гласит одно преданье, —
Чтоб они без мук и скорби
Там, за гранью, на Равнине
Царства дальнего Торыма
Не нуждались в самом нужном;
Вы снабдите их могилы
Для еды посудой разной,
Нялы, ёут¹ и одеждой,
Дайте шило им в дорогу,
Ниток крепких, табакерку,
Если можно, даже нарту,
Трут, кремень, и сеть, и обувь, —
Это все им пригодится».

«Будьте милостивы к мертвым,
Смерть и вас на перепутьях
Караулит терпеливо...

¹ Нялы — стрелы; ёут — лук.

Все рожденное не вечно,
Все умрет, и день вчерашний
Не придет и не вернется...
Только сильные шаманы
Вновь рождаются, приходят,
Но в других уже личинах,
Под другими именами», —
Так гласит одно преданье.

«Будьте милостивы к мертвым,
Чтите память вдале ушедших,
Помня то, что в Царстве Торма
Тени их живут и помнят
Вас, оставшихся здесь — в Маа.
Чтите память вдале ушедших,
Поминайте в чумах чаще,
Соблюдайте все законы,
И тогда народ не вымрет», —
Так гласит в конце преданье...

Мимо чумов молчаливых
По немой равнине ехал
Ваза-воин, сам не зная,
Сколько дней прошло с начала,
Как вступил он в Царство Теней,
Ибо солнце на равнине
День и ночь на небе ясном
Незакатное стояло.
В стороне стада оленей,

Словно тучи лёмый¹ в тундре,
Без призора, без охраны
Торопливо мох искали,
И рога их, как кустарник
В ветер сильный, колыхались.

На поляне возле речки
Ваза в первый раз увидел:
Дым костра, в кустах талины
Чум пустой, двух тощих лаек,
Легких теней колебанье,
Пензер² плакал частой дробью
Под невидимой рукою,
Кто-то пел тоскливо песню,
Кто-то плакал и шептался
Страшным шопотом могилы,
А вдали стада оленей
Непасенные бродили.

Стало жутко, одиноко...
Всколыхнулося земное
В сердце храброго вогула,
Вспомнил он: тайгу, низины,
Речки с мутною водою,
Сумрак леса, песни сосен,
Чумы, лаек и вогулов...
Вспомнил он невесту — Ючо, —

¹ Лёмый — комар. ² Пензер — барабан.

Стало стыдно музыканту...
Он стегнул своих оленей,
Крикнул голосом могучим:
«Ну, сынки, вперед, к Торыму,
Путь велик лежит пред нами!»

Снова мертвая равнина,
Уходя, сливалась с далью;
Было грустно, было тихо,
Но в молчаньи напряженном
Ваза чувствовал движение,
Чьих-то крыльев трепетанье,
Чьи-то стоны, чьи-то вздохи,
И ему порой казалось,
Будто сзади кто-то мчится
Так же быстро на оленях,
Молчаливый и могучий,
Как судьба минут грядущих...
И в молчаньи напряженном
Он услышал голос тихий:

«Мадур, ¹ мадур быстрокрылый,
Яный Келб ² тебе вещает
О своей прошедшей жизни».
Ваза вспомнил сказку дедов,
Быль печальную дней прошлых,
Стал он слушать голос тихий...

¹ М а д у р — герой, воин. ² Я н ы й К е л б — собственное имя, в переводе на русский язык значит — Большая Кровь.

«Мадур, мадур, — молвил голос, —
Это было в год тяжелый,
В год, как русские дружины,
Словно вешние потоки,
С гор спустилися нежданно...

Злой, как волк, старик железный,
С белой, длинной бородою,
Вместе с набожным монахом
Через горы появился
К нам таежными тропами...
Как огонь, как мор звериный,
Проходил с своей дружиной,
Оставляя за собою
Дым густой больших пожаров,
Кучи тел и рыхлый пепел
На местах паулов людных,
А старик-монах молился,
Говорил о новом боге.

Грудью встали на защиту
Против пуль, рогатин острых,
Против старого монаха
Наши храбрые дружины.
Долго бились, бились крепко,
Но измена средь народа
Подточила это дело;
Старый волк с монахом тощим
Одолели войско наше,

А за ними следом торным
Приходили толпы русских,
Нас тесня, творя насилья.

Отобрали нашу землю,
Наши реки и угодья,
Обложили наши дымы
Непомерной, тяжелой данью,
Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно.
Вместе с ними черной птицей
Прилетела смерть немая,
Посылая нам болезни,
На оленей мор звериный...
С каждым днем их было больше,
Наш народ же уменьшался.

Горе! Горе! — говорили
Старики с тревогой в сердце;
Горе! Горе! — повторяли
Грустным шопотом в народе;
Горе! Горе! — лес шептался;
Горе! Горе! — пели птицы;
Горе! Горе! — зверь таежный
Говорил нам непонятно,
Языком своим звериным;
Горе! Горе! — в реках рыбы
Крепко думали, увидев
Хабы русских над водою;
Горе! Горе! — я промолвил...

И однажды темной ночью
Над медвежьей лапой в чуме
Страшным словом я поклялся
Отомстить пришельцам грозным
За насилья, за обиды...
С той поры, не умолкая,
Голос мой, как громкий бубен,
Бил тревогу неустанно,
Призывал вогулов к битве...
И ко мне сходились люди;
С каждым днем и каждой ночью
Умножались наши силы.

День настал; у стен острога,
Где засел бояр с дружиной,
Наши стрелы зажужжали,
Из бойниц в ответ пушканы
Белым громом грохотали...
Черной тучей с громким кличем
Наши двинулись дружины
Из болотистой низины
На гору — к стенам острога;
И с утра до темной ночи
Мы дрались вверху на кручах...
Не хватало нашей силы:
Мы опять ушли в низину.
Десять раз к стенам острога,
Где сидел бояр с дружиной,
Подходили наши силы...

Десять раз они в низину
От пушканов уходили.

Ропот слышен был в народе:
«Мертвых много, крови много,
Не пойдем на бой мы боле,
Пам пора давно в паулы».

Голос мой, как детский лепет,
Утонул в стозвучном шуме
Голосов людей усталых...

И никто меня не слушал...

Дни печали наступили,

Дни страданий одиноких...

Но пришли на помощь боги

Мне, вогулу — Кровь Большая,

Талисман чудесный дали;

С талисманом, с силой малой

Я поджег острог стрелами;

Перебил людей служилых,

Полонил лису-бояра

Вместе с набожным монахом.

Но, запомни, не прощают

Люди русские обиду,

Не уйти от рук их длинных,

Хищных рук, как лапы зверя,

Никому на этом свете...

Через зиму в нашу землю

От царя большого русских

Прибыл с новою дружиной
Воевода, князь Давыдка,
С ним пришел с крестом и книгой
И отец — монах пузатый, —
Началась тут месть за вожи.¹

На реке, где мост из бревен
Сложен был для перехода,
Наши силы повстречались;
Коротка была та битва:
Скоро дрогнули вогулы
И, как мухи, разлетелись...
Только я с премалой силой
На мосту еще держался,
Окруженный цепью вражьей.
Пали храбрые вогулы,
Бой неравный — смерти равен,
Мало времени умчалось,
Я совсем один остался
На мосту, над красной речкой,
Кровью политой вогулов.

Как медведь, в одежде медной
Русский воин — сын боярский —
Длинной, острою секирой
Замахнулся надо мною...
Не сробел я, увернулся

¹ В о ж, в у ж — острожек, городок.

И, схватившись за кольчугу,
С моста, скользкого от крови,
Вместе с ним свалился в воду...
Тяжела была кольчуга,
Крепки, сильны были руки
У кондового бояра...
Скоро мы на дно речное
Опустились с ним, как камни,
И оттуда уж не всплыли.

И теперь идет в народе
Разговор, что перед утром,
У острога над рекою,
Где стоит разбитый мостик,
Чьи-то тени выплывают,
Кто-то борется, бранится,
Призывая чью-то помощь;
Слушай, мадур, это — правда,
Это я борюсь с бояром
И борьбу тогда окончу,
Как с великою ты вестью
Возвратишься от Торыма.
Я тогда вновь громко крикну:
«Смерть жестоким чужестранцам!» —
Оживу, вернусь на землю,
Поведу народ к победе».

«Будь хорош! Пора в дорогу», —
Тихо бросил Ваза Тени,

И в ответ стозвучным громом:
«Будь хорош!» вдруг зазвучало
По простору Царства Теней
Переливистое эхо.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

ПЕНЕГЕЗЕ

За копытами оленей,
За спиной мадура Вазы
Царство Мертвых оставалось
Молчаливою равниной,
Полной тайны и загадок,
Как лицо нежданной гостьи,
Как лицо старухи-смерти,
Приходящей к изголовью
Стариков, детей и женщин,
Мужчин сильных и здоровых
В неурочные минуты
С топором тупым и ржавым.

Там, на западе, где солнце
Неподвижное стояло
В облаках кроваво-красных,
В первый раз увидел Ваза
Стену длинную, как ленту,
Вышиной чуть не до неба, —

Это было Царство Нума,
Царство Мирры-Суснахумма.

На железных крепких петлях,
У столбов, обитых медью,
Где сходились половинки
Запертых ворот тяжелых,
Ваза слез — оставил нарту;
Он достал тамгу Торыма,
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма,
Что похитил темной ночью,
У лентяя ойки-старца —
Шубного Отца Медведя;
Подошел к воротам узким,
Постучал и громко крикнул:
«Отворите, кто здесь слышит!...»
Но никто не отзывался
За зубчатою стеною,
Тихим звоном не звенела
Цепь железная на крючьях,
Не стучал запор тяжелый,
И ворота не скрипели
На железных, витых петлях,
У столбов, обитых медью,
Открывая путь герою;
Тишина не нарушалась...
«Отворите! Кто здесь слышит!» —
Громче крикнул мадур в гневе,

И, подняв тамгу Торыма,
Он ударил семь раз ею.
«Отворите! Кто здесь слышит!
Отворите мне ворота!» —
«Если дух ты беспокойный,
То зачем тебе ворота, —
Отвечал сурово кто-то, —
Если ты, пришелец, смертный,
Покажи тамгу Торыма —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма;
Только смертным здесь не место,
Никогда я их не видел,
Этих трусов и лентяев,
Недовольных и слезливых,
Посылающих молитвы
В наше царство неземное».

«Я похитил нарту Мейка, —
Молвил гордо мадур Ваза, —
Я обрел тамгу Торыма,
Я нашел в Ущельи Мертвых
Жар-перо огнёвой птицы,
Я прошел на нарте бога
Царство Мертвых, Царство Смерти,
И теперь у Царства Нума
Я прошу открыть ворота;
Позабудь пока о смертных,
Здесь не место перекорам».

«Гнев напрасен, ойка рума ¹, —
Начал дух, хранитель входов, —
Ты прости меня, пришелец,
Будь же кроток в гневном сердце...
Эти крепкие ворота,
Вход великий в Царство Торма,
Никогда не отворялись
Перед слабым человеком,
И никто бы не поверил,
Что придет мадур с тамгою
Шубного Отца Медведя
(Хоть давно он дожидался)
К крепко запертым воротам
И промолвит: отворите!»

«Пайсе, рума, ойка рума», —
Отвечал учтиво Ваза
Отворившему ворота,
И, махнув ему рукою
В знак сердечного прощанья,
Он сказал с поклоном низким:
«Будь хорош, хранитель входов,
Я спешу к Отцу Торыму...»

«Берегись, вогул, — ответил
Дух в личине человека, —

¹ Рума — друг.

Берегись ты Пенегезе,
Великана и обжоры,
Он живет неподалеку.
Коль твою он встретит нарту,
Он проглотит, как лепешку,
И тебя, и всех оленей
Вместе с маленькой собачкой,
Верным другом музыканта.
Берегись же Пенегезе!

А потом, — добавил ойка, —
Если ты избежнешь встречи
С людоедом и обжорой,
С великаном Пенегезе,
На пути своем ты встретишь
Чаровницу молодую...
О, мадур, будь крепче кремня,
Крепче синего железа:
Не поддайся чарам нежным,
Чарам нежным — колдованью;
Умертви свои желанья,
Подави волненья сердца;
Тело юное красиво,
Трудно смертному бороться
С чаровницею Логарью.
Но запомни, друг мой юный,
Ты погибнешь в сетях тонких,
Ты пойдешь навстречу смерти».

«Эмас, эмас, дух великий,
Много раз тебе спасибо
За хорошие советы;
Будь здоров, мой ойка рума», —
Молвил мадур на прощанье
Духу-хому — человеку;
И, махнув шестом тяжелым,
Он дорогою широкой,
Словно лебедь в час заката,
В час, как солнце умирает
В пыли тонкой, золотистой,
Полетел к шатрам Торыма.

В сердце храбром и великом,
В сердце гордом музыканта
Зазвучала песнь победы;
А в душе его, как эхо,
Те невидимые струны,
О которых знал один он,
Медным звоном говорили,
Звоном медным повторяли
Песню громкую победы.

«Путь великий будет кончен,
Близок к цели я желанной, —
Так запел словами Ваза,
Что без слов звучало в сердце,
Что играли звонко струны
Там, в душе у музыканта. —

Скоро, скоро в землю-маа
Я вернусь к родимым чумам;
На рогах своих оленей
Принесу я тамгу жизни,
Тамгу дальнего Торыма;
К берегам Конды и Ас'я,
К берегам озер и речек,
К чумам, капищам и юртам
Я прибью три слова жизни,
Три таинственные знака.
Я вернусь к родимым чумам
Вместе с белою голубкой,
С милой, нежною невестой...
Близок день моих желаний».

Не дошел и до середины
Мадур Ваза эту песню,
Как увидел Пенегезе,
Великана и злодея,
На пути своем с дубиной;
Взвыла лайка, ошестинясь,
Залилась протяжным лаем,
Тройка кхонна быстроногих
Дико в сторону метнулась,
Замотала головами.
И певец на нарте крепкой
Еле-еле удержался.

«Стой, парнишка, стой, негодный,
Замолчи, остановися! —

Крикнул строго Пенегезе. —
Ты зачем сюда явился?»
Он спросил еще суровой,
Подходя к оленям Вазы.
«Уходи с моей дороги,
Комариное отродье! —
Отвечал бесстрашно Ваза
Великану-людоеду. —
Уходи! Вот тамга Старца,
Шубного Отца Медведя,
Вот перо священной птицы,
Вот моя рука с колчаном,
Вот топор, саырб железный...
Если большего захочешь, —
Проглоти меня, оленей,
Нарту злого ойки Мейка,
А потом тебе я брюхо
Распорю ножом железным,
Разрублю тебе я ребра,
Перерву руками горло.
Ты подохнешь, как собака,
Комариное отродье,
Враг живущих — Пенегезе».

Скрипнул острыми зубами
В сильном гневе Пенегезе,
И, махнув рукою длинной
Перед мордами оленей,
Диким смехом он залился:

«Испугал меня, парнишка, —
Он с насмешкою обидной
Отвечал герою Вазе, —
Испугал, хвастун трусливый,
Великана Пенегезе.

Но не страшны мне угрозы, —
Продолжал уже без смеха
Великан герою Вазе, —
Я бессмертен, как все боги,
Как великие шаманы,
В царстве здешнем ойки Нума...
Ты имеешь тамгу зверя,
Шубного Отца Медведя,
Брата вечного Торыма, —
В этом все твоё спасенье,
В этом лишь твоя надежда,
И, не будь тамги Медведя,
Ты давно сидел бы в брюхе,
Пережеванный зубами...
Не ворчал бы, как старуха,
И не хвастал бы, лгунишка;
Я тебя не трону, мадур,
Ты не бойся, детский воин,
Будь хорош! Прощай, парнишка!» —
Так своё закончил слово
Яный¹ ойка — Пенегезе.

¹ Я н ы й — большой.

Великан ушел, а Ваза,
Проводив его глазами,
Молчаливо улыбнулся;
Он махнул шестом тяжелым,
Громко крикнул на оленей,
Вывел нарту на дорогу
И помчался быстрой тенью
В Царство Мирры-Суснахумма,
Полный веры и желанья,
Полный радостной надежды
В день грядущий, не пришедший.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ ЛОГАРЬ

Если падают олени,
Если волки воют ночью,
Если чичу¹ торопливо
Из кустов бежит к дороге
И дорогу хитрой петлей,
Петлей хитрой перережет, —
Быть несчастью, — скажут люди.
Если бег оленя ровен
Если волки на опушке,
Если зайцы только ночью
На дорогу выбегают, —
Быть тогда удаче в деле, —
Так гласят приметы старцев...
Если солнце алой кровью
Обольется в час заката, —
Быть тогда бурану утром...

¹ Чичу — заяц.

Если солнце желтой медью
Озарит закат свой зимний, —
Быть тогда морозу утром, —
Так приметы мудрых старцев
Говорят своим потомкам
Строго, вечно, неизменно,
Как времен чередование,
Как язык судьбы суровой.

Твердо помнил мадур Ваза
Эти верные приметы,
Эти строгие наказы,
Продолжая путь свой дальний,
Путь к Отцу земли — Торыму.
Твердо помнил мадур Ваза,
Что его ждет испытанье,
Что ему придется встретить
Чаровницу молодую.

Ровно в полдень на равнине,
Над заснувшею рекою
Он увидел чум богатый;
Он услышал игру гуса;
Чей-то нежный тихий голос
Пел задумчиво и нежно:
«Музыкант, мой храбрый воин,
Я тебя ждала с любовью,
Я тебя ждала, мой мадур.
Ты пришел на нарте Мейка
С тамгой Шубного Медведя,

С жар-пером огнёвой птицы,
Ты пришел, мой храбрый воин.
Тройка кхонна злого бога
Мчит тебя стрелой к Торыму;
На лице твоём суровом
Не прочесть твоих желаний,
Ты как дух, как бог из Маа,
Ты велик, певец, мой Ваза,
Я тебя ждала с любовью,
Я твоя, мой победитель».

Песнь замолкла, струны гуса
Не гудели медным звоном:
Двери чума отворились...
В дорогих цветных одеждах,
Тонко вышитых узором,
Вышла Логарь на дорогу,
Поджидая нарту Вазы,
Опустив к земле ресницы.
Позади ее стояли
Две служанки с угощеньем.

Нарта Вазы поровнялась
С чумом девы-чаровницы,
Лайка белая, щетинясь,
Недовольно заворчала.
«Пайсе, Ваза, пайсе, мадур,
Придержи своих оленей, —
Нежным голосом герою,

Вспыхнув радостным румянцем,
Говорила Логарь-нээ: —
Придержи своих оленей
И зайди ко мне ты в юрту...
Ты устал, мой бог из Маа,
Ты найдешь здесь нень¹ и мясо,
Много теплой, сладкой крови,
Ты найдешь огонь в камине,
И на мягких теплых шкурах
Отдохнешь с дороги дальней».

«Воньчах эмас — эмас куен², —
Отвечал учтиво Ваза,
Придержав своих оленей, —
Я спешу к Отцу Торыму».
«Ваза», — громко перебила,
Вспыхнув темными глазами,
Чаровница молодая.
«Ваза», — вырвалось печально,
Как дыханье ветра, в чуме.
«Будь со мною откровенен.
Знаю я, ты слышал сказку,
Сказку лживую о чарах
Логарь, девы-чаровницы,
Знаю я, что ты поверил
Этой сказке хитрых духов,
Ты не бойся, не страшися,

¹ Н е н ь — хлеб. ² Хороший отдых — сон хороший.

Будь мне братом, храбрый мадур,
Не пройди же мимо чума».

Логарь грустно замолчала,
Тень легла в глазах глубоких
Нежной девы-чаровницы,
И, как капли дождевые,
Две слезы с ресниц скатились
На ягушку ¹ дорогую,
Отороченную мехом.

«Ты меня не бойся, воин, —
После долгого молчанья
Логарь Вазе говорила, —
Я давно ждала героя,
Я тебя желала встретить, —
В первый раз с открытым сердцем
Я пошла к тебе навстречу,
Храбрый бог из дальней Маа.
Часто утром, на восходе,
Выходила я из чума
И ждала, что на дороге
Заблестят рога оленей;
Я услышу громкий голос,
Голос твой, как пенье ветра,
Ветра южного в Низине.
Часто вечером у чума,

¹ Ягушка — женская одежда.

На дороге, с грустью в сердце,
Я рвалась к тебе навстречу,
Как стрела — томар-певунья¹ —
Из натянутого лука;
Я ждала тебя, Прекрасный.

Ты пришел, но в миг счастливый,
В миг моих желаний нежных.
Ты молчишь, о, ты боишься
В чум войти — отведасть мяса,
Выпить теплой, сладкой крови,
Отдохнуть на мягких нарах,
На оленьих теплых шкурах,
Ты боишься, храбрый мадур,
Одинокой, слабой Логарь».

Улыбнулся Ваза Логарь,
Улыбнулся и ответил:
«Много раз тебе спасибо
За слова и приглашенья.
Ты не думай, что боюся
Я зайти в твой чум богатый,
Что страшны мне чары вишнэ;
Нет, мое не дрогнет сердце
Ни от чар, ни колдованья;
Я люблю мою лебедку,
Нежную мою подругу —
Вишнэ Ючо, цветик жизни».

Ваза слез с высокой нарты,
Привязал к шесту оленей,
Наказал их караулить
Лайке беленькой, Снежинке,
И пошел за Логарь в юрту.
Снова струны многих гусов
Медным звоном загудели,
Барабан им мерной дробью
Вторил, к песне подбираясь.
А когда был мадур в юрте,
Сел на постланные шкуры,
Две служанки чаровницы
Песнь запели о герое,
Победившем Пенегезе.

«Он пришел из снежной тундры,
Он пришел, бесстрашный воин,
Как гласит одно сказанье,
Почернев лицом в дороге,
Долго, долго — дни за днями
Ждали мы его прихода,
Каждый день на барабане
О приходе мы гадали,
Каждый день пытали духов.

Скажут духи, — не понять их,
Их язык — шептанье старцев,
Лепет маленьких детишек,
Крики птиц, не спящих ночью,

Голос зверя в темной чаше, —
Духов речь непостижима.

«Что ты видишь?» — вопрошали
Мы, гадая о герое.

«Вижу я, — нам молвил кто-то, —
Летний лес и круглый камень,
Чьи-то песни не умерших,
Чьи-то песни согрешивших.
Ближе. Громче. Шубный Старец,
Лес застлал ему дорогу,
Птица вьется белым пухом,
Лает громко собачонка». —

«О, скажи нам, мудрый ойка, —
Говорили мы, пытая, —
То, что ждет, что не родилось,
Что зовется днем грядущим,
О, скажи нам, дух, всю правду». —
«Ближе, ближе. Слышен топот, —
Это он на тройке кхонна,
Это он проник в ворота, —
Отвечал нам дух сердито, —
Пенегезе точит зубы,
Точит зубы Пенегезе,
Кийя-юйя, кийя-юйя
Пенегезе обманулся...
Выходите! ждите! едет!
Собачонка лает громко,
Едет близко, юйя-кийя!»

Песнь замолкла, в вихре легком,
Как оборванные листья,
Закружились в честь героя
В танце странном для земного,
В танце легком и красивом,
Полным страстных ожиданий,
Две служанки чаровницы,
«Я не видел, — думал Ваза, —
Этих странных танцев в тундре
Между девушек и женщин,
Я не думал, чтобы тело
Было песнью сладострастья».

Логарь знак дала танцоркам,
Смолкла музыка и пляска;
Десять слуг вошли попарно
С угощением для героя.
Слуги молча поклонились
И ушли из юрты Логарь
Вместе с старым музыкантом,
Чакчей, ойкой слабоногим;
А за ним из чума вышли
Танцовщицы, барабанщик,
Игроки на звонких гусах,
И старуха — войш-вуй-нээ,¹
Нянька, старая колдунья.
«Ты устал с дороги, воин, —
Нежно молвила хозяйка, —

¹ В о й ш - в у й - н э э — старуха.

Ты устал, отведай мяса,
Крови теплой, рыбы, ягод,
Выпей пол и чах-вить кхонна,¹
Отдохни на мягких шкурах,
Расскажи потом, что видел
На пути ты в Царство Торма».

Руки девы-чаровницы
Незаметно для героя,
Как весенний хмель, обвились
Вкруг сожженной шеи Вазы.
И уста, как трепетанье
В тихий вечер юных листьев,
С легкой дрожью протянулись
Слиться с Вазой губы в губы.

Синий дым наполнил юрту,
Где-то музыка звучала,
Все сильнее, все нежнее
Логарь Вазу обнимала,
А потом, как в исступленьи,
На колени к Вазе села
И в бреду ему шептала:
«Я твоя, твоя, мой мадур,
Я твоя, мой муж любимый.
Ты не видишь разве ласки,
Ты не чувствуешь лобзаний?

¹ Пол — мед; чах-вить — молоко.

О, проснись, открой же сердце,
О, не будь ко мне жестоким!
Я твоя, твоя навеки».

Синий дым наполнил юрту,
Где-то музыка звучала,
И в глазах суровых Вазы
Страсть, проснувшись, заблестала,
Он рукой своей железной
Обнял тело чаровницы,
Тело гибкое, как стебель
Вьюнка с белыми цветами.
И, губами губ коснувшись,
Губ, дышащих бурной страстью,
Замер в пьяном иступленьи
Музыкант забытых песен.

Вместе с страстным поцелуем,
Он не знал, что пьет отраву,
Он не чуял бед грядущих,
Сторожащих на дорогах
Даже в Царстве ойки Пума,
Он забыл, что там у Мейка
Ждет его с тревогой в сердце
Нэр-Ючо, цветик жизни.

Он не знал, отдавшись страсти,
Целый день гостил у Логарь,
И лишь к вечеру он вспомнил,
Что пора давно в дорогу.

И тогда, простившись нежно
С чаровницей молодою,
Гикнув громко на оленей,
Музыкант забытых песен,
Ваза юноша прекрасный,
Путь направил свой к Торыму.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

ТОРМ

Белый ир ¹ в лесу над жертвой —
Значит милость добрым духам;
Черный ир — то жертва богу —
Злому духу человека,
Кто-то робкою рукою
В час тревожный, в день несчастный
На сучке подвесил молча
И ушел с надеждой в сердце
На конец, на избавленье
От злодейств шайтана злого, —
Так гласят заветы старцев
С давних пор законом строгим
Для потомков маловерных.

Белый ир повесил Ваза
Пред лицом Отца Торыма,

¹ Белый ир и черный ир — белая и черная материя (тряпки), развешиваемые на сучьях деревьев или особых палках, в виде жертвы богам, добрым — белая, а злым — черная.

Окруженного богами,
И, склонившись перед троном,
Долго ждал его ответа
В тишине большого царства,
Где горело ярко солнце,
Где луна светила блеском
Серебра и желтой меди,
Где костры из благовоний
Синим дымом чуть дымились.
«Пусть он встанет, — молвил Торым¹, —
Пусть свое он скажет слово». —
«Встань, вогул! — вскричали боги, —
Молви слово, беспокойный».
И, лица не поднимая,
Отвечал им гордо Ваза:
«Не в укор скажу я слово,
И прошу у вас прощенья,
Вы все братья, слуги Нума.
Я вам равен в этом Царстве,
И Отец Торым Великий
Может речь держать со мною
Слово к слову, сердце к сердцу,
Как ее он держит с вами».

Было тихо в Царстве Нума
После дерзкой речи Вазы,
Все молчали, ждали слова

¹ Торым обращается к смертным не непосредственно, а через подчиненных, приближенных ему духов.

Слова Торыма-Владыки,
Ждали гнева и изгнанья
Незнакомца сайтер-хома.¹
«Белый ир, — сказал Владыка
После долгого молчанья, —
Это милость для вогула,
Белый ир не нужен Торму, —
Он не требует подачек.
Ты же, знающий законы,
Разве этого не знаешь?²
Торм, владыка всей вселенной,
Отдал жертвы своим слугам.
Убери свой ир, невежа,
Уходи, безумец дерзкий».

Ваза встал и громко начал:
«Я законы твердо знаю, —
Только белый ир оставил
Торм себе, — другие жертвы
Отдал слугам и шаманам.
Я законы твердо знаю
И скажу тебе, Владыко,
Я стою здесь пред тобою
Не как выходец из Маа,
Не безумец и невежа,
А как бог, тебе подвластный,

¹ Сайтер — дурак. ² Торм не требует жертвоприношений, и ему, за исключением белого ира, не приносится никаких жертв.

И меня ты гнать не можешь,
Я слуга, но не собака,
Я имею место в Царстве,
Как награду за лишенья,
За труды, мои победы,
Что свершил я по дороге,
По пути в твои владенья!
Я пришел на нарте Мейка,
На его оленях-кхонна
(Он похитил у тебя их
В незапамятные годы),
Я прошел весь путь далекий,
Путь, тяжелый для вогула,
Лишь тебя увидеть, Торым,
И сказать тебе, что Ваза,
Музыкант забытых песен,
Был всегда правдив и честен,
Знал законы мудрых старцев,
Что принес тебе он горе
Умирающих народов,
Он принес тебе ту правду,
Что твои скрывают слуги
От ушей твоих, Владыко.

Два начала в нашей Маа —
Это волки и олени;
Белый ир на ветке хрупкой,
Черный ир на пне гниющем...
Два начала в нашей Маа —

Это зло, страданья, скорби
И добро, надежда, радость;
Это Мейк и Торм Великий...
День и ночь в борьбе родятся, —
Так положено Торымом
В день создания вселенной, —
День и ночь всегда воюют,
Зло с добром, как волк с оленем,
На земле всегда враждуют...
Волка кормят волчьи ноги,
Зубы волка, как железо,
Охраняют волчью нору,
Кхонна быстрый беззащитен
Без молитвы мудрых старцев,
Без опоры добрых духов
И охраны чутких лаек.

О, всесильный Нум Великий, —
Продолжал печально Ваза, —
Будь же милостив к несчастным,
Помоги добру там в Маа
Одержат над злом победу.
Я пришел к тебе от маньси
Рассказать о лютом горе,
О печальной ихней доле
И просить твоей защиты...

Там, в тайге, по мутной Ас'я,
По большим рекам и малым,

По озерам и протокам,
Между соров, на увалах,
До реки Кегкена-ас'я ¹
Все живут твои народы
И зовут тебя, Великий:
Мы, вогулы, — Торм и Торум,
Остяки — Торым и Нума,
Самоеды с рек Ялмала
Именуют Торма Нумом...
Слушай дальше, бог великий,
Грустное мое сказанье —
Это голос всех народов,
Всех народов позабытых,
Истомленных тяжелой ношей,
Беспрерывною борьбою
Не за радость сытой жизни,
Не за власть и угнетенье,
А за жизнь, покой и пищу,
За свободу наших чумов,
За сохранность стад оленьих,
За пески, тайгу и хабы...

Сам ты знаешь, бог великий,
Что пришли чужие люди
В нашу землю, на низину,
Покорили нас железом,
Наложили дань на души

¹ егкена-ас'я — Каменная Обь (река Енисей).

Дань-ясак своему хону,
Умертвили наших биков ¹
И поставили над нами
Мычим-ягов — лиходеев,
Суд творить, чинить расправу,
Собирать ясак тяжелый
И бесчестить наших женщин.

Мы терпели, мы молились
Злым и добрым духам Маа,
И не раз через шаманов
Мы к тебе, Торым, зывали...
Но напрасно это было,
Духи наши жертвы брали,
Как купец долги по биркам,
И ничем не помогали...
Шаг за шагом, пядь за пядью
Сила русских нас давила...
Слышишь? Там, внизу, Великий,
Звон лопат, удары кирок,
Топоров гуденье в кедрах, —
Слышишь? Там, внизу, Великий,
По валам большая лодка
С воем диким пробегает. ²
Видишь, Торм, творец всеильный,
Избы русских на полянах,

¹ Бик — князь; слово не вогульское, а татарского происхождения. До прихода русских в Сибирь вогулы были покорены татарами, которые управлялись биками, мурзами и ханами. ² Пароход.

Между пней, где прежде кедры
Плотною стеной стояли;
Видишь, дым лесных пожаров
Солнце скрыл густою тучей, —
То горят леса вогулов,
Подожженные для пашен;
Видишь бедность наших чумов,
Вымирание народа
От болезни и печали.

Торм Великий! Бог вселенной!
Ты послушай дальше повесть,
Повесть грустную о маньси:
Русс пришел с огнем пушканов,
Топором и зельем смерти,¹
Он пришел с попом-пронырой.
Русс-бояр сжигал паулы,
Поп крестил водой вогулов,
Русс был вор — он крал железом,
Поп — крестом и сладкой речью.
На развалинах паулов,
В устьях рек, на тайных тропах
Русс-бояр построил стены
Городков своих с церквами.
И, как волки на добычу,
Потекли тогда потоки
Русских хом на нашу землю,

¹ Зелье смерти — порох.

Оттесняя нас все дальше,
Ближе к Морю Ледяному,
Отбирая наши земли,
Наши реки, нашу пищу,
Наши промыслы, уголья,
Наши чумы и оленей,
Силой, хитростью, коварством,
Через сладкие лепешки —
Таут-нень,¹ бутылку водки,
Злого духа бедных маньси.

О, Торым, отец живущих,
Не суди меня ты строго.
Я тебе открою сердце,
Я тебе открою душу,
Расскажу тебе о прошлом.
О, великий мой хозяин!
Уходя ты в это царство,
Царство вышнее, большое,
Нам оставил ты надежду.
Эта весть не умирала
У вогульского народа:
Деды шопотом чуть слышным
Весть давали своим детям,
От детей к внучатам юным
Шла она, тревожа сердце
Близким призраком победы.

¹ Таут-нень — огненный хлеб, т. е. лепешки, испеченные на углях или в горячей золе.

В поздний час от ойки Куксы
Услыхал я то сказанье
На земле, над пупы-яя.
«Это песня и загадка, —
Говорил так старец мудрый
Нам, неопытным в преданьях
Старины ушедших годов, —
Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот укажет путь великий,
Как река весной в разливе».
А потом я видел в чуме
На горе, под старым кедром,
Неизвестного мне старца
(Видно, был он вещий ойка,
Самый больший из шаманов),
Он сказал мне тою ночью:
«Первый подвиг — кхонна Мейка;
Второй подвиг — тамга Старца,
Шубного Отца Медведя,
И последний подвиг, третий —
Жар-перо огнёвой птицы,
Птицы Таукси Великой».

Я исполнил, мой Владыко,
Я украл оленей Мейка,
Жар-перо и тамгу Старца,

Я прошел Ущелье Мертвых
И Великую Низину,
Где живут умерших души;
Для меня открыли двери
В твой предел, премудрый Нума;
Пенегезе, злой обжора,
Отошел с моей дороги,
И теперь перед тобою
С просьбой правой для народа
Я стою с надеждой в сердце,
Жду ответа, мой Владыко».

«Все ли молвил, сын мой Ваза? —
Торм спросил певца с участием. —
Все ль сказал ты мне, бессмертный?» —
«Все, Отец, — ответил мадур, —
Все, моей Владыко жизни». —
«Эмас, Ваза. Слушай, рума, —
Продолжал печально Нума, —
Мой ответ готов, Счастливый...
Ты пришел из дальней Маа,
От вогульского народа,
Получить мою защиту...
Ваза мудрый, храбрый воин,
На оленях злого Мейка,
По пути в мое ты царство,
Проезжал Долину Смерти,
Где умерших души предков
Без врагов, нужды, болезней,

Без печали и страданий
Отдыхают беззаботно
От тяжелой жизни в Маа.
Там ты видел: чумы, лаек,
Много кхонна, тучных коров,¹
Реки с чистою водою,
Дым паулов на полянах,
Чащи, полные зверями,
Души светлые ушедших.
Ты иди, скажи народу,
Передай мое ты слово:
«Суснахумм — Великий Торым
Обещает в Царстве Мертвых
Им великую награду
За страданья и лишения,
Что несут они там, в Маа».

«Нет, отец, — воскликнул Ваза, —
Мне ответ не нужен этот!
Что им радость в Царстве Мертвых?
Что им поздняя награда?
Ты им дай иную долю, —
Если дать ее ты можешь...
Царство Мертвых — не награда,
Здесь они по смерти будут,
Как назначено тобою».

«Что ж ты хочешь?» — удивленно
Перебил героя Торым...

¹ К о р — олень-самец.

«Я хочу, — ответил мадур, —
Вместе с тенью Яный Келба
Крикнуть громко и победно:
«Смерть коварным чужестранцам!»
Я хочу, чтоб Торм Великий
Обещал победу маньси
Над жестокими врагами».

Усмехнулся Торм вогулу
И лениво молвил слово:
«Завтра, мадур. Завтра, Ваза.
Будь хорош! Мне нужен отдых,
Завтра кончим это слово;
А теперь иди, проспися,
Отдохни с дороги дальней;
Голова твоя туманна —
Это видно по ответам,
Будь хорош, мой ойка рума».

Поклонился низко Ваза
Ойке Торму и сидящим
И учтиво молвил слово:
«Будь хорош, всеильный Торым,
Завтра день лишь отделяет
От печального сегодня.
Будь хорош, Отец мой мудрый».

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ
ТЕРНИНГ'ЕРИ АТТА-КЕГ'Е ¹

Сарни-тут, ² огонь Торыма,
Сарни-тут, хвост божьей птицы,
Стал перистыми столбцами
От небес до Йаран-целек, ³
Упершись одною гранью
В скалы северные Кеу, ⁴
А другою, светлой гранью
Он лежал в стране вогулов,
Где живут народы эти, —
Их зовут обские люди, ⁵
Конды-гуи ⁶ — племя Конды.

¹ Тернинг'ери атта-кег'е — былина о мече богатыря (вогульское). ² Сарни-тут — северное сияние; дословно — божий огонь (северо-остяцкое). ³ Йаран-целек — страна самоедов (северо-остяцкое и древневогульское). ⁴ Кеу — Урал (вогульское). ⁵ Обские люди — Асгуи, т. е. остяки. ⁶ Конды-гуи — кондинский народ: под этим названием одинаково зовутся обитающие по реке Конде и ее притокам остяки и вогулы (северо-остяцкое).

В этот час раздался голос,
Грубый, грозный голос Нума,
Как из темной низкой тучи
Десять громов говорили,
Слившись вместе, воедино.
Грубый, грозный голос Нума
Прогредел слова такие:
«Пусть олып¹ сюда приходит
Для последнего ответа».
Ослепленный ярким светом,
Ваза взял пермак-охзам,²
Он прикрыл им лоб и щеки,
Не дрожа вошел он в город,
В медный город — арьин-вах-вуж,³
И предстал перед Торымом...
«Я пришел», — промолвил олып,
Став лицом перед Торымом...
В это время стало тихо:
Провалилось, словно в бездну,
Многоцветными столбами
Сарни-тут — огонь Торыма —
И, как бус⁴ осенним утром,

¹ Олып — богатырь (древне-вогульское). ² Иермак-охзам — шелковый платок, надеваемый на глаза богатырями старого, до-русского эпоса (древне-вогульское). ³ Арьин-вах-вуж — дословно: медный, металлический город; по сказаниям вогулов, до русских некоторые богатые вогульские князья имели медные (обитые медью) городки. В данном случае конкретное указание на жилище Торыма. ⁴ Бус — мелкий, похожий на туман, осенний дождь.

Бус из огненных пылинок,
Дом наполнил пылью яркой;
Где-то крикнул в иступленьи
Дух, невидимый за бусом,
И опять все стало тихо...
Стало мертво, как бы в тундре
В день весенний, в день, как солнце
На снегу играет блеском,
Блеском зыблущим, слепящим,
Но еще на ясном небе
Не видать пылинок черных —
Стай гусиных, журавлиных,
И не слышно их привета.

В эту пору кваль¹ вогула
Дым струит прямою палкой,²
И лежит под снегом вуяньчх,
Чёркх³ прячется в урманах, —
Долго думал олып Ваза,
Стоя близко перед богом.

«Слушай! — медленно промолвил
Тихим голосом хозяин, —
Если мудрым ты назвался,
Если ты железный корень,⁴
Если ты прошел к Торыму,
То поймешь слова простые

¹ Кваль — зимняя юрта. ² Признак холода. ³ Чёркх — глухарь. ⁴ Железный корень — богатырь.

Этой детской поговорки,
Всем известной, всем понятной.
Слушай, олып, эту сказку...

В зимний месяц, в новолунье,
Проторенною тропинкой
Два песца бежали ночью,
• И вели между собою
Разговор такой о людях:
«Почему, — промолвил первый, —
Нет капканов на дороге?»
А второй ему ответил:
«Эти люди — звероловы
От старухи красной, оспы,¹
Все повымерли, как мухи
От осеннего мороза».
Мало времени промчалось, —
Первый вновь спросил второго:
«Почему здесь нет капканов?»
Вновь ответил белый рослый:²
«Эти люди — звероловы
За бутылку крепкой водки
Душу продали купчине,
Как голодные собаки,

¹ О с п а — в представлении вогулов остяков олицетворяется одетой во все красное старухой, которая ходит из чума в чум и умерщвляет людей. Вообще оспа была самым страшным врагом населения Сибири, уносившим громадное количество жертв. ² Р о с л ы й — название песцов в декабре, когда они, по выражению Степанова (Енис. губ., ст. 104, Сиб. 1837), — белы, как снег.

За долги свои большие».
И опять бежали молча
Два песка той зимней ночью
По реке в стране холодной.
«Помню, здесь был белый камень, —
Так сказал однажды первый, —
Этот камень был священным,
Камню жертвы приносились,
А теперь не видно камня,
И не видно приношений».
«Этот камень кау-пупы¹
Уж давно, как снег весенний
В месяц таяния снега,
Испарился безвозвратно,
Так как дух питался плохо,
А народ был скуп на жертвы.
И в последний год случайно
Лишь один из здесь живущих
Потерял, и то нечаянно,
Супс и тахом² по две пары
Да ремень от ампы-валок³, —
Так второй ответил рослый.

Разговор их прекратился
После этих слов печальных;
По реке в стране холодной

¹ Кау-пупы — святой камень. ² Супс — блоха; тахом — вошь. ³ Ампы-валок — собачья упряжка.

Два песца, два наулебга,
Вновь бежали старым ходом.¹

Из страны безлесной тундры
Два песца, два белых рослых
Добежали до границы
Черных карликовых елей.
Здесь их встретил дух Пиунче,
Преградил им ход привычный,
Обратил песцов в речушки,
И с тех пор песцов не стало,
Только две тундровых речки,
Огибая мыс высокий,
Образуют ниже лягу.²

«Ты скажи мне, отер Ваза, —
Так спросил, закончив слово,
Торм — владыка и хозяин, —
Был ли прав тот дух Пиунче,
Обратив песцов в речушки,
И зачем он это сделал,
Укажи мне, мудрый отер,
Смысл иной и ясный детям
Этой сказки немудреной.
Дам тебе я время думать,

¹ Х о д — песцы имеют привычку бежать берегом рек к югу. Эту привычку используют для ловли их клещами, петлями и пастями. Песцовая тропа по берегу носит название хода, или песцового хода. Обычно такие ходы разыскиваются охотниками для ловли песцов.

² Л я г а — мокрое болото с мелкими кочками и травой.

Чтоб ответить мне все разом,
Как положено мужчине.
Срок тебе определяю,
Сколько времени потребно
Для кипенья яный-пут'ы». ¹

И сейчас же отер Ваза
Отвечал Отцу Торыму:
«Эту детскую загадку
Я толкую так, хозяин:
Знают все: когда зимою
Низко-низко солнце всходит,
День едва-едва заметно
Заступает сумрак ночи, —
Наша Ас'я замирает. ²
В это время ставят гимги, ³
Ставят уды на налима
На речушках, на протоках,
На курьях, где нет замора...
Рыба, чувствуя опасность,
Вниз уходит — ближе к морю,
Или дружными стадами,

¹ Я н ы й - п у т — большой котел. Время, чтобы вскипеть котлу, служит единицей времени у вогулов. ² За - м о р, з а м и р а н и е — явление, наблюдаемое на Оби, когда вода портится, по-местному, становится ржавой. Рыба в заморной воде погибает. Замор распространяется снизу вверх по течению. Рыба обыкновенно спасается в маленьких ручьях, впадающих в Обь, где ее ловят сетями и другими снарядами. ³ Г и м г а — плетеная из прутьев морда.

Уплывая от замора,
Входит в узкие живицы,
В устья маленьких речушек
Попадает в наши гимги,
Кормит нас и наших деток.
Прав был мудрый дух Пиунче,
Обратя песцов в речушки.
Два песца, два белых рослых —
Небольшая прибыль хому,
Две же маленьких речушки
До весны прокормят рыбой;
Прав был мудрый дух Пиунче», —
Так ответил Торму Ваза.

«Ты ответил верно, отер, —
Так сказал Торым герою, —
А теперь меня послушай:
Ты сказал, что замирает
Под тяжелым льдом и снегом
От ржавца и духа Ас'я...
Что же вывести ты можешь,
Говоря о всех народах,
Что живут от края моря, —
От страны Йарана-пелек
До веселых стран счастливых
Морда-мыг ¹ — народов южных,
До урманов Конды-яя?

¹ Морда-мыг — южные страны (древне-вогульское).

Знаю я, что ты ответишь,
Мне на это слово, отер,
Но тебе скажу я разом,
Я открою смысл великий,
Лишь понятный мне, Торыму.
Как средь стужи лютой, зимней,
Перед радостной весною
Ваша Обь — река народов,
Тундр, урманов, гор и впадин —
Замирает от ржавины,
Так и вы, народы ваши
Перед радостным восходом
Погибают от замора.
Горе! Горе! — вы кричите,
Приходя порой в смятенье,
Грозен лик Таран¹ палящей,
И, как окуни, вы в сети,
Из беды в беду спешите.

Я великую награду
Обещал вчера народам,
Но ее отверг ты, воин,
И теперь наказ тяжелый,
Полный новых испытаний,
Я даю тебе, карт-йевра², —

¹ Т а р а н — олицетворение огня и гнева. ² К а р т - й е в р а — железный волк. Обычно это слово толкуется: князь — союзник русских, получивший за предательство кольчугу и в союзе с русскими нападающий на сородичей. Здесь же это выражение употреблено в смысле мстителя за родной народ.

И, сказав слова такие,
Торм дал знак своей рукою
Здесь стоящим верным слугам,
И они, сходяв куда-то,
Принесли ему кольчугу —
Полотно блестящих колец,
Мелких колец, как песчинки,
Меч железный и содыш'ы. ¹

«Вот тебе,—сказал Великий,
Отдавая ту кольчугу, —
Полотно из мелких колец, ²
Вот звенящая кольчуга,
Недоступная раненю,
Ты надень ее на тело.
Атта-кег'е ³ — меч тяжелый —
Я даю тебе в придачу
Вместе с содып'ом из арьин, ⁴
Воин, Ваза, храбрый мадур,
Вот тебе мои подарки»...
Ваза принял атта-кег'е,
Содып крепкий, красной меди,
Полотно из мелких колец,
Поклонился он Торыму,
Дожидаяся наказа.

¹ С о д ы п — ножны богатырского меча. ² П о л о т н о из мелких колец — кольчуга; кроме этого существуют еще другие фигурные названия кольчуги, как, например, душу спасающая одежда, полотно многих земель, рубаха, делающая тело густым, и пр. ³ А т т а - к е г ' е — богатырский меч. ⁴ А р ь и н — медь.

После долгого молчанья
Продолжал наказ свой Торым:
«Ты дорогою короткой,
На пути своем ты встретишь
Зверя страшного Иура,¹
Ты убей его сейчас же,
Когти твердые, как камень,
Сохрани в мешке дорожном;
А потом у гор великих
Ты увидишь, яр копает
Зверь трехрогий, с толстой шкурой,
Он живет в подземном царстве,²
Ты убей его немедля,
Отруби рога большие,
Сохранив в укромном месте;
А потом, тут близко будет,
Поверни своих оленей
В царство подлого злодея,
Мейка-вора и бродяги.
Как достигнешь царства Мейка,
Ты сейчас же, не робея,
В бой вступи: в кольчуге мелкой

¹ И у р — морское (водяное) чудовище. ² Зверь, о котором говорит Торым, — мамонт. По мнению остяков и вогулов, мамонты живут в подземном царстве и иногда выходят через протоки (жилы) наружу и обваливают яры. Обвалы и подкапывание яров вогулы объясняют находками мамонтовых костей и бивней в берегах рек. По-вогульски мамонт — вес, по-остяцки — мухор, а мамонтовая кость — мухор-онгет. Мамонтовая кость служит предметом заготовок.

И с мечом своим тяжелым
Ты не должен ведать страха;
Победив врага-злодея,
Разори его владенья,
Захвати с добром амбарчик
И возьми себе в награду
Все, что там ты, мадур, сыщешь.

Нут и шар! ¹ Клянусь Медведем,
Если это ты исполнишь,
На земле, на Маа, будут
Все народы вновь свободны.
В красном платье, в алом платье
Безобразная старуха,
Проходя по вужам, русских
Истребит болезнью страшной,
Как оленей истребляет
Страшная чума-позёмка.
Страшно будет. Вы не бойтесь!
Будет смерть, пожары, голод;
От старухи, алой смерти,
Как испуганные волки,
Бросив все, покинув землю,
Побегут за горы люди,
Люди русские от смерти.
В красном платье, в алом платье
Безобразная старуха
Вас не тронет, Конды-гуи.

¹ Нут и шар — клятва.

После этого наступит
Время новое, иное;
Ваши жены будут в чревах,
Как икряные налимы,
Будут полны и плодливы.
Лес немой паулам вашим
Даст добро свое в избытке,
Даст вам мясо, шкуры, лёгын;¹
Реки с мутною водою
Будут полны рыбой разной;
А в холодных тундрах Лс'я,
Как на старых кедрах иглы,
Многочисленны и тучны
Кониек и кхоньи-кор'ы²
Без числа пастися будут;
Вы годов не бойтесь черных,
Что несут чуму оленью,
Истребляют разом стадо,
Их не тронет эта гостья,
Не придет она на копыш.³

И настанет снова время,
Вновь великие шаманы
Будут жить в народе вашем.
По ярам, по пупы-яя,
В пасмурных глухих урманах

¹ Лёгын — белка. ² Кониек — важенка (олень-самка); кхоньи-кор — олени-самцы. ³ Копыш — место, где олени выкапывают ягель из-под снега.

И на солнечных полянах
На протоках, в чащах тала,
На горах и на увалах,
На реках, озерах, в тундре,
Всюду, где укажут духи,
Встанут идола — шайтаны,
Повелю, — и по велению
К вам вернется баба-Рача,
Старичок Обской и Ортик,
Лонты¹-гусь, золотая птица.
Нут и шар! Клянусь Медведем, —
Речь свою закончил Торым, —
А теперь ступай обратно». —
Низко мадур поклонился,
Поднял меч, надел кольчугу,
Привязал к ремню содып'ы
И сказал одно лишь слово:
«Я пошел», — и удалился.

Путь был скор, не помнит Ваза,
Как он вновь с своей упряжкой,
С лайкой белою, Снежинкой,
Оказался на равнине.
Не поверил мадур зрению:
«Нет, — он думал, протирая
Кулаком глаза и брови, —
Я не мог вернуться скоро,

¹ Л о н т — гусь; в данном случае говорится о легендарном золотом гусе-идоле.

Миновав ворота Царства
И Великую Равнину,
Где живут умерших души,
Узкий путь, что в Царстве Теней
Мимо Таукси проходит.
Нет, не мог в мгновенье ока
Я упасть с седьмого неба».
Так раздумывая, Ваза
Вдруг увидел человека
И его окрикнул громко
(Все еще себе не веря),
Он спросил его тревожно:
«Здравствуй, добрый мой приятель,
Как зовется это место?
Далеко ль до речки Ксенты,
Где стоят паулы наших?
Может быть, здесь Царство Торма
Иль Великая Низина,
Где живут умерших души?»

И в ответ на эти речи
Человек вдруг засмеялся.
«Нет, приятель, — он ответил, —
Здесь не Царство ойки Нума;
Как далеко речка Ксента,
Не могу тебе ответить,
Это место же зовется,
Как звалось всегда и вечно,
Сосс'я — Речка Горностаев», —

«Будь здоров! Прощай, приятель!
Если я не в Царстве Торма,
То найду теперь дорогу», —
Так сказал, смеясь, Ваза
На насмешку человека.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИУР

На низу — в заливе Обском,
В белом крае самоедов,
Где и в летний день горячий
Льды лежат, не растопляясь
От лучей скользящих солнца,
Где и в солнечные ночи
Между синих незабудок,
Желтых лютиков и маков
Снег лежит почти все лето,
Есть, за дальней там рекою,
В море-озере холодном,
Рыба-зверь Иур зубастый:
В незапамятное время
Приплыла из стран далеких
И осталась жить навеки.

Часто люди на Ялмале
Видят с берега Иура,
Как он плавает по морю,
Струи вод пускает кверху,
Бьет хвостом по шипим льдинам.
От его ударов грозных
Льды ломаются, как щепы,
Волны с белыми гребнями
Бьют о берег низкий тундры,
Плавник скользкий подбирают
И с собой уносят в море.
И не день, не два бушует
Море-озеро большое,
Волны с белыми гребнями
По неделе кряду ходят.
Друг его, холодный ветер,
Послужить готов Иуру,
С пеньем жалобным, тревожным
Он скрывает тучей солнце,
А потом, подув на травы,
Заметает снежным пухом
И бежит от края моря
В глубь страны, до гор великих,
Принося на легких крыльях
Сумрак пасмурный и серый
И осеннее ненастье...

Станут хмуры снова люди,
Сложат сети на приплеске

И залезут, проклиная
Вал большой и мокрый ветер,
В дымный чум, к огню поближе...
Станут люди думать, слушать:
Не утих ли мокрый ветер,
Скоро ль буря перестанет,
Можно ль будет бросить невод,
Накормить собак голодных
И поставить на речушке
Перевес для ловли уток.

Люди слушают, гадают,
На огонь глядят веселый,
Но не весело на сердце
В эти дни у них бывает,
Вал тяжелый хлещет в берег,
Вал уносит скользкий плавник,
Ветер мокрый с снегом белым
Травы пухом засыпает.
Ветер воет, ветер плачет
И шумит по коже чума.
«Пошамань тут, — скажут люди, —
Отгони Иура-зверя.
О, уйми скорее, ойка,
Этот ветер мокрый, резкий,
Ты достань свой пензер вещий
Вместе с ложкой-колотушкой¹

¹ Колотушка — нялы, — которой шаман бьет по бубну, имеет форму продолговатой ложки, обшитой кожей со лба оленей.

Ты нагрей его проворно
На дыму смолистых щенок». —
Старый ойка скажет людям:
«Не настало еще время,
Подождем еще немного».

И опять под тауль¹ чума,
У огня, на мягких шкурах,
Отсыревших с непогоды,
Люди слушают, гадают,
Ждут, когда шаманить будет
Молчаливый дряхлый ойка...
Вот рукою он дрожащей
Поднимает с полу бубен
И, прислушиваясь к ветру,
Нагревает над таганом.

Кожа бубна затрещала,
Кожа бубна растянулась,
Чернозобая гагара,
Птица вещая шаманов,
Говорить уж обещалась.
Молчаливый дряхлый ойка
Взял рукою колотушку
И, поставив на колено
Теплый бубен, говорящий, —
Раз! — ударил колотушкой.
Раз! — откликнулся сейчас же
Пензер старого шамана,

¹ Тауль — кожа.

Два! — ударил вещий ойка,
Зазвенели тихим звоном
Знаки лодки и гагара,¹
Два! — ответил верный пензер.
Три, четыре! — так удары
Громче, чаще и протяжней.
Пять, шесть, семь! — летели в бездну,
И в руке проворной старца
Замелькала колотушка.
Старец вещий запыхался
От тяжелого гаданья,
Он глаза свои зажмурил,
Чтоб нутром яснее видеть...
Бросил быстро, трижды бросил
На четыре части света
Колотушку — асилибы.²
Каждый раз народ покорно
Подавал ее шаману.
Гром гремел по темной юрте,
Тени робкие скользили, —
Это духи вместе с старцем
О грядущем ворожили.

«Слышу! Слышу! — крикнул старец. —
Вижу, вижу в небе темном,

¹ На шаманских бубнах часто находится изображение гагары, которое или вырезывается на обратной деревянной распоре, или привешивается, вырезанное из металла, обычно железа, меди, жести. ² А с и л б — ящерица; на обратной стороне колотушки укрепляется железное изображение ящерицы.

О, как много, очень много!
Кто-то едет, кто-то скачет,
Кто гремит тяжелой нартой?
Чьи олени, три оленя
Путь направили к шайтану?
Тише, люди! Люди, тише!
Потушите пламя в чуме, —
Тот огонь мешает светом
Тьму яснее видеть взору,
Взору острому шамана!

Он уж близко, очень близко,
И пройдет полкруга солнце,
Вы увидите оленей,
Нарту, путника и чудо.
Он уж близко, повторяю!
Долго ждали ваши деды,
Ждали дети дедов ваших
Гостя дальнего из Понюнг¹
Я не вижу, я не знаю,
Но дождались дедов внуки
Гостя-путника, мадура.
Он несет с собою чудо,
Принесет и избавленье
От злодея, зверя Иура,
Он уж близко, он уж виден!»
Барабан упал на землю,

¹ Понюнг — сказочная богатырская страна.

Повалился на пол старец,
И народ пошел из юрты...

Ветер злой гоняет тучи,
Сыплет снег на землю-маа,
Вал тяжелый с белым гребнем
Плавник скользкий подбирает
И с собой уносит в море,
Зверь Иур пускает струи,
На волнах больших играет...
«Что сказал нам вещий старец?
Где олени, нарта, путник?» —
Спросит сразу маловерный,
И другой ему ответит:
«На земле, на море, в небе
Та же буря-непогода,
В тучах низких, темных тучах
Скрылось ласковое солнце».
Третий скажет в добавление:
«По примерам, нам известным,
Это серое ненастье,
Если будет дуть все ветер,
Ветер северный, холодный,
Нас надолго в чум загонит».

После долгого молчанья
Старый Ярны Окатэтто
Говорил Хамыби Худи —
Самоеду из оленных,

С речки малой Юна-Яга,
Что впадает в Обь у устья
Речки большей Венуия:
«Эта буря-непогода
Долго, долго не утихнет...
Пусть шаман себе ворожит,
Но тебе скажу я, — могут
И шаманы ошибиться.
Путь души — не бег на лыжах
По курье к мирской дороге
За песцом иль за оленем, —
Это трудный путь немногих».
Не успел окончить слово
Старый Ярны Окатэтто,
Как народ вдали увидел
Тройку резвую мадура;
Мало времени умчалось,
Ваза гнал уже оленей
К черным чумам на пригорке
Мимо каменных сядаяв,¹
А потом, к реке спустившись,
Бег оленей он замедлил
И сказал народу громко:
«Ваш язык мне непопята
И места мне незнакомы,
Вас зовут у нас в паулах
Юрран-кум² — народ оленный».

¹ Сядай — идол. ² Юрран-кум, или юрран — самоед.

Помолчав, продолжил Ваза
Речь свою мудрейшим словом:
«Все народы — дети Торма,
Все народы — дети Нума,
Кроме русских, кроме Коми.¹
Я пришел с открытым сердцем:
Вам помочь в нужде великой —
Умертвить морского зверя».

«Нам твое безвестно имя, —
Отвечал Хамыби Худи, —
Но об имени не спросим,
Заходи в наш чум, хозяин,
Сядь к огню, тебя накормят,
Спать уложат на постели,
Уберут твоих оленей,
А когда угодно будет,
Сам ты скажешь — кто ты будешь,
Из какой страны приехал». —
«Хорошо, — ответил Ваза, —
Буду гостем я недолгим
В ваших чумах над рекою».

Ваза слез, отдал постромки,
Наказал беречь оленей
И пошел за старцем Ярны
В чум его гостеприимный.
Здесь он сел на мягких шкурах,

¹ К о м и — зырянин.

Ел уху, пил кровь оленя
Вместе с мозгом и хрящами,
А потом он на постели ¹
Лег вздремнуть пред боем с Иуром.

Встав от сна, созвав хозяев,
Молвил слово им такое:
«Я иду войной на Иура,
Я — вогул с далекой Ксенты,
Музыкант забытых песен.
При рождении шаманом
Был я назван Вазой-уткой,
К вам на низ, на устье Ас'я
Я приехал от Торыма,
По его на то наказу —
Умертвить морское чудо.
Был я в царстве ойки Торма,
Проезжал Ущелье Мертвых,
Видел тень Яныя Келба
И других отцов народа,
А до этого у Мейки
Я похитил нарту с кхонна,
У Медведя, старца-ойки,
Тамгу Торыма-Владыки.
Проезжая по ущелью,
Взял перо священной птицы,
Птицы Таукси Великой...

¹ П о с т е л и — оленьи шкуры с невыделанной или грубо выделанной мездрой.

Я несу с собой свободу,
Всем народам избавленье, —
Продолжал мадур народу, —
От владычества Роч-маа¹
Всем народам рек великих,
Малых рек, озер и речек,
В том числе и вам, Юрраны,
Племя дальних самоедов,
Я свое кончаю слово,
И прошу вас дать мне лодку,
Лодку крепкую и весла;
В ней по гребням волн сердитых
Я поеду прямо в море,
Я поеду в ней навстречу
К зверю-чудищу морскому,
К толстокожему Иуру»...

«Нет у нас, людей оленных, —
Отвечал Хамыби Худи, —
Лодки крепкой для мадура.
Наши лодки для рыбалки
Годны в тихую погоду,
Наши весла слишком тонки...
Есть одна, я знаю, лодка
Вот на том большом увале,
Где давно стоят сядай,
Лодку выкинуло валом.

¹ Р о ч - м а а — русская земля или земля русских.

Но она нам не по силам,
Нам ее не снять со седы,¹
Не скатить к воде глубокой,
Если даже собрались бы
Всем народом мы с Ялмала,
Запрягли бы всех оленей».

«Может быть, мои олени, —
Так сказал мудрый народу, —
Эту лодку стащат с седы.
Но она лежала долго:
От дождей и непогоды,
От жары, морозов, солнца, —
Всякий знает, что рассохлась.
Мы пойдем ее осмотрим,
Будет можно, то починим:
Перетянем, серой смажем,
Позатычем мохом щели
И нашьем на дно заплаты
Из вареной кожи в жире».

Как сказал мудрый народу,
Так исполнено и было:
Без труда олени Вазы
Лодку к морю подтащили,
Здесь ее народом быстро

¹ С е д а — по-самоедски (ялмасьски) высокая сопка в тундре.

Самоеды починили;
Ваза лишь с высокой сопки
Притащил весло с веревкой;
Упершись в корму тупую,
Сдвинул лодку он на воду,
Сел в нее, веслом ударил;
Вал поднялся от удара,
Посносил с приплесков плавник,
Захлестнул речонку Юну,
Утащил с собою в море
Сети, лодки самоедов.
«Егей! Егей!» — закричали
В страхе вслед тут самоеды.
Но уж их не слышал Ваза, —
Далеко в открытом море
Он чернел далекой точкой,
К зверю Иуру приближаясь.

Чайкой быстрою крылатой,
То ныряя меж валами,
То на гребни поднимаясь
Волн седых, с косматой пеной,
Лодка Вазы приближалась,
В пыль дробя валы и льдины,
К зверю страшному Иуру.
Зверь давно заметил лодку,
Удивился он отваге
Смельчака-пловца на хабе,
И, нырнув под вал сердитый,

Он набрал с водою илу,
Снова вынырнул на гребень;
Подождав еще немного,
Чтобы лодка поднялася
На косматую верхушку,
Он метнул струею воду
С грязным илом и камнями.

С грозным свистом разлетелась
Грязная струя у хаба,
Но не дрогнул храбрый мадур,
Музыкант забытых песен...
Он рукою богатырской
Греб попрежнему на зверя...
Острый нос тяжелой лодки
Волны надвое разрезал,
Оставляя за кормою
След далекий из вертушек
И клочков разбитой пены.

Иур, увидев лодку ближе,
Заревел, оскалив зубы,
Поднял хвост и с силой страшной
Им плашмя ударил воду.
Как в котле кипящем, море
Забурлило пузырями,
Льды тяжелые ломая;
Волны в страшном беспорядке
Друг на друга набегая,

Разбивались в пыль и брызги;
Тучи низкие спустились
Близко, близко над волнами,
Ночь настала в бурном море.

Зверь столкнулся с лодкой Вазы,
Поднял голову с зубами
И хотел за край схватиться,
Опрокинуть хабу в море.
Понял Ваза хитрость Иура,
По поздрам веслом тяжелым
Он его ударил шибко.
Зверь тогда нырнул под лодку,
Но скользка спина у зверя,
Лодка на воду скользнула,
А мадур мечом проворно,
С силой страшной размахнувшись,
Перебил хребет и плавник...

Зверь взревел, нырнул глубоко,
След кровавый оставляя,
Снова вынырнул у лодки,
Ухватив весло зубами,
Расщепал его в лучину;
Но мадур не растерялся,
Он вскочил ему на спину,
Вместе с крепкою веревкой,
В жирный бок морского зверя

Он воткнул тяжелый якорь,
Закрепил, как в берег, кошку,¹
И мечом стальным Торыма
Сквозь кривые ребра зверя
Он проткнул печеньку с сердцем,
Разрубил пузырь зеленый,
Весь заплывший в белом сале,
С желчью мутной, ядовитой...

Вздрыгнул Иур, хвостом ударил,
Натянул струной веревку
(Он хотел нырнуть и скрыться
В глубине морской от Вазы),
Но напрасно это было, —
Атта-кег'е, меч тяжелый,
В мозг успел уже проникнуть,
Помутить рассудок зверя...
Семь ударов богатырских —
Смерть настала для Иура
И, как толстая колода,
Вздрыгнул он бугристой кожей,
Пузыри пустил и умер.

Тучи черные бежали,
Тьма рассеялась над морем,

¹ Кошка — небольшой четырехконечный якорь с острыми концами, употребляемый на севере Оби и Енисея в качестве привязи лодок, для этого кошка втыкается на веревке в берег, а лодка остается на воде.

Вал утих, и засверкали
Медью желтой иглы солнца...
Зверь лежал в крови, на брюхе.
Богатырь веслом запасным
Греб на лодке к Юна-Яга —
К дальним чумам самоедов;
Черной толстою колодой
Кверху брюхом Иур тащился
За тупой кормою лодки
На буксире в семь веревок.
Богатырь был рад победе,
Он был весел как ребенок.

«Вот вам Иур — ваш неприятель!» —
Крикнул Ваза, приставая,
Кинув в мягкий берег якорь,
И потом, мечом тяжелым
Обрубив на черных лапах
Когти острые Иура,
Продолжал свое он слово:
«Люди храбрые — Юрраны,
Племя дальних самоедов,
Завтра утром я уеду...
После боя с страшным зверем
Нужен мне покой и отдых,
А поэтому прошу вас:
В чуме темном с дымокуром
Приготовьте мне постели,
И до утра не будите.

Утром рано тройку кхонна
В нарту крепкую впрягите,
Дайте сала моей лайке,
Лайке беленькой, Снежинке,
И мадура разбудите».

Рано утром Окатэтто
В чум вошел и молвил тихо:
«Все готово, добрый мадур».
Ваза встал по зову Ярны,
Натянул свою одежду,
Закусил немного мясом,
И, как требовал обычай,
Расставаясь с народом,
Пригласил их всех на Ксенту,
К котлу Вазы-музыканта...

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

МУХОР-ОНГЕТ

«Посмотри, костер уж гаснет
Под седым налетом пепла
Еле тлеют головешки,
Вынь скорее табакерку
И набей травую пьяной,
Набей тамбах ¹ свою трубку.
Помни то, что очень скоро
Наш костер совсем потухнет,
И тогда о крепкий камень
Долго будешь бить крысало, ²
Чтоб добыть для трута искру»,—
Так промолвит ранним утром
Добрый друг другому другу
На охоте иль рыбалке.

«Хорошо», — ответит первый
И достанет из кармана

¹ Тамбах — табак. ² Крысало — огниво.

Тотчас трубку, табакерку,
Осторожно всыплет тамбах,
Чтоб на землю не просыпать,
Разметет золу лучиной,
Уголек возьмет руками,
И, раздув его до искры,
Он его положит в трубку.
Синий дым струею тонкой
Полетит, чубук окутав,
Изо рта пойдет дым белый,
Из поздрей, кружась клубами.
И другой достанет трубку—
И ее закурит так же,
Как и первый друг-товарищ.

«Из чего ты сделал трубку?» —
Спросит первый ойку руму.
Друг его лишь улыбнется
И ему, подумав, скажет:
«Сам ты знаешь, — мухор-онгет,
Это знает каждый мальчик,
Каждый маленький ребенок,
Но теперь, я знаю, рано,
Над рекой бело-туманно,
Мы еще с тобой покурим;
И, мне кажется, ты хочешь,
Чтоб не шло в молчаньи время,
Услыхать рассказ старинный

О великом звере Весе,
О быке большом Мухоре».

«Верно, рума, ты отгадчик, —
Тут второй ответит просто, —
Я схитрил, спросив о трубке.
Расскажи мне о Мухоре,
Ты рассказываешь складно
Эти странные преданья,
Стародавние былины.
Расскажи без мухомора,
Хоть сегодня не Никола,
Не Петров день, не Крещение,¹
Но рассказ всегда на сердце,
Полон он всегда словами,
В том его отличие, скажем,
От мешка его с мукою,
Сөг-хури² пузатого налима».

«Это ты заметил мудро,
Согласился с ним товарищ, —
Чтоб мешок твой был с мукою,
Надо быть в ладах с торговцем,

¹ Обыкновенно былины и сказания пелись обскими вогулами и остяками в Николин день, Крещение и Петров день. ² Сөг-хури — мешок из кожи налима, не пропускающий воды. Такие мешки употребляются для соли, табаку и даже муки.

С мангазеей и вахтером,¹
Надо каждый раз в подарок
Приносить им сиводушку.²
Ну, так слушай, ойка рума,
Мой рассказ о Вес-Мухоре.

Под землей, под руслом яя,
Там, на дне, в Подземном Царстве —
Петлим-емдер³ — в мраке ночи,
Так же, как сейчас ты видишь
Здесь, вверху, над этим Царством,
Есть проходы, тропы, речки,
Реки с полою водою

¹ М а н г а з е е й — обычно назывались в царское время казенные хлебо-запасные магазины. В а х т е р заведующий хлебо-запасным магазином. ² Лисицы по качеству меха разбиваются на три вида: самый дорогой и редкий сорт: чернобурая, затем с и в о д у ш к а, и дешевый — белодушка. Здесь намек на взятку вахтеру. ³ П е т л и м е м д е р — Подземное Царство. В представлении вогулов под землей существует особое царство (страна), где имеются так же, как и на земле, реки, озера, леса, трава и т. п. Подземное Царство населено духами, отчасти душами умерших, которые живут в особой части подземной страны. Под землей, под руслами рек имеются воды, проходы и тропы, по которым, например, можно под землей пройти с Енисея на Обь и обратно. Там же живет Мухор, или Вес (мамонт), бык с тремя рогами, который иногда выходит наружу и, ослепленный солнечным светом, не находит обратного входа под землю. Вес начинает беспокоиться, рыть землю, особенно высокие берега рек (яры), и, вырыв проход, погибает под обсыпавшейся на него землей. Так объясняют вогулы, а также другие северные народности находки костей мамонта в берегах рек.

И бездонные озера,
Там, внизу — в Подземном Царстве —
Так же лес растет великий,
Травы с разными цветами,
Петлим-емдер — царство духов,
Петлим-емдер — царство Веса.
Редкий видел из живущих,
Как подземными ходами
Из земли под яр выходит
Страшный зверь с тремя рогами.
Даже сильные шаманы,
Духи коих вниз спускались,
Не могли смотреть без страха
На подземного владыку.
Каждый знает, каждый видел,
Что в илу, ярах, увалах,
Даже в мерзлой почве тундры
Отыскать всегда возможно
Рог и зуб, и луки-ребра,
Черный череп, словно камень,
Великана Мухор-Веса.

Каждый спросит, отыскавши
Рог большой, покрытый илом, —
Как попал он в нашу реку?
Также спросит и нашедший
Зуб большой, другие кости,
Черный череп, словно камень,
Великана Мухор-Веса, —

Как они сюда попали,
В яр высокий над рекою?

Зверь подземный в темном царстве
Бродит торными тропами
Под водою наших яя.
Бродит он в проходах тесных
Там, внизу, в глуби под нами,
И, когда его наружу
Приведет под яр дорога,
Он, увидев свет и солнце,
Слепнет, бесится и воет,
Бьет рогами он о берег,
Осыпает землю в воду,
Подрывает яр высокий,
Выбивая логовище.
Так, слепой, он долго бьется,
Потеряв свою дорогу
В царство темное под землю,
Разрывая яр высокий.
А потом, как гром июльский,
Упадет подрывный берег,
Упадет и похоронит
Зверя сильного Мухора».

«А теперь, — второй продолжит, —
Воды быстрые весною
Снова вымоют Мухора;
Рыболов-остяк, поехав

Мимо яра на рыбалку,
В желтом берегу увидит
Мухор-онгет — кости зверя,
Заприметит это место
И опять сюда вернется,
Откопает, сложит в ветку,¹
Привезет домой, распилит,
И начнет потом он делать
Табакерку, черен к шилу,
Трубку, кольца, ложку, ножны;
Если кости слишком много,
Он продаст ее на водку
И напьется шибко пьяным,
Будет петь, кричать, ругаться,
Говорить о Мухор-Весе».

Люди молча покурили,
Они были рыболовы —
Безоленные остяки, —
Первый звался Печь Салиндер,
А второй Тамбури Ямшик —
Оба родом с Ильби-Горта.
Оба встали, взяли сетки
И пошли уж было к лодке,
Как услышали, что сзади
Кто-то их позвал и крикнул:
«Тончин, Тончин!² Подождите!»

¹ Ветка — маленькая, долбленная из дерева или сшитая из бересты лодочка, вместимостью для двух, трех человек. ² Тончин — стой.

«Кто бы мог, — подумал Ямпик, —
В эту пору быть из наших?»

«Егей! Егей! Кто там будет?» —
Отозвался Печь Салиндер.

«Егей! Егей! Подождите!»

Из молочной легкой гущи,

Из молочного тумана

Вместе с лайкою Снежинкой

Вышел Ваза к ним навстречу

И держал он речь такую:

«Проезжая мимо яра,

На припеске тихой ял,

Сквозь туман молочно-белый

Я слышал разговоры.

Там есть люди, я подумал,

Рыбаки сидят в тумане,

Дожидаясь погоды,

И, подъехав к вам поближе,

Крикнул громко: подождите!»

Улыбнулся Печь Салиндер

Вместе с Ямпиком веселым

И сказал он так мадуру:

«Если трута иль огнива

Ты желаешь для куренья,

Получи без разговоров;

Каждый знает, что на голос

Человек идет за зверем,

Человек идет за птицей

И за лайкой на охоте,
Так к чему же разговоры?
Предоставь сорокам-бабам
Поболтать, а мы — мужчины».

«Может быть, — продолжил Ямник, —
В их паулах есть обычай,
Чтоб мужчины, как ребята,
Вместе с бабами болтали
О шитье, стряпне, лепешках,
Может быть, у них мужчины
Нитки вяют из жил оленьих
И на женской скрипке низ¹
Хорошо играть умеют.
Может быть, у них мужчины
Няньчат в онтаб² ребятишек,
А их жены промышляют
На ясак³ пушного зверя,
Ловят уток перевесом,
Кормят их и бьют ремнями?»

«Может быть, у них в паулах...» —
Подхватил насмешку снова
Печь Салиндер, улыбаясь,

¹ Н а р я ж у х — пятиструнная остяцкая цитра, н и э — н а р и ж у х — женская скрипка; играть на низ — значит «быть бабой». ² О н т а б — берестяная зыбка (люлька) для маленьких детей. ³ Я с а к — подать, уплачивавшаяся мехами русскому царскому правительству, установленная в XVI столетии.

Но не мог он кончить слова:
Ваза взял его за косу,
А другой рукой — за ворот
Ухватил Тамбури Ямпик
И обоих кинул в воду;
Взял потом бревно большое
И, как плиткой, метко бросил
Прямо в лодку рыболовов.
Закричали рыболовы:
«Егей! Егей! — незнакомцу. —
Пайсе, пайсе, ойка рума,
О, не делай нам худого,
О, прости насмешки наши».

Печь Салиндер на карачках,
А за ним Тамбури Ямпик,
Как две мокрые собаки,
С плачем жалобным, тихонько,
Из воды брели на берег
И держали слово Вазе:
«Не сердись на нас, бессильных,
Богатырь с рукою длинной». —
«Замолчите! — крикнул Ваза, —
И послушайте, что скажет
Вам, трусливым зубоскалам,
Мадур Ваза, отер Ваза,
Победитель Пенегезе,
Зверя сильного Иура.
Здесь, я знаю, близко место

Ход глубокий в Петлим-емдер;
Укажите мухор-онгет,
Укажите дверь под землю,
Я иду войной на Веса».

«Страшно нам, — ответил Ямпик, —
Вон под тем большим увалом,
Где зимою, снежной Тэли,
Из-под снега даже в стужу
Бьет горячий ключ подземный,
Где стоит разбитый громом
Старый кедр в кустах рябины,
Есть подземный ход глубокий
В Царство Ночи — Петлим-емдер.
Кто проходит мимо ямы,
Мимо темного прохода,
Слышит шум, подземный топот,
Крики громкие народов
На наречьях неизвестных,
Языках, нам непонятных».

«Отпусти нас, незнакомец, —
Тут взмолился Печь Салиндер, —
Кончил речь Тамбури Ямпик,
Он сказал тебе всю правду,
Больше мы о черной яме
У ключа с водой горячей
Рассказать тебе не можем»,

«Хорошо, — ответил Ваза, —
Путь свободен, уходите,
На дорогу вам, мужчины,
Дам совет, который помнит
Каждый маленький ребенок.
Кто приходит к дыму чума,
Иль найдет костер горящий
В поле, тундре и у чума,
Будет гость, и добрым словом,
Угощением и едою
Должен быть сначала встречен.
Если хочет, пусть расскажет:
Кто, откуда и зачем он.
Если нет, то не должны вы
Сами спрашивать, как дети:
«Чей ты будешь, незнакомец,
За каким идешь ты делом?»
А теперь добром ступайте,
Расскажите в чумах ваших,
Как под старость вы учились
Обхождению с гостями
У проезжего вогула.
Ну, прощайте, казым-гуи», —
Так свое закончил слово
Победитель Пенегезе,
Зверя сильного Иура,
И, спиною повернувшись,
Быстрым шагом, легким шагом
Скрылся он в молочной гуще

Вместе с беленькой собачкой.
«Каково?» — спросил тут Ямпик.
«Получил ты по заслугам», —
Отвечал ему Салиндер.
«Разве ты со мною не был,
Не возился у приплеска,
Как линялый гусь в болоте?» —
Отвечал сейчас же Ямпик.
«Он меня лишь взял за косы». —
«А меня он взял за ворот». —
«Я давно хотел помыться», —
Вставил слово Печь Салиндер.
«Поубавить вшей в рубахе
Он тебе помог, приятель,
Будь ему ты благодарен», —
Молвил Ямпик, засмеявшись.
«Все же мы с тобой в убытке,
Что он сделал с нашей лодкой, —
Так заметил Печь Салиндер, —
Где мы новую добудем?» —
«В этом ты один виновен,
Ты свои насмешки начал», —
Отвечал Тамбури Ямпик.
«Начал я, а кто продолжил?» —
Тут спросил уже сердито
Печь Салиндер, рассердившись.
Покраснев от гнева, Ямпик
Назвал друга «старой бабой»
И другими именами.

Долго ссорились остяки,
А потом они подрались.

В это время Мадур Ваза
Надевал поверх рубахи
Полотно из мелких колец
В руки брал тяжелый кег'е,
Атта-кег'е — меч мадура,
И большой колчан из меха
Он наполнил туго нялы,
На тяжелый медный пояс
Из цепей, узорных плиток,
Привязал цепочкой медной
Ножны — содып, амулеты,
Он позвал свою собаку
И, сказав три вещих слова,
Путь направил свой к Мухору.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

МУХОР

Крутоярем, где рябины
Над обрывом шелестели,
Где черемуха с калиной
В воду мутную смотрелись,
Ваза с лайкою Снежинкой
Чуть заметною тропинкой
Пробирался к Мухор-Весу.
Красный яр, высокий берег,
Каждый год с большой водою
Вместе с соснами, травой,
Как живой, сползая в воду,
Осыпался с страшным громом
На ступенчатый приплесок.

Старики в былые годы,
Что прошли и не вернутся,
Сидя чумом на увалах,
Говорили малым внукам:

«Видишь, парень, яр высокий,
Красный берег — крутоярье.
Каждый год с водой большою,
Как от речек на увалы
Мы уходим в половодье,
Он уходит, осыпаясь,
Дальше в лес, — в густой рябинник...
В годы прошлые — до русских —
На яру, над тихой лягой¹
Стоял город, медный город
Князя Самара Матуги.

Мы не знаем, так ли было;
Но старейшие из рода
И мудрейшие шаманы
Сон увидели однажды
Ночью теплою весенней,
Журавлиной светлой ночью,
Днем они совет созвали
И сказали так Самару:
«Князь, мы видели Мухора,
Он подземными тропами
Подошел под берег красный,
Подошел под городище,
И пройдет три круга солнце,
Город наш, как круглый камень,
Будет сброшен прямо в воду
Вместе с рощею шайтаном».

¹ Ляга — старое русло, заросшее травой, с слабо проточной водой.

Князь ответил верным людям:
«Пусть пройдет три круга солнце,
Мы тогда увидим ясно,
Мы тогда узнаем точно,
Упадет ли яр высокий
Вместе с городом и рощей,
А пока вы время ждите».

Разошлись с совета люди,
Недовольные словами
Князя Самара Матуги...
И прошло три круга солнце,
Яр высокий обвалился
Ночью светлой, журавлиной,
Вместе с городом и рощей,
Только люди земляные —
Мыгдятай-ах¹ Самар-князя
(Их жилища за оградой)
Долгс слезно горевали
И кричали над обвалом:
«Где теперь у нас защита,
Князя Самара не стало!»

Видишь, парень, — заключили
Старики, рассказ закончив, —

¹ Мыгдятай-ах — земляные люди, т. е. бедный народ, главная масса племени; эти бедняки обычно жили в землянках за частоколом города и в случае военных действий или осады уходили под защиту стен городка.

Вещий сон как много значит,
Вещий сон откроет двери,
Что не видит глаз шамана,
Что не слышит наше ухо
В тишине времен грядущих.

Яр уходит с каждым годом
В темный лес, где нет рябины,
С каждым днем мелеет ляга,
Жирным илом зарастая,
Темной ямой в крутоярье,
Как нора большого зверя,
Виден вглубь провал бездонный —
Это выход Мухор-Веса,
Поедателя увалов,
Из земли на свет, наружу».

Ваза шел, гремели содып,
Звонко лаяла Снежинка,
Чуть заметная тропинка,
Как змея, меж стройных сосен
Вниз спустилась по обрыву
И в логу, в траве зеленой,
Затерялась, оборвавшись
Между кустиков рябины...

«Яма близко», — думал Ваза,
Поднимая тяжкий содып
Выше пояса из плиток.
Ампа лаять перестала;

Еле слышно где-то хлюпал
Ключ в траве; над старым кедром
Развевались чьи-то иры;
И так глухо, как в боченке,
В стороне был слышен говор
Не людской и непонятный.

Ваза вынул атта-кег'е —
Богатырский меч тяжелый,
Затянул потуже пояс,
Подвязал колчан с стрелами
И позвал свою собаку:
«Ну, теперь настало время,
Верный друг ты мой, Снежинка,
Нам спуститься в Петлим-емдер», —
Так промолвил мадур Ваза,
Направляясь к проходу
В Царство Ночи под землею.
И блестящая кольчуга,
Полотно из многих колец,
На ходу звенела тихо;
Брякал с каждым шагом Вазы
Содып тяжкий на цепочках.

Подойдя к норе Мухора,
Ваза бросил круглый камень
И прислушался к паденью
Камня круглого под землю.
Долго слушал храбрый мадур,
Скоро ль камень дна достигнет,

Скоро ль стукнет он в колоде.
И прошло большое время:
Пятьдесят шагов по лесу
Может сделать хромоногий,—
Загремел тяжелый камень —
Дно достал в норе Мухора.

Ваза снова бросил камень,
Снова слушал он паденье
Камня нового о камни,
А потом сказал: «Довольно».
Повалил сосну большую
Поперек норы Мухора,
И, забив два клина в землю,
Он набрал корней и лыка
И крутить веревку начал,
В пятьдесят шагов длиною,
Толщиною в восемь пальцев.

«Ты боишься, бедный мальчик,
Этих сумрачных потемок
В эту пору огневую.
Ты боишься, бедный мальчик,
Мать ушла твоя далеко
Собирать в лесу сараны¹
Ты боишься, бедный мальчик,
Черной тени от чувала,

¹ Сарана — растение, корни которого собираются как съедобные. Из высушенных и перетертых корней изготавливается мука.

Темных нар и шума ветра;
Мать ушла твоя далеко,
Ты не плачь в глубокой люльке,
Мальчик милый, неразумный», —
Пел негромко мадур Ваза
Песню детскую над ямой,
Вспоминая годы детства.

Вот он маленьким парнишкой,
Вместе с псом лохматым Пакой,
Ставит кривду на проточке.
Комары его кусают,
Лает сипло пес лохматый;
Где-то громко на увале
Страшным голосом, протяжным, —
«Ко-го-гу», — вызывает кто-то...
Страшно маленькому Вазе,
Он готов бежать к паулу,
Бросить кривду на проточке,
Но как раз он слышит в кривде,
Что попала в мотню рыба,
И дрожащими руками
Тянет кривду он на берег...
Рыба в кривде, рад парнишка,
Позабыв о страшных криках,
Неуверенно хватает
Ручкой скользкого налима.
Миг один, из цепких пальцев
Булькнул в воду толстокожий.

«Айя!» — крикнул и заплакал
Рыболов-парнишка Ваза,
Взявший толстого налима
Не под жабры, а за брюхо.

В чаще — спелая брусника, —
Солнопок покрыт, как кровью.
Ваза, маленький парнишка,
Вместе с псом лохматым Пакой
Убрались сюда поутру,
Вазу мать и старый ойка
Оттаскают за волосы, —
Это каждый раз бывает,
Когда парень из паула
Убежит с лохматым Пакой.
Но кому какое дело, —
Думал так парнишка храбрый, —
Если он не хочет в чуме
С бабами сидеть на кожах, —
Он давно уже мужчина.

Вот наелись, наигрались
Пака с Вазою досыта
И идут домой, к паулу.
Их встречает с хворостиной
Старый ойка на дороге:
Хвост поджав, лохматый Пака
Убежал в густой кустарник,
Побежал было и Ваза,

Но напрасно, — хворостина
Нагнала парнишку скоро.

На другой день, ровно в полдень,
Завязал конец веревки,
Труд окончил хлопотливый
Музыкант забытых песен,
И сейчас же, не помедлив,
Обвязал сосну на яме
Крепкой петлею тройною,
А другой конец веревки
Опустил в колодез темный.
«Ожидай у темной ямы», —
Наказал мадур собаке
И, надев кольчугу, содып,
Все другое снаряжение,
Опустился в Петлим-емдер —
В Царство Ночи под землею.

Чем спускался глубже Ваза
По веревке крепкострунной,
Тем теплее становилось,
Тем дышать труднее было.
Белой тряпкой, как оконце,
Там, вверху, над головою,
Виден был неясно выход...
Скрылся свет, пахнуло дымом,
Стены каменные сжались,
И из тьмы, переливаясь,

Шумы громче доносились
Страшным ревом водопада,—
Петлим-емдер было близко.

Ниже в землю, глубже в землю,
Ближе каменные стены
Наступили на героя...
Перебор, другой и третий,
И в руке мадура Вазы
Был уже конец веревки.
«Коротка моя веревка,
Дно не близко», — думал Ваза,
Как паук на паутине
В темной бездне повисая.
Возвращаться снова на верх,
Довязать до дна веревку, —
Стыдно было бы герою
Пауком по яме ползать...
Прыгнуть вниз, на дно колодца, —
Камни встретят остриями,
Вдавят медную кольчугу
В тело белое героя,
Будет сломан онет¹ Вазы,
Рог сияющий героя...
«Если камни же минуешь, —

¹ О н е т — золотой рог. В данном случае аллегорическое выражение, часто употреблявшееся в древнем, дорусском эпосе, обозначавшее: сломанный рог — неудачу, поражение богатыря; рог растущий — удачу, победу и пр.

Продолжал над темной бездной
Думать думу храбрый мадур, —
То обратно не вернешься.
Стены скользки и высоки,
Птице в пору лишь подняться
На разжатых крепких крыльях.
Но мадур — не белый орлан,
Не шаман, чтоб обратиться
В птицу, зверя или духа».

Долго думал мадур Ваза,
Долго духом колебался,
Наконец решил спуститься
Без веревки, упираясь
В стены узкого ущелья.
Он припомнил, как мальчишкой
Лазил в норы за стрижами
По крутым сыпучим кручам
Желто-каменных откосов.

«Не сломает онет Ваза,
Рог сияющий героя», —
Молвил он и, упираясь
В стены гладкие колодца
То спиною, то руками,
Стал еще спускаться ниже.
Близко дно, бокарь¹ нащупал
Камень гладкий, как ступеньку...

¹ Бокарь — меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

Шаг еще — на дне колодца
Стал обеими ногами
Мадур Ваза — победитель —
Перед входом в Петлим-емдер.

Он поправил атта-кег'е,
Подтянул потуже пояс,
Нож охотничий ослабил
В ножнах, резанных искусно,
И, надвинув на лоб черный
Иермак-охзам героя,
Сват ¹ в сияющей кольчуге
Шагом медленным, тяжелым,
Как на Шубного Медведя
Опытный идет охотник,
Он вошел в ущелье зверя.

Плакал филин-передатчик,
Смерть предсказывал герою
Пеньем песенки веселой;
Говорил веселый филин:
«Бедный мальчик, возвратися,
Ты, бедняжка, уж покойник,
Ты бледнеешь и трясешься,
Только я пойду навстречу...
Мне и мать твоя плясала,
Да в серебряном наряде,

¹ С в а т — древне-вогульское название богатыря.
«Сваты ходили» — воины ходили войной, и пр.

Для меня она плясала,
В честь меня она надела
Дорогой кафтан суковный,
Мехом беличьим обшитый,
На ногах ее мелькали
Бокари с цветным узором
Из пяти цветных полосок,
Тонкого сукна с нашивкой
Мелких бусок, как икринки.

Для меня она плясала,
В честь меня она надела
Из крапивы белый фартук,¹
Где узором тонких ниток
Были вышиты картины:
Зверь, охотник, соболь хитрый,
Хвоя сосен и лисицы...
Для меня она плясала.
Бедный мальчик, воротися».

Но не слушал Ваза песню,
Песню детскую о танцах,
Что пропел ему шутливо
Хитрый филип-передатчик.
Твердым шагом, не колеблясь,
Шел, как опытный охотник,
Ваза в темном подземелье,

¹ Вогулы обрабатывали волокна крапивы для тканья.

А ему навстречу грузно
Мамонт двигался проходом,
Крепкорогий, страшный Мухор.
С каждым шагом приближался...
Не скипел котел на углях,
Не прошло до сотни время,
Как сошлись: зверь подземный
В темном каменном ущельи
С человеком тяжелой силы,
И вступил в бой кровавый,
Бой последний для кого-то.

Засвистел, как буйный ветер,
Заблестел огнем летящим
Атта-кег'е, меч героя...
Зверь Мухор взревел от боли,
Тошнул толстыми ногами,
И, как кор, почуя кора,
С наклоненными рогами
Он понесся на героя...
Ваза быстро наклонился
И, как мышь в нору, юркнул он
Между толстыми ногами,
А потом вдогонку зверю
В жирный зад всадил он кег'е,
Острый кег'е, меч героя.
Зверь взревел от страшной боли;
В узком каменном проходе
Он хотел бы повернуться,

Вновь напасть тремя рогами,
Смять героя в быстром беге, —
Но напрасно это было:
Разве можно разом гору
Сдвинуть сильному Мухору?
Разве может он раздвинуть
Сразу круглым поворотом
Узкий выход в Царство Ночи?
Хоть силен подземный житель,
Страшный Мухор многорогий,
Победитель крутоярья,
Но бессилен он, как муха,
Перед каменной горою.

Не робея, не теряясь,
Ваза бил мечом тяжелым
Ноги, зад, бока Мухора;
Кровь, как речка в половодье,
Залила подземный выход
На две полные ладони.
И Мухор уж чуял гибель
От руки героя Вазы,
Он сначала лишь лягался,
Задом пятился на Вазу,
Но потом, собравши силы,
Что есть духу по ущелью
Побежал, быстрее кхонна,
Дальше в землю, в Петлим-емдер,
Оставляя след брусничный.

Ни на шаг не отставая,
Побежал за зверем мадур,
Отер Ваза быстроногий,
И от бега их в ущелье
Колебалась даже Маа,
Дальняя земля народов.
Долго бег их продолжался,
Долго Маа колебалась,
Наконец споткнулся Мухор;
Истекая темной кровью,
Обливаясь красным потом,
Он упал на дно ущелья.
Тут герой, согласно клятве,
Данной им Отцу Торыму,
Прыгнул на спину Мухору,
И мечом он в три удара
Отрубил три рога зверя...
Зарычал, забился Мухор,
Встал с трудом он на колени,
Но упал сейчас же с ревом
И уж больше не поднялся.
Ваза взял три крепких рога,
Повалил себе на спину
И пошел к глубокой яме,
Где кончается ущелье.
Хитрый филин — птица ночи —
Цел шутливо вслед герою:
«Бедный мальчик, я ошибся,
Бедный мальчик, ты не умер;

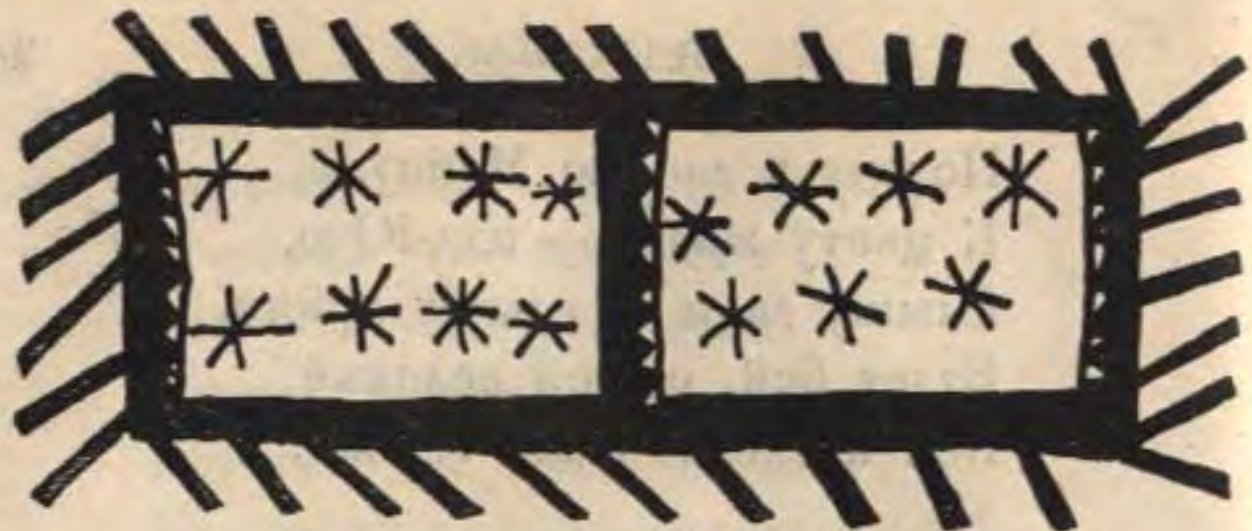
Старый Ойка — вещий старец —
Ворожил тебе на бубне,
Ворожил тебе у люльки,
Привязал тебе удачу
Вместе с шариком из меди
На ремне к подвескам люльки,¹
И теперь перед глазами,
Впереди тебя по тропам,
Впереди по всем дорогам
Мчится счастье — рог героя,
Всюду ждет тебя удача», —
Так пел филин пучеглазый
Песню новую мадуру.

Вот и выход, узкий выход,
Тяжелы рога Мухора,
Коротка веревка Вазы,
Но невидимый, незнанный
Ухватил семью руками
Музыканта старых песен,
Песен всеми позабытых.
И поднял его, как птицу,
Наверх к беленькой Снежинке.

«Ну, теперь, — так думал Ваза, —
Я быстрее вольной птицы

¹ У северных народов в обычае привязывать к ремням люльки разного рода побрякушки, игрушки и пр. Здесь филин намекает на то, что вещий старец вместе с игрушками привязал к люльке Вазы само счастье.

Полечу к злодею Мейку,
К цвету жизни — нэ-Ючо.
Слышу звон я, слышу крики,
Будет бой, о, бой великий,
Бой последний для героя».

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Каждый день с печалью в сердце,
В сердце с робкою надеждой
Выходила нэр-Ючо,
Выходила на дорогу,
Дожидаяся приезда
Музыканта старых песен,
Каждый день она, вставая,
Говорила: «Вазу встретит,
Может быть, сегодня Ючо».
Каждый вечер повторяла,
Спать ложась, с надеждой в сердце,
Нэр-Ючо, цветик жизни:
«Может быть, приедет ночью
Мой жених — мадур железный».

Проходили дни и ночи,
Проходили в ожиданьи,
А герой, мадур железный,
Музыкант забытых песен,

Не стучал тяжелой нартой,
Был далек от грустной Ючо,
Был далек в краю безвестном.

«Он приедет, не приедет, —
Так гадала часто Ючо
Темной, позднею порою, —
Он приедет, не приедет,
Отвечай скорее, пензер,
Вещий пензер, малый пензер
Из палимьей кожи сшитой».
Но молчал упорно пензер
На вопросы грустной Ючо,
И однажды только, ночью,
Он ответил так — неясно:
«Долго ждать желанной встречи,
Встреча будет, но не скоро
И не здесь, на этом месте,
В царстве злого бога Мейка,
Где ты встретишь — я не знаю,
И не спрашивай ты больше,
Пензер большего не знает».

Дни за днями проходили,
Осень на зиму сменялась,
А зиму весна сменила,
Вслед за Тую белой ночью
Лето-Тои прилетало
На упругих, крепких крыльях

Стай крикливых журавлиных,
И потом, опять слезливо,
Как старуха у чувала,
Тихо осень подбиралась,
Увядали травы грустно,
Облетали снова листья
Золотых лесных нарядов.

Сколько дней — не знает Ючо —
Провела она тоскливо,
Ожидая мадур Вазу,
И однажды, в месяц третий,
В месяц падающих листьев,
Ючо вышла на тропинку,
Где последний раз прощалась
С женихом, железным хомом;
Здесь она остановилась
И задумалась долго.

Парка Ючо вместе с телом,
Как у вещего шамана,
Оставалась на тропинке,
А душа ее поднялась,
Связи с телом не теряя,
Высоко над темным лесом.
Долго там душа летала,
Как слепая, тайн не зная,
Тайн мудреных, тайн небесных,
И потом опять спустилась,

Не поведав о чудесном.
Сон иль лвь, не знала Ючо,
Долго ль длилось расставанье,
Далеко ль душа летала,
Не теряя связи с телом, —
Ничего она не знала,
Это знают лишь шаманы,
Жизнь проводшие в гаданьях,
Где же знать то было Ючо!

И когда она очнулась,
Вновь глазами стала видеть
Желтый лес, седую бусырь,
В даль ушедшую тропинку,
У ствола сырого кедра
Нэ-Ючо увидала
В старой парке, рваной парке,
Как крючок для рыбной ловли,
Старушонку-шаманиху
С бубном, посохом и в шапке.

«Здравствуй, бабушка! Откуда
Ты пришла сюда в ненастье?» —
Тут спросила в удивленьи
Ючо сянъгум-шаманиху.¹

«Здравствуй, дочка, здравствуй, Ючо, —
Отвечала ей старуха,
Ртом беззубым шепелявя, —

¹ Сянъгум — бабушка.

Я пришла тебя проведать,
Рассказать тебе большое,
Что ты знать давно хотела».
И, звеня шаманским бубном,
Опираясь на посох,
Подошла тогда старуха
К цветку жизни нээ-Ючо
И держала речь такую:

«Молодых глаза слезливы —
Значит, плачешь о далеком,
Значит, грусть владеет духом;
Кто ушел, сказав — вернется,
Может, тот и сдержит слово,
Кто сказал — его дождется,
Потеряет только время.
Я скажу тебе о прошлом:
Цветик жизни не увянет.
Я — старуха-шаманиха,
Я жила — не знаю сколько,
Но цветок родился прежде.
Если 6 годы сосчитала
Я однажды по лучинкам,
То сломала бы я много
Щепок тоненьких в лучинки.
Если ты бы сосчитала
Годы жизни, нээ-Ючо,
То большую очень кучу
Наломала бы лучинок.

Ты жила уж в царстве Мейка,
Я еще же не родилась.

Здесь ты старости не знала,
Ты не знала, что живущим,
Всем рожденным по-земному,
Смерть приходит неизменно;
Ты не бойся мрака ночи,
Ожидающей умерших,
Ты не бойся увяданья,
Ты умрешь цветком прекрасным
На заре весенней ночи,
Без икоты и страданья,
Ты умрешь, оставишь Мейка
И пойдешь путем знакомым,
По тропинке многоторной».

«Ах, оставь меня, старуха,
Злобный дух, губитель жизни, —
Тут вскричала громко Ючо, —
Не пугай меня ты смертью,
Я бессмертна в царстве Мейка.
Если ты незрячим оком
Видишь в будущем дороги,
Ты скажи мне, шаманиха:
Скоро ль Ваза возвратится,
Был ли он в далеком Царстве,
В Царстве Торыма-Владыки,
Где стучит теперь он нартой? —
Может, близко он, за лесом!»

«Он вернется в царство Мейка, —
Отвечала шаманиха, —
Он стоял перед Торымом,
Чтоб сорвать цветок прекрасный, —
Он вернется, храбрый мадур,
Волк большой, железный отер,
Но... его ты не дождешься, —
Ты умрешь, когда услышишь
Вазы голос в этом царстве».

«Уходи, колдунья злая,
Я твоим не верю сказкам,
Ты меня не испугаешь,
Если б даже в Царство Теней
Отлетели мысли Ючо,
И тогда б железный мадур
Отыскал меня среди духов,
Он тот путь найти сумел бы,
Путь далекий в Царство Торма, —
Оживит меня хатт-инком,¹
Хатта-нер'ем,² если надо.
Уходи, колдунья злая,
Уходи скорей отсюда,
Мейк увидит — будет худо,
Он тебя, как гнус,³ раздавит», —

¹ Хатт-ник — живая вода. ² Хатта-нер'ем — живой прут. ³ Гнус — сибирское название комаров, мошек, паутов и других насекомых, бича тундры и тайги.

Говорила с злобой Ючо,
И когда остановилась,
То увидела: старуха
Как сквозь землю провалилась...

С этих пор тяжелый камень
Лег на сердце нээ-Ючо,
С этих пор слова старухи
Из ума не выходили...
Грусть жены своей заметил
Ойка Мейка, дух коварный,
Он спросил ее тягуче:
«Мало ешь — скорбишь о чем-то,
Спишь тревожно — есть забота,
Вниз глаза — печаль на сердце...
Все я вижу дальним глазом,
Все я знаю — духом духа;
Отвечай, о чем забота,
Отвечай, — где корень скорби
Спрятан с тайною тревогой?»

Долго ждал ответа Ючо
Ойка Мейка, дух коварный,
А потом опять тягуче
Он с насмешкою промолвил:
«Вместе с горем и тревогой,
Как вьюнок на пне осины,
Робкая живет надежда,
И в твоих глазах печальных

Глазом духа я незримым
Вижу робкую надежду.
Отвечай мне, невых-Ючо,¹
В чем твоя живет надежда,
Отвечай, — где спрятан корень?»

Долго ждал ответа Ючо
Ойка Мейка, дух тревожный,
И опять спросил он невых
Строгим голосом, рычащим:
«Знаю день, когда парнишка
Отвязал моих оленей,
Утащил с упряжкой нарту,
Рядом с твердым следом парня
Видел я другой, неясный
Женский след, какой-то бабы.

Может быть, воришка кхонна
С бабой ездил для веселья,
Спрятав в маленький мешочек
Вместе с кремнем и огнивом.
Так, наверно, это было,
Так как бабы я не видел,
Был хотя я очень близко,
Чуть парнишку не сарканил,
Может быть, сейчас ответишь
Ты мне, старому шаману,
На вопрос последний, третий:
Чей был след, где эта баба?»

¹ Н е в ы х — жена.

«Слушай, Мейк, — сказала Ючо, —
На вопрос последний, третий —
Я задам тебе вопросы,
Может быть, тогда, Глубокий,
Скажешь мне: без слов понятно,
Я не требую ответов». —
«Хорошо, — сказал, краснея,
Ойка Мейка, дух коварный, —
Будем слушать сказки бабы,
Хоть и знаю, по закону
Ты должна ответить первой,
Не испытывая мужа».

«Первый мой вопрос, — сказала, —
Будет сделан по закону:
Если женится мужчина,
Он калым несет, тан-менен,¹
Так, скажи мне, по закону?» —
«Да», — ответил дух, нахмурясь.
«А второй вопрос, — сказала, —
Будет очень прост для духа.
Если мен'ен был не принят,
То куда идет от юрты
Сват, плохой жених печальный?» —
«Он идет домой, бедняга», —
Отвечал вторично Мейка.
«А теперь вопрос последний, —
Тут сказала гневно Ючо, —

¹ Тан-менен — то же, что калым,

Может дух закон нарушить,
А потом, его нарушив,
Быть судьей, как Шубный Старец?
В прошлый день далекой встречи
Ты меня увез на нарте,
На оленях златорогих,
Их стащил вогул-воришка,
Не спросив на то согласия».

Помолчав, ответил Мейка:
«Хитрость женщины — лисицы,
Это сказано разумно...
Помню я, судья лохматый,
Испугавшись гневных маньси,
«Смерть», — сказал и лапу поднял
В знак согласия с народом.
Дальше было б очень худо,
Если б я судьбе не плюнул
И не вызвал волка Лача
Для ответа пред народом,
А потом на быстрой нарте
Я увез тебя, не сватав,
В этот край, где вечно Тои,
Где заботы ты не знаешь,
Из большой, до верху полной
Чаши, вырезанной хитро
Из коричневого камня,
Мясо ешь оленей жирных...
Так ведь было дело, Ючо?

Мейк сказал одну лишь правду,
А теперь скажи мне прямо:
Прав я был, закон нарушив,
Без согласия взяв в жены
Девку смертную, вогулку, —
А жениться мог на равной».

«Мейк, — тогда сказала Ючо, —
Я скажу тебе всю правду.
Мне осталось жить не долго,
Так старуха мне сказала:
Много лет в твоём я царстве,
В царстве радостного Тои,
Я жила, забот не зная,
Но однажды мадур гордый,
Смел душой, с лицом открытым,
К нам пришел на быстрой нарте,
Чтоб твоих похитить кхонна
Вместе с нартою тяжелой.
Мадур взял у Ючо сердце,
Взял у ней навеки душу,
Обещая возвратиться
В царство Мейка, в царство Тои,
По пути из Царства Нумы, —
Я клялась ему дожждаться
Страшной клятвою вогулов:
Лапой Шубного Владыки
С длинными пятью когтями;
Я клялась ему при жизни,

Я клялась ему за гробом,
Если б весть пришла о смерти,
Смерти скорбной музыканта,
Отыскать его далеко —
В Царстве Теней под землею.
Много дней прошло в тревоге,
И ночей минуло много,
Я ждала, я сна не знала,
Но мадур не возвращался,
Не давал вестей мне верных
И не звал меня он — Ючо»...

«Ючо, Ючо! Цветик жизни!» —
Крикнул лес протяжным зовом,
Звонкий лай в лесу дробился,
Лес шумел, и старый филин
Вдруг стрелою в небо взвился
И оттуда громко крикнул:
«Мадур Ваза возвратился,
Музыкант забытых песен,
Мейк, а едет будто в гости,
На твоих оленях, старый...
Будет, будет бабу слушать,
Сказки бабы больно длинны,
Приготовься лучше к драке, —
Драка будет из-за бабы...
Мадур Ваза возвратился
Музыкант приехал, ойка!»

«Замолчи, слепая гнида, —
Отвечал сердито Мейка, —
Это знаю без тебя я,
Без слепой собаки, филин,
Ты скажи, где этот Ваза,
По какой дороге едет,
Скоро ль будет к Мейку в гости».

«Он сейчас уж перед юртой, —
Крикнул филин, опускаясь, —
Он приехал! Пайсе, Ваза!
Старый Мейк и пэр-Ючо
Ждут тебя давно уж в гости,
Все готовят угощенья.
Выходи скорее, рума,
Гость далекий, храбрый отер,
Отдохни с дороги дальней
В юрте Мейка на постелях».

Как листок на стебле длинном
В день осенний, непогодный,
Ючо часто задрожала
И, склоняясь перед Мейком, —
«Не убей его», — сказала.
Но не слышал Мейк признанья,
Он не видел даже Ючо;
В страшном гневе бог коварный
Весь налился черной кровью,
Он схватил рукой проворной

Со стены колчан с стрелами,
Взял тяжелый атта-кег'е,
Меч зазубренный злодея,
И, спеша, навстречу вышел
С диким криком: «Огеекейя!»

Мадур Ваза, улыбаясь,
Твердой медленной походкой
Подошел к злодею Мейку,
Весь сияя, словно месяц,
Месяц яркий в полнолуние,
Чешуей своей кольчуги,
Полотном из мелких колец,
И, подняв свой атта-кег'е —
Острый меч, Торымом данный,
Крикнул Мейку: «Защищайся,
Старый вор — лесной бродяга,
Поедатель стад оленных». —
«Эмас! Эмас! — Мейк ответил. —
Чебак тухлый с яя-Конды,
Ты получишь по заслугам
За оленей и за нарту». —
И, взмахнув мечом тяжелым,
С свистом ветер рассекая,
Мейк ударил по кольчуге,
Чешуе из медных колец,
Грудь одевших музыканта.
Меч скользнул, как лыжа с горки,
Без вреда для тела Вазы

И зарылся по крыжину
В землю твердую у юрты.
«Эмас! — крикнул ойка Мейка, —
Шуба крепкая надета
На твое пустое брюхо,
Но крепки и зубы кег'е,
Он прокусит эту парку,
Он твое добудет сердце,
В этом я уверен, парень,
Завыватель песен старых».

Меч его опять поднялся,
Как вода, теперь блистая,
В летний день в заботе тихой,
Так как ржава до крыжины
Пообчистилась о землю,
И с разбега повстречался
С атта-кег'е мадур Ваза.
Как две молнии блеснули
Красной пылью огневою,
Как два грома прогремели
Грозных двух мечей удары...
Бой начался, бой последний,
Между мадуром и ойкой;
Беспрерывным светом искры
От мечей бойцов могучих,
Как пожар лесной, горели;
Звон мечей, как буреломы
В день грозы и бури страшной,

В час, как ветер иступленный
Валит лапою тяжелой
Лес, как хрупкие былинки,
Разносился страшным стоном
Далеко по царству Мейка.
Как трясина на болоте,
Почва твердая, как камень,
Колебалась под ногами
Двух бойцов-врагов смертельных;
Лес с землею вместе зыбал,
Как камыш, роняя хвою,
Осыпая округ шишки.
Старый филин-смехотворец,
На высоком кедре сидя,
Трижды падал от трясенья,
Трижды снова поднимался,
Выбирая сук потолще,
Сук покрепче для сиденья.

Много раз бойцы сходились.
В этой страшной, грозной битве
Близко-близко, грудью к груди,
Много раз и расходились,
Отряхая пот кровавый,
Воду, смешанную с кровью,
На изрытую ногами
Землю, мягкую, как золу.

Длинный день пошел на убыль,
Солнце спряталось в низине,

И оттуда сумрак темный, —
Брат родной тревожной ночи, —
Вышел — путь сестре очистить...
Мало времени промчалось, —
Ночь сменила сумрак темный,
Юпсе¹ вышла на дорогу.
В дальнем небе, темном небе,
Солнца брат, веселый йенгпе,²
Вылез медленно из юрты
И пошел бродить по небу
Меж костров, по темным тропкам,
Между звезд, — сказали б люди;
Вон пастух звериной стаи
Шагом медленным проходит...
Бой не стих, бойцы дрались
С прежней силой, сея искры,
Грозно громом ударяя...
Бой не стих, и темной ночью
Два бойца — две черных тени —
Продолжали схватку-битву
Так же злобно до рассвета.
И уж солнце ночь сменило,
В чум ушел веселый йенгпе, —
Битва так же продолжалась.

Ровно в полдень, оступившись,
В первый раз споткнулся Мейка,
В первый раз беду почуял

¹ Юпсе — тьма. ² Йенгпе — месяц.

Старый волк, таежный хищник.
«Плохо, — мрачно думал ойка, —
Силы старые уходят,
Далеко моя победа».
И тогда он, повернувшись,
Прыгнул прямо на верхушку
Кедра старого над юртой.
Там он вынул лук и стрелы,
Привязав к руке дощечку,
Чтоб струна ее не била.
Натянул свой лук упругий
И послал стрелу-певунью
Прямо в сердце музыканта.

Стукнул томар о кольчугу,
Чешую из мелких колец,
Отскочил и пал на землю
Без вреда для музыканта.
Этим временем проворно
Вновь послал стрелу-певунью
С острым шилом на головке
Старый ойка — вор олений,
И опять стрела упала,
В землю твердую воткнувшись.
Рассердился мадур Ваза,
Весь налился красной кровью,
И, порвав ремни у содып,
Бросил ими с страшной силой
Он в трусливого злодея.

Завизжал, завыл на кедре,
Извиваясь словно змеи,
Ойка Мейка, враг олений,
И такое молвил слово
Он мадуру-музыканту:
«Подожди, довольно драться,
Можно миром дело кончить.
Бабу надо, кхонна, нарту, —
Все бери и убирайся,
Не тревожь мою ты старость». —
«Нет, — сказал на это мадур, —
Мир плохой с тобой, злодеем,
Лучше снова будем драться,
Будем драться до могилы».

«Нет, — ответил ойка Мейка, —
Если Торм, большое брюхо,
Старый Торм, глупец ленивый,
В много раз тебя хитрее,
Не сумел меня принизить,
То тебе такое дело
Будет сразу не по силам,
Ты еще теленок малый
Против Мейка-великана...
У тебя не мало силы,
Много дел ты храбрых сделал,
Но еще их очень мало,
Чтоб со мною потягаться,
Чтоб тебе со мной сравняться

В силе грозных колдований.
Слушай, мадур, слушай, рума,
Что тебе откроет ойка,
Что тебе сейчас расскажет
Дух великий о Торыме».

Но не слушал больше Ваза
Речи хитрые злодея,
Он схватил свой меч упругий,
Стрелы-томар боевые,
И послал он в сердце Мейку,
Прямо в сердце, чуть прицелясь,
Томар-леп¹ с железной вилкой.

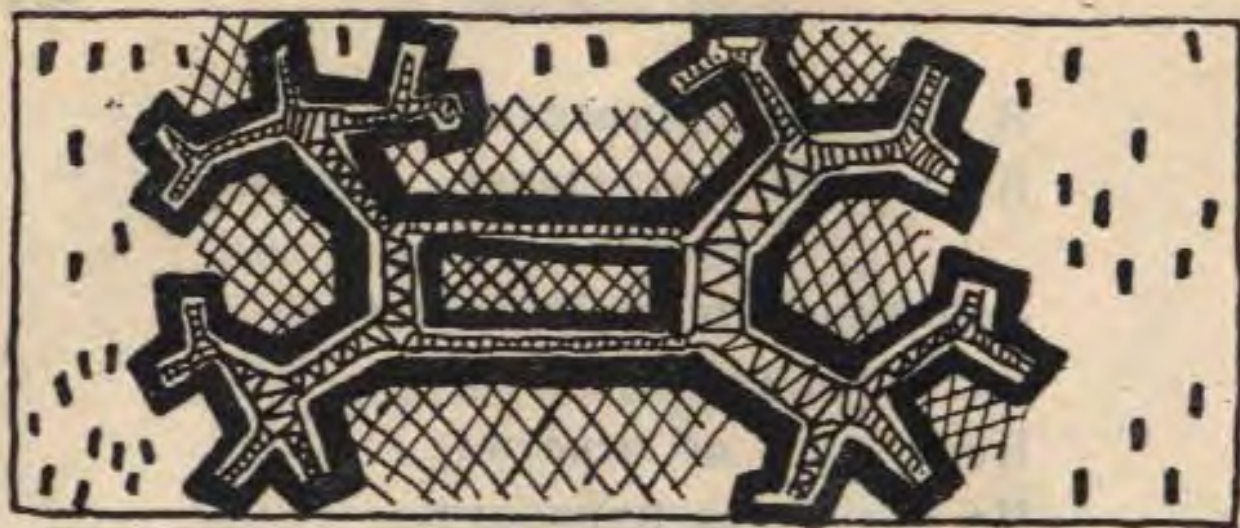
Вскрикнул громко старый ойка
От стрелы-певуньи — томар,
Ойка в сердце поразившей,
Рухнул он с верхушки кедра,
Как глухарь, ломая сучья,
Наземь пал к ногам мадура.
В тот же миг меча ударом
Ваза на́двое рукою
Разрубил его могучей
И, не глядя, повернулся,
Громким голосом промолвил:
«Торм, Отец наш, Нума грозный!

¹ Стрелы — то мар — бывают с наконечником разнообразных форм: во лы п-нот — беличья стрела; леп-то мар — с наконечником в виде вилки; пу с-то мар — с наконечником лопаткой, и т. д.

Я свое исполнил слово,
Я сдержал всю клятву, Дальний!»

Промолчал далекий Торым
На слова героя Вазы,
Ничего он не ответил,
Не дал знака никакого.

Ваза трижды тихо свистнул —
Кликнул белую Снежинку,
А потом воскликнул громко:
«Ючо, Ючо! Цветик жизни!
Отзовись на зов мадура,
Выходи скорей навстречу,
Сват, жених твой, возвратился!»

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ
СМЕРТЬ ЮЧО

«Котлег Ючо! Сальпить Ючо!»¹ —
Крикнул голосом печали
Мадур Ваза — карт-иевра,
И, не знавший раньше страха,
Таран вет хут вет уэйдем,²
Не однажды лик выдавший
Таран лик, огня и меди,
Лик той рыбы бессловесной,
Входит в юрту, озираясь,
Полный страха и сомненья,
Полный жутких ожиданий,
За судьбой своей невесты.

¹ Сальпить — Большая Медведица. ² «Таран вет хут вет уэйдем» — буквальный перевод: видевший лицо Таран и лицо рыбы; в данном случае это выражение, взятое из старых вогульско-остяцких былин, употребляется в том смысле, что Ваза был как в Царстве Мертвых, так и в Царстве Торыма, что дает ему власть над огнем и водой, т. е. над стихийными силами, и делает его могущественнейшим не только среди людей, но и богов.

«Сальпить Ючо! Цветик жизни!» —
Молвил тише мадур Ваза,
Мадур Ваза — карт-иевра,
И рукой дрожащей олып
Поднял тихо сап ¹ суконный...
Чуть дыша, белее снега,
На постелях соболиных,
Как подраненная лёгын,
Косы черные раскинув,
Перед ним лежала Ючо,
Перед ним была невеста.
«Ючо, Ючо, — снова молвил
Мадур тише и печальней,
Мадур Ваза — карт-иевра: —
Отзовись, скажи мне слово,
Что с тобою, цветик жизни,
Пробудись, моя невеста».
И прошло такое время,
Что над пламенем яный-пут
Стал бы пуст и растопился.
Снова слово молвил Ваза,
Мадур Ваза — карт-иевра,
Тихим голосом печали:

«Хос-хот, хос-хот ² крылья птицы,
Птицы черной многокрылой,

¹ Сап — занавес, за который в древнее время скрывались женщины при появлении посторонних мужчин.

² Хос-хот, геге — неперевоаемые слова, употребляемые при заклинаниях для вызова духов.

Птицы вещей и крикливой,
 С острыми семью когтями;
 Геге, геге — лапа зверя,
 Шубного Отца Медведя
 С острыми пятью когтями,
 Пуспанк-кэр¹ перекусит
 Много жил оленных — септы.²
 Семь шаманов на дороге,
 Оживите мою Ючо».

И прошло такое время,
 Чтоб запрячь оленей тройку,
 Починить большую нарту,
 Много дел иных поделать, —
 Нээ-Ючо все лежала,
 Как подстреленная лёгын,
 Косы черные раскинув,
 На тропинке в Царство Теней.
 И тогда немного громче
 Молвил слово заклинаний
 Мадур Ваза — карт-иевра:
 «Торый,³ Тёхт,⁴ мое вам слово
 К вам идет из этой юрты,
 Вы должны его услышать!

¹ Пуспанк-кэр — железный зуб. ² Септ — нитка для шитья, скрученная из оленьих жил. ³ Торый — журавль, в данном случае подразумевается могущественный дух в образе журавля. ⁴ Тёхт — глухарь.

Торый, төхт, то мадур Ваза
Говорит, как равный, с вами.
Таран вет хут вет уэйдём,
Я прошу — скорее дайте
Хатта-инк, живую воду, —
Моя Ючо умирает,
Я прошу скорее бросить
Хатта-нер'ем — прут живящий
Мен'ен Ючо в Петлим-емдер».

И еще умчалось время,
Ночь вошла уж в юрту Мейка,
Старый филин видеть начал,
Торый, төхт не отвечали,
Торый, төхт не отзывались
На слова мадура Вазы.

И тогда, пылая гневом,
Громким голосом звенящим
Крикнул Ваза испугленно:
«Торм, я требую ответа!
Торм, меня ты должен слышать,
Отвечай скорее, Нума!»

И в ответ на зов к Торыму
От конца в конец вздрогнула
Земля кожистая — маа,
Как на гребне волн шумящих
Дрожит маленькая ветка,

Грянул гром, поднялся ветер,
И великий Торм ответил
Строгим голосом мадуру:
«Что кричишь ты, ойка Ваза,
Как ребенок без игрушки,
Как ты смеешь беспокоить
Сладкий сон владыки Нума?»

«Стой, Великий, — гневно крикнул,
Не дослушав речи, мадур, —
Не теряй ты слов напрасно, —
Я — мадур из рода маньси,
Музыкант — игрок на гусе,
Так давно сменявший хотанг¹
На железный атта-кег'е.
Я, мадур из рода маньси,
С берегов речушки Ксенты,
Говорю тебе, как брату,
Оживи мне мен'ен Ючо.

Кто убил злодея Мейка, —
Так добавил дальше Ваза, —
Кто в далеком Царстве Торма
Пенегезе уничтожил,
Кто в равнине Йаран-целек,
В белом крае самоедов,
Умертвил Иура-зверя,

¹ Х о т а н г — музыкальный инструмент, похожий на гус.

Кто спустился в Петлим-емдер,
В царство Веса-великана,
Кто добыл рога большие
Быка страшного Мухора, —
Это сделал мадур Ваза,
Музыкант забытых песен,
И за это мне в награду
Лишь одно мне дай, Великий,
Жизнь для мертвой нэ-Ючо,
Жизнь моей невесте, мен'ен».

И ответил грозно Торым,
Так сказал герою Нума:
«Все мне подвиги героя
Хорошо давно известны,
Не ослабла память Нумы,
И за это ты, Счастливый,
Получил свою награду, —
Ты стал равен ойке-духу;
Твой народ, забытый всеми,
Твой народ, уже умерший,
Получил свою награду,
Получил свое спасенье.
И теперь над мертвой бабой
Ты, недавний победитель
Злого бога ойки Мейка,
Плачешь горькими слезами,
Просишь, сам чего не зная.
Слушай дальше, мадур Ваза,

Речь моя к концу подходит, —
Кто убил красотку Ючо,
Кто разрушил чары Мейка,
Вместе с тем и жизнь невесты?
Ты все сделал, длиннорукий, —
Ты убил злодея Мейка,
Вместе с ним и мен'ен Ючо
Умертвил своей рукою.
Так зачем теперь ты плачешь,
Как ребенок над игрушкой,
И словами ты пустыми
Вышних отдых нарушаешь?»

Не сдержался мадур Ваза,
Не дослушал он ответа
Нумы, Торыма-Владыки,
И, дрожа, он гневно крикнул:
«Старый пес, лисица неба,
Я отказываюсь ныне
От награды быть бессмертным,
Быть послушным, как собака,
Называться отер-ойка
В этом царстве, старый лодырь;
Я желаю только смерти,
Я желаю только встречи
В Царстве Теней, в Царстве Мертвых,
Где живут умерших души,
Встречи с верною невестой.
Ныне громко странам света

Я кричу, пусть каждый слышит:
Отрекаюсь! Отрекаюсь!»

И на эти речи Торым
Гневно мадуру ответил:
«Ты отрекся! Ты отрекся!
Это слышали все духи,
Все четыре края света,
Ты отрекся от награды —
Ты отрекся от награды
Ради старой, дряхлой бабы.
Пусть так будет, пусть так будет!»

И когда вновь на колени
Опустился перед Ючо
Мадур Ваза со слезами,
То сейчас же вновь поднялся
Для ответа он Торыму
И, как лес, протяжно крикнул:
«Отрекаюсь! Отрекаюсь!
В этот миг, подобный шагу,
От всего, к чему стремился,
Я клянусь и обещаюсь
Лапой Шубного Медведя
Возвратить с тропинки мертвых
Мою мен'ен, мою Ючо,
А пока мне данный Нумой
Меч железный, атта-кег'е,

Меч героя двухсторонний,
Будет спать в тяжелых содыц».

И когда вновь на колени
Опустился перед Ючо
Мадур Ваза со слезами,
Перед ним была не Ючо,
Не невеста его, мен'ен, —
Перед ним была старуха
Древних лет, с сухою кожей,
С темной кожей землистой...
Мадур Ваза не поверил,
Что цветок его прекрасный,
Милая его невеста
Вдруг в старуху превратилась.
Ваза думал: ойка Нума
Подменил его невесту
Старой, дряхлою старухой
В наказанье за обиды.

Но когда увидел косы,
Смоляные косы Ючо,
Он промолвил, как в забытьи:
«Это Ючо, это мен'ен...
Чары Мейка я разрушил,
Разрушая царство Мейки,
Я убил свою невесту,
Превратив ее в старуху».
И потом он думал молча:
«Дальний путь пройден без цели,

Путь тяжелых испытаний...
Нет мне радости в грядущем,
Нет надежды в этом сердце,
Я пойду теперь за Ючо».

«Мадур Ваза, скорбный мадур, —
Вдруг промолвил за спиною
Старый ойка-незнакомец, —
Много лун с тех пор минуло,
Как в той юрточке над Ксентой,
Темной ночью мы сошлись,
Темной ночью говорили.
Помнишь, Ваза, семь лучинок,
Стебельки травы сушеной,
Камень белый, твердый камень,
Превратившийся в сороку.
Помнишь, Ваза, незнакомца,
Старика из темной ночи?

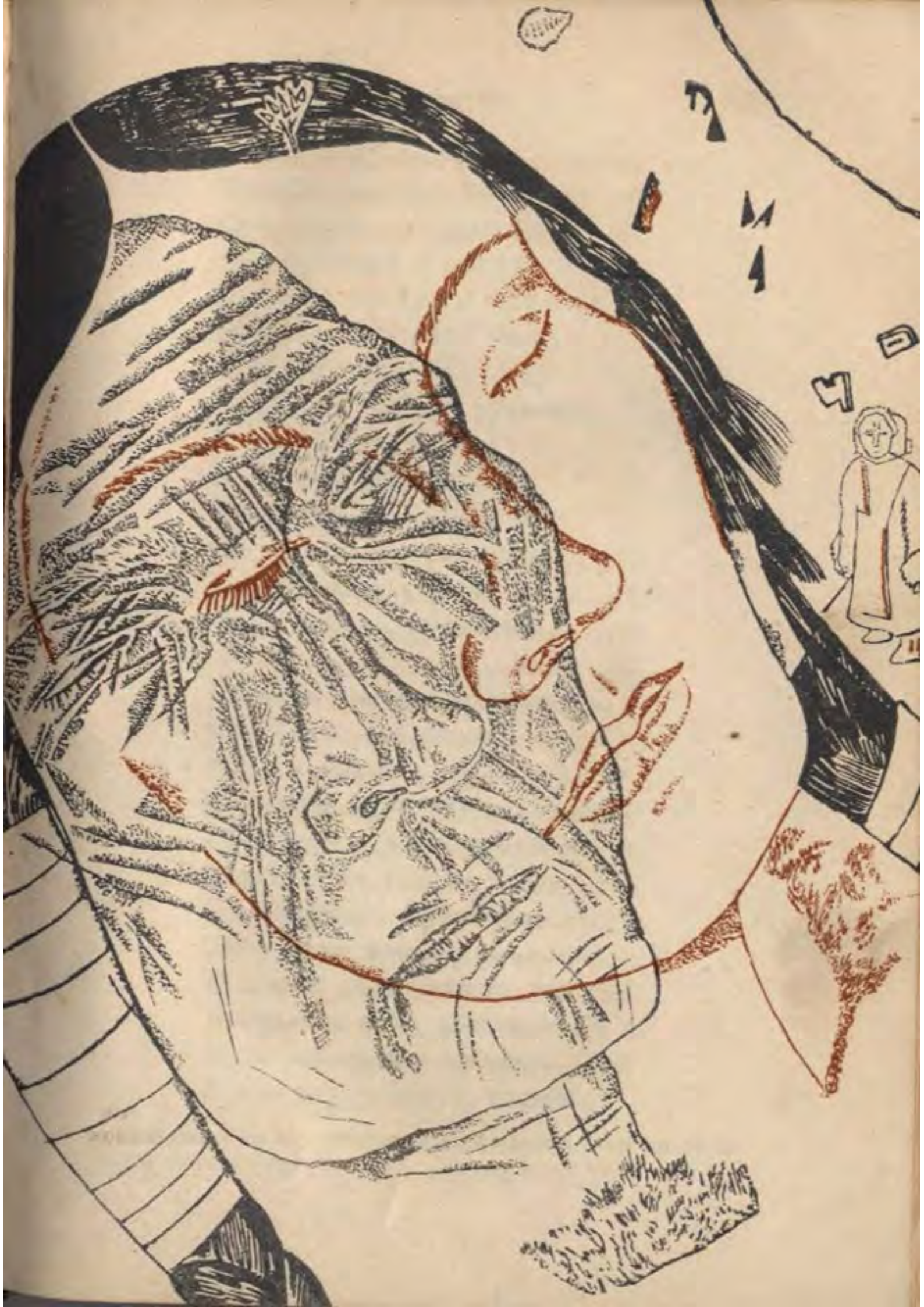
Знаю я, ты это помнишь, —
Так продолжил дальше старец, —
Тою ночью на распутьи
Убегающих тропинок
Ты стоял в раздумьи грустном,
Ты печалился о маньси,
О родном своем народе,
Ты желал ему свободы...
А теперь ты полон скорби,
Совершив свой путь далекий,

Вновь стоишь перед дорогой,
Но куда — ответь мне, Ваза,
Не обратно ль, длиннорукий?»

Старец кончил, молвил Ваза:
«Мудрый старец, ойка рума,
Часто в мыслях, вспоминая,
Я тебя, вогул безродный,
Звал отцом своим родимым...
Я не знаю, ты откуда
Вновь пришел меня утешить».

«Я пришел тебе напомнить, —
Так поправил старец Вазу, —
Путь далекий ты закончил,
Ты принес с собой надежду
Для народов позабытых,
А поэтому ты помни —
Нет пути тебе за Ючо,
Ты в своей не властен смерти.
Погреби скорее тело,
Положи его в колоду,
Закопай глубоко в землю,
Мыга-хат ¹ — построй над Ючо,
Из большого кедра сделай
Анкет-вош ² с резьбой узорной,
Чтобы видели все люди,

¹ Мыга-хат — землянка, земляной дом. ² Анкет-вош — столб, обозначающий что-либо, в данном случае место могилы.

Чтобы люди поминали
Нээ-Ючо, мен'ен Вазы.
Сам возьми ты в руки кег'е,
Меч тяжелый в тяжких содып,
И надень на грудь кольчугу,
Полотно из мелких колец,
А потом подай мне руку
В длинной черной рукавице,
Руку сильную героя,
И неезженной тропюю,
На оленях быстроногих
По паулам маньси ездить,
Ездить будем неустанно
Мы с тобою, победитель.

Громким голосом обвалов,
Крутояров над рекою,
Робким людям в драных шубах
В темных юрточках мы скажем:
«Вот теперь настало время
Зарубить на старой тамге
Семь насечек неглубоких!
Вот теперь настало время
К старой тамге наших дедов
Приклеить перо орлана ¹
И ее без страха вставить
В лук упругий, лук, клеенный

¹ Боевое перо, которое прикрепляется для правильности полета стрелы.

Из семи пород деревьев,
Что растут в урманах наших».

«Нет, — ответил грустно Ваза, —
Нет, старик, я полон скорби,
Я бессилен, как ребенок,
Этот путь мне не по силам...
Ты ответь, скажи мне, старец,
Разве солнце остановишь,
Как оленя в быстром беге?
Разве Ас'я ты запрудишь
И заставишь течь обратно?
Ты скажи мне, — миг короткий,
Миг ушедший возвратится?
Нет, — ты скажешь мне на это,
И на это я отвечу,
Мой родитель не по крови!

Наши боги вместе с Тормом
Обманули бедных маньси,
Наши боги вместе с Нумом
Пред лицом судьбы народа
Оказались бессильны.
Моя Ючо недвижима,
Моя Ючо не проснется
От последних сновидений...
Я просил Отца Торыма,
Я кричал ему на небо.
Эти крики человека

Ты ведь слышал, добрый ойка,
Ты ведь слышал, — я отрекся,
И теперь я отрекаюсь».

После этих слов мадура
Долго длилось молчанье,
Наконец его нарушил,
Обратясь с такою речью,
Старец древний, заклинатель:
«Дай мне руку, сын мой Ваза,
Руку сильную героя,
В длинной кожаной перчатке,
Нам не нужен атта-кег'е,
Меч героя в тяжких содып,
Закопай свою кольчугу,
Полотно из мелких колец,
Закопай и острый кег'е
Вместе с ножнами поглубже,
Путь далек, но мы вернемся,
Мы найдем живую воду,
Прут живящий мы отыщем».

Рано утром старый ойка
Вместе с мадуром печальным
Схоронили мен'ен Ючо,
Меч тяжелый в медных содып
И кольчугу от Торыма
На горе под старым кедром,
И ушли. Куда? — Не знаем!

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

В дымном чуме молчаливо,
Брови длинные нахмутив,
Кукса, старший из шаманов,
Восседал в шаманской шапке,
С длинным посохом для духов,
И кругом на драных шкурах,
Тихой заняты беседой,
Маньси Ксенты окружали
Старика в железной шапке,¹
С длинным посохом для духов.

Камелек трещал, бросая
Искры яркие, как мухи,
Ударяя тихо нялы²
Над огнем священным таут,

¹ Железная шапка — т. е. шаманская шапка, сделанная из железных обручей, наподобие короны.

² Нялы — колотушка.

Горбун Тарни¹ с лицом ойки,
Ученик послушный Куксы,
Сам, как ойк лицом, горбатый,
Нагревал привычно Тарни
Вещий пензер дальноокий
Перед песнею шамана.

И огонь священный таут,
В шкуру пензера вливаясь,
Стрекотал кобылкой² малой,
И ответ держала нялы
Громче, голосом совиным,
А кругом, позади чума, —
На земле вогулов Ксенты
Ночь беззвездная бродила
Без Кичиг,³ луны, без света.

«Барабан подай скорее,
О, подай скорее нялы! —
Крикнул Кукса, поднимаясь
С громким звоном на одежде.⁴

¹ Эта картина требует некоторого объяснения. Ученик, или помощник Куксы — горбун Тарни — перед огнем (таут) нагревает кожу шаманского барабана. Обыкновенно шаманы перед гаданием или сами или их помощники нагревают кожу на барабане. От действия огня она приобретает большую звучность, а во время нагревания издает звуки. На барабанах, как и на одеждах шаманов, бывают навешаны различные изображения, вырезанные из меди, железа, жести, и колокольцы. ² К о б ы л к а — сибирское название насекомого. ³ К и ч и г и — сибирское название Большой Медведицы, очень употребительное на обском севере. ⁴ Т. е. звеня железом и бубенцами шаманского одеяния.

Барабан подай скорее!»
И тотчас горбатый Тарни
Подад пензер ойке Куксе,
Подад нялы он шаману,
Отошел потом в сторонку,
Где сидел старик Матоди.
В горле Куксы клокотало:
Песня выхода просила,
Нялы тихо застучала —
Слышно было лишь железо.¹
Но не слышно было шкуры,
Шкуры дикого оленя
На шаманском барабане...
Нялы громко застучала,
Ей ответило железо.
Бум, бум! — пензер зашаманил.
Бум, бум! — он ответил нялы.

«Мы людей не знали русских,
Людей с черной бородою,
Людей с рыжими усами,
Мы людей не знали русских...
Мы собак не знали пестрых,
Собак пестрых, вислоухих,

¹ Шаманы виртуозно играли на своих барабанах. Первые удары Куксы, скользящие и легкие, вызвали только звон металлических предметов на барабане: «Слышно было лишь железо»; от следующих ударов уже звучала шкура и вместе с тем металлические предметы на барабане.

Мы не знали красной гостыи,
Старой бешеной старухи,
Мы не знали русской оспы», —
Так пропел начало Кукса.

«Старой бешеной старухи
Мы не знали», — хор ответил.
«Мы забыли это время,
Это время мы забыли,
И теперь все наши жены
Нас рожают слишком слабых,
Как щенят седьмых, последних,
Сукой старою рожденных,
Слишком слабых для охоты».

«Слишком слабых для охоты», —
Маньси хором повторили.
«Топоры звенят по лесу,
Место хлебу очищают...
Вижу зарево пожаров,
Гарью пахнет, ночь настала,
Дым застлал, как тучей, небо,
Белка, соболь, горностаи
Из урманов убегают...
Это русские для хлеба
Землю нашу очищают». —

«Землю нашу очищают», —
Повторили маньси Ксенты.
«Больше тучи комариной

На ходах звериных вижу
В землях наших русских хомов.
Белку бьют они из ружей,
Ловят охсыра капканом,
Волка травят белым ядом.¹
Вижу русских много, много
На глухих лесных дорогах».

«Русских много, очень много
На глухих лесных дорогах», —
Повторили все вогулы...
«Вижу лодки я на реках,
Что без весел, с черным дымом
Пробегают наши плесы,
Рыб пугают, словно звери,
Ночью ревом нас тревожат,
С каждым годом все их больше
Вниз бежит и вверх проходит».²

«С каждым годом все их больше
Вниз бежит и вверх проходит», —
Повторили все вогулы.
«На песках до речки Щучьей,
Что в Губу течет далеко,
Люди русские засели,
Взяли рыбу, нашу рыбу,
Толстяки-купцы с Тобола,

¹ Белый яд — стрихнин. ² Низ, верх — на Оби употребляются в смысле низовья и верховья реки.

Нам оставили лишь кости,
Чешую нам подарили.
Мы теперь для русских гости,
Парни глупые с рыбалок,
Должники мы их навеки,
Их работники до смерти».

«Должники мы их навеки,
Их работники до смерти», —
Вновь вогулы повторили.
«Через горы днем и ночью
С Ижмы хитрые зыряне
Коми-морт приходят в Маа,
Занимают наши земли,
Наши пастбища оленье,
Жгут леса и топчут ягель,
Нежный ягель — корм оленей».

Замолчал печально Кукса,
Низко голову склонивши,
Зарыдал горбатый Тарни,
Барабан умолк шаманский,
Не стучала больше нялы,
И уныло Ксенты-маньси
С тихой грустью замолчали...
Так прошло мгновений много:
Мог олень два вдоха сделать.¹

¹ Вогулы иногда считают расстояние на «вдох оленя», т. е. то расстояние, которое пробегает олень, набрав воздуха, до того, чтобы снова передохнуть.

И опять раздалась песня,
 Песня Куксы о живущих,
 О народе малом маньси.
 «Не печальтесь, люди-маньси,
 Мой народ, родные братья,
 Марх-пол ¹ создал Нума-Торым,
 Имчи-пёл ² он дал для пищи
 Первым людям в нашей Маа.
 Ешьте ягоды, их много,
 Людям русским их не надо.
 Пусть охотники не тешут,
 Не втыкают кольев длинных,
 Где они убили лося, ³
 Пусть охотники не режут
 На коре корявых кедров
 Выдру, соболя, медведя —
 В знак того, что здесь охотник
 Скараулил у речушки
 Выход выдры у полыньи,
 В знак того, что здесь охотник
 Добыл соболя на кедре

¹ М а р х - п о л — морошка; по вогульскому представлению о сотворении мира, Торым создал эти ягоды для пищи первых людей. Здесь в словах Куксы скрыта протия. ² И м ч и - п ё л — малина. ³ Вогулы нередко оставляют приметы (знаки) там, где они добыли зверя; например, добычу лося отмечают шестом, воткнутым в землю; убитых выдру, медведя, лису, соболя и т. д. отмечают изображением их на коре деревьев. Делают также зарубки, означающие число прошедших охотников, направление и пр.

И убил отца-медведя
На мирской большой дороге.
Мы теперь ведь не вогулы,
Разве нас узнает ойка,
Старый ойка, древний ойка,
Если б встал он из колоды ¹
И пришел бы этой ночью
К нам сюда неторопливо?
Он спросил бы: «Что за чашки
Вы на голову надели,
Кто вам сшил рубахи ваши,
Разве бабы позабыли
Шить вогульские узоры:
Ханды-ханчъ ² — тетеревиный,
Много требующий ниток,
Кирэм-ханчъ ³ — узор немудрый,
Можно в сутки вышить пару,
И узор другой старинный,
Савэм-ханчъ ⁴ мы называли,
Где мы с гусем и медведем
Осетра изображали».

«Вижу я, — сказал бы ойка, —
Ваши бабы нитки портят,
Что здесь вышили на брюхе,

¹ Колода — долбленный из целого ствола лиственничны греб. ² Ханды-ханчъ — вышивка, изображающая тетерева. ³ Кирэм-ханчъ — простой рисунок вышивки. ⁴ Савэм-ханчъ — старинный символический рисунок.

Как зовут узоры эти?»
И тогда бы отвечали
Старику времен минувших:
«Это русские узоры,
Руты-ханчъ ¹ — узор зовется,
Ты не знаешь их, Старинный,
Мы у русских переняли
Эту вышивку недавно».

«Эмас, эмас, — ойка скажет, —
Нынче понял, в чем тут дело,
А теперь еще скажите,
Где вы, где вы, сыровати, ²
Кэвен-перна, ³ косоцветка
Из тяжелых бус прозрачных, —
Ухчунде ⁴ их называли?» —
«Их теперь не носят ойка, —
Мы ему бы отвечали, —
Нет теперь уж тех нарядов,
Что ты знаешь, Замогильный,
В нашей жизни перемена,
Мы теперь не понимаем
Многих слов из тернинг-ери,
Песен старых, позабытых,
Мы теперь уж не городим

¹ Р у т ы - х а н ч ь — русский узор. ² С ы р о в а т ь — женская повязка из бисера. ³ К э в е н - п е р н а — нагрудное женское украшение. ⁴ У х ч у н д е — косоцветка из бус.

На увалах круг паулов
Частоколы из деревьев,
Ситтан-вож ¹ — их называли,
Мы теперь свинцовой пулей
Из железного пёскин'а ²
Бьем и соболя и белку,
И лисицу и медведя,
Леп-томар — подобье вилки,
Пус-томар — стрела-лопатка
Нам теперь не нужны больше —
Это детская забава.
Мы пьем чай, уш-йинк ³ забыли,
Вместо понха-мухомора
Водку пьем с печатью царской,
Носим плис, кумач и ситец
И играем на гармошке
Вместо хотанга и нир.
Пляшем мы теперь по-русски,
А не топчемся на месте,
Как то делает, токуя,
Птица глупая тетеря».

«Эмас-эмас, — скажет ойка, —
Вижу, много перемены
В вашей жизни наступило,
Ну, теперь опять прощайте,
Я пойду в свою колоду,

¹ Ситтан-вож — частокол, крепость. ² Пёскин — ружье. ³ Уш-йинк — навар березового нароста.

Мне там лучше, старикашке». И
И тихонько старый ойка
Вновь в могилу уплетется.
Эта песня без начала,
Я не знаю окончания
Этой песни, маньси Ксенты.
Барабан не скажет ночью,
Не ответят на вопросы,
Что в грядущем ожидает,
Духи, вызванные мною.
Эта песня о живущих,
Я не знаю ей начала,
Эта песня о прошедшем,
Что потеряно навеки,
Нет конца у этой песни».

ПЕСНЯ ДВАДЦАТАЯ

(Заключение)

ОЖИДАНИЕ ВАЗЫ

Кто-то в двери постучался,
На кого-то лают ампы,
Снег скрипит, и вьюжный ветер
Забивает дым в чувале.

«Эй, вставай скорей, хозяин,
Поднимись скорей, хозяйка,
Отвори же гостю двери,
Гостю позднему, ночному,
Он устал с дороги дальней,
Он давно проголодался
И промерз от непогоды,

Может быть, за дверью в юрту
Ваза входа ожидает.

Ты не знаешь ведь, хозяин,
Ты не ведаешь, хозяин,
Что на тройке быстроногих,

Вместе с Ючо черноокой,
Вместе с счастьем для вогулов
Ваза ждет тебя, ленивый!
И ты, первый из народа,
В юрту дымную, к чувалу
Проведешь мадура, Ючо,
Лайку белую, Снежинку;
И ты, первый из народа,
Поклонившись музыканту,
Скажешь с радостью сердечной:
«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель».

Кто на тройке быстроногих,
Тучи снега поднимая
Нартой, сделанною крепко,
Мчится ветром мне навстречу?
Кто поет, я слов не слышу,
Слов далеких не пойму я,
Вот он ближе, вижу ампу,
Лайку белую, и лица,
Парки, шитые узором.
Кто спешит ко мне навстречу,
Кто чужой здесь проезжает?

Может быть, то Ваза-мадур,
Хатта-инк и хатта-нер'ем
Отыскав в стране далекой,
Оживив невесту Ючо,

Вместе с ней и со свободой,
На оленях быстроногих
Держит путь в паулы Ксенты,
Под мехами спрятан кег'е —
Меч тяжелый и кольчуга —
Полотно из мелких колец,
Впереди бежит Снежинка,
Лайка белая мадура.

Нет, не Ваза, путник дальний,
Бравый парень едет с бабой,
Погостить он едет к тестю.
Не везет он в нарте кег'е,
Не везет с собой свободы,
Но когда-нибудь в дороге
Встречу я мадура Вазу,
И тогда я крикну громко:
«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель!»

«Старый ойка, ты не слышишь, —
Крикнул внучек деду в ухо, —
Вон, смотри, там на приплеске,
Где с тобой нашли мы кости
Мухор-онгет, словно камень,
Вон, смотри, там на приплеске,
Вон под самым красным яром
Кто-то машет рукавицей
И кричит: скорее лодку!»

«Лодку? Врешь же ты, мальчишка,
Там дороги нет и птице,
А ты видишь человека.
Ты скажи, откуда взялся
Тот, кто машет рукавицей,
Не из яра же он вылез,
Не слетел он легкой птицей
На приплесок прямо с яра», —
Так ответил ойка внуку.

«Ой, не вру я, старый ойка,
Ясно вижу: их там двое,
Вон он машет рукавицей,
Баба села на корягу,
На приплеске собачонка», —
Повторил парнишка деду
И потом опять добавил:
«Много раз ты, старый ойка,
Говорил мне: мадур Ваза
Оживит невесту Ючо,
Он найдет живую воду
В темном царстве Петлим-емдер
И вернется вновь оттуда
Через ход подземный, темный,
Ход Мухора-великана.
Не вернулся ль это Ваза,
Не сидит ли на коряге
Ючо — белая березка,
И не бегает ли лайка,

Лайка белая, Снежинка,
Там под яром, на приплеске?»

«Ну, смотри, — ответил ойка, —
Если врешь ты, будешь битым,
Спустим лодку и поедem»...

В этот вечер в чуме темном
Так сказал парнишке ойка:

«А когда-нибудь с тобою
Мы увидим все же Вазу,
Может быть, меня не будет,

Я умру, в колоду лягу,
Пожил ладно я на свете,

А тебе случится видеть,
Так скажи ему от деда:

«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель».

Много лет на устье Сосьвы,
Сор ¹ где длинный протянулся,

На увале, в темных кедрах,
Есть избушка и амбарчик,

На столбах стоит амбарчик,
А избушка на подпорках.

От реки к избушке прямо

Проторенная дорожка

Круглый год чернеет змейкой.

¹ Сор — низкий, поросший кустарниками берег, обычно затопляемый весенней водой.

На приплеске, где коряги,
Словно пальцы великанов,
В ил речной впились глубоко,
Есть там морды, гимги,¹ сети,
Дальше виден через реку
Крепко сделанный заездок,²
Лодка с острою кормою.
Если путник темной ночью
Едет речкой мимо сора,
Он увидит на увале
Огонек, дрожащий в кедрах;
И потом себе он скажет:
«Огонек, я вижу близко, —
Значит, близко есть и люди,
Я не буду торопиться:
Ночь июльская недолга,
Высекать огонь не стоит,
Зажигать костер — работа,
Пут-поот дорожный, малый,
Не обгонит скипяченный,
А наверно эти люди
Уж давно там скипятили.
Лучше будет — я пристану,
Разомну язык и ноги,
Отдохну, а рано утром
Снова выеду в дорогу».

¹ Морды, гимги — плетеные из прутьев рыболовные снаряды. ² Заездок — перегородка через всю реку; в отверстия ее ловится рыба посредством гимг и т. д.

Если путник здесь пристанет,
Лодку вытащит на берег
И пойдет на огонечек,
То придет к избушке деда —
Ойки, старого вогула,
Поп зовет его «Петрушка»,
Так крестил его он в речке,
Под таким же он названьем
Платит в царскую казенку ¹
Ясак-подать и поминки,
Много, много всяких сборов,
Все он старый не упомнит, —
Это знает только писарь.
А вогулы рыболова,
Старика на устье Сосьвы,
Называют не «Петрушкой»,
А «Налимьим барабаном»
И Кутонею-шаманом.
Темной ночью он расскажет,
Если путник пожелает,
Что написано здесь в книге,
Названа она мной: «Тундра» —
«Янгал-маа» — то же значит.

¹ К а з е н к а — казна; далее перечисляются царские налоги: ясак — подать, поминки — подарки начальству, попу и т. д.; по неграмотности вогулы плохо разбирались в этих налогах, для чего нанимали писарей, которые обычно их немилосердно эксплуатировали и обманывали.

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

МАДУР ВАЗА ПОБЕДИТЕЛЬ

*Вольная обработка
поэмы М. Плотникова
«Янгал-Маа»*

ВСТУПЛЕНИЕ

— «На полянах янгал-маа —
На коврах зеленых тундры
Подымаются горбами
Безымянные могилы...
Из густой травы белеют
Кости тундровых оленей.
Возле каждого селенья
Их рога лежат горою,
И, промытые дождями,
Ребра белым частоколом
Встали около паулов!..
Как в таежный мор-позёмку
Дружно падают олени,
Так от горя и болезней
Умирают наши манси —
Наши бедные вогулы!»

Под удары барабана
Мудрый ойка — старый Кукса
Громко пел, а чуть поодаль

От него на инструменте,
Схожем с лебедем прилетным,
Что плывет по заводине,
Стройно шею выгибая
Над прозрачною водою, —
На своем старинном гусе
Ваза, юноша прекрасный,
Вторил старому шаману...

— «В зимний край, на дальний север,
Из тайги уходят звери,
Птицы тоже улетают,
Чтоб гнездиться, где поглуше,
Рыбы стало много меньше
В мутных водах наших яя —
Наших рек и их притоков, —
Обмелела наша Ас'я,
Обь — кормилица народа
И речной Старик — заботник,
Царь всех рыб больших и малых, —
Позабыт и похоронен:
С головы его волосья
По курьям, по топким лягам
Проросли зеленой тиной,
И ресницы тальниками
Вдоль по берегу пробились...

Кто же знает, кто же помнит
Золотую бабу-Рачу,

Что при виде русских полчищ
 То бросалась с кручи Ас'я,
 То таинственно пред ними
 Исчезала из кумирни
 От беды и поруганья?..
 Все проходит, умирает
 И рождается в новом свете
 В Царстве вечного Торыма!

Манси — вольные вогулы
 Полюбили сули — водку,
 И за пазухою носят
 На охоту и рыбалку
 Флягу с огненным настоем,
 С жидким пламенем бутылку.

Манси — вольные вогулы
 В праздник жертвы не приносят,
 И разгневанные боги
 Часто мстят им в темной эди —
 В темной и беззвездной ночи,
 Боги умерщвляют лили —
 Души, полные тревоги,
 Лили наших бедных манси, —
 Насылают мор-позёмку
 На оленей наших — сали,
 И селения — паулы
 Заметают белым снегом,
 Погребая под сугробы!..

Мы уйдем, покинем землю,
Нашу землю — нашу маа,
Чтобы больше не родиться,
Не скользить на быстрых лыжах
За лисицей — за оксаром!..
Мы уйдем, покинем тундры,
Наши утлые долбёнки,
Лодки — хабы, как могилы,
На песках сгниют тоскливо,
Без оленей нарты-сани
Зарастут густой осокой,
И в паулах опустелых
Будут жить лишь звери-уи!»

Замолчал вдруг старый Кукса,
Не играет больше Ваза,
Все задумалось: угрюмо
Смотрит вековая тундра!
Чернозобою гагарой
Пролетела эта песня
И запала в сердце манси,
Как великое проклятье
Дней прошедших и грядущих...

А в логу, над темной падью
Слышно было, как смеялся
Кто-то громко и протяжно
Над несчастьем и бедою
Позабывтого народа.

Улыбнулся старый Кукса
И, блеснувши грозным взглядом,
Громким голосом воскликнул:

— «Не печальтесь, не горюйте!
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!
Пусть откроет каждый лили —
Душу, полную тревоги, —
И прислушается к песне;
Все в прошедшем, все в грядущем,
Все живет и умирает
И рождается в новом свете
В Царстве вечного Торыма!»

Смолкнул мудрый ойка Кукса,
Что-то долго вспоминая...
Опершись о длинный посох,
Он держал в руке дрожащей
Бубен — пензер дальпоокый...
По оленьей коже бубна,
Глянцовитой и прозрачной,
Из-за сосен луч вечерний
Еле слышимо для уха
Куксы — старого шамана —
Барабанил красной лапкой.

Лес шумел, и дятел где-то
По дуплу сосны столетней
Стучал мерно черным клювом,

Над рекой в седом тумане
Птица скорби и несчастья —
Чернозобая гагара —
Вещим голосом кричала...

Долго думал старый Кукса,
Не решаясь молвить слово,
Терпеливо выжидая
Время для чудесной песни,
И, тихонько струн касаясь,
Нежно гус обняв за шею,
Ваза — юноша прекрасный —
Был задумчив и печален,
Как осенний день без солнца.

— «Это песня и загадка! —
Наконец промолвил Кукса. —
Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот спасет народ забытый,
Тот укажет путь широкий,
Как весной река в разливе,
И в последний, в час прощальный
Без страдания и скорби
Вознесется выше леса,
Выше гор, покрытых снегом,
В Царство дальнее Торыма:

Слушайте, вогулы-манси!
 В незапамятные годы
 Старики так говорили:
 В край суровый, непогожий
 Мы пришли из стран далеких,
 Где сияет вечно солнце,
 Где весна, царица Туе,
 Круглый год бессменно правит
 Безмятежною землею!
 Прибтели и путь обратный
 В это царство позабыли... »

Горько смолкнул старый Кукса...
 Опершись о длинный посох,
 Он поникнул головою.
 В красном зареве заката
 Опускалась ночь на землю,
 Тени робкие бежали
 От берез, осин и кедров...
 Скоро ночь закрыла солнце
 Тканью легкой и дрожащей,
 На которой юный месяц
 Вместе с звездами был выткан —
 Месяц золотом, а звезды
 Серебром и красной медью...

— «Ночь пришла, пойдете в юрту,
 Здесь не время оставаться:
 Может дух подслушать песню,

Разгадать ее загадку
И разбить желанья наши!»

Так промолвил ойка Кукса,
А в логу, над темной падью
Слышно было: кто-то плакал,
Кто-то радостно смеялся
И в ладоши громко хлопал,
Как плашмя веслом о воду...

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

МЕЙКА

Тесным кругом у чувала
Собрались вогулы слушать
Сказку-песню ойки Куксы
О счастливом избавленьи
Позабывтого народа.

Долго думал ойка Кукса,
У огня склонившись низко...
Все кругом него молчали,
Все сидели без движенья,
Только лишь огонь в чувале
Чуть трещал и сыпал искры.

— «Кто не знает ойки Мейки!? —
Начал песню старый Кукса,
Вдруг ударив в звонкий бубен,
Быстро на ноги поднявшись, —
Кто не слышал, как он плачет,
Плачет тихо, плачет громко,

По глухой тайге скитаясь,
У охотников под вечер
Из-под ног воруя тропки,
Заводя их в глушь, в трясину,
Где огни горят в тумане,
Где гнездо себе свивает
Птица вещая гагара, —
Там он губит их навеки!

Часто птицей черноперой,
На полнеба распластавши
Крылья с острыми когтями,
Прилетит он к дыму чумов
И в безмолвной темной эди —
Ночи темной и беззвездной
Кличет смерть и шлет нам горе...
И напрасно наши амбы —
Наши верные собаки
Лают, бегают проворно,
Как бы зверя настигая:
Лайки не настигнут Мейки —
Высоко над темным лесом
Бог коварный и суровый
Птицей смерти пронесется
И исчезнет в синих далях!

Чаще Мейка прилетает,
Больше падает оленей,
Ночью крепче спят вогулы,
И во сне своем не видя,

Как по снегу сали-ун —
 Волки крадутся из чащи,
 А у чума амбы-лайки
 С тихим визгом, хвост поджавши,
 В страхе трутся друг о друга.

Золотое было время
 Годы счастья и покоя.
 В те года у бога Мейки
 Не горело сердце мщеньем,
 Мейка жил в ладу с народом,
 Был ко всем сердечен, ласков,
 Справедлив и прям душою...

В чаще векового леса,
 У сосны, у пумы-яи —
 У священной светлой речки,
 В тканях, золотом расшитых,
 На зеленом возвышеньи
 Жил он в капище богатом.

В год тяжелый и несчастный
 Из-за гор, покрытых снегом,
 Словно вешние потоки,
 К нам вбежали вымим-яги —
 Лиходеи и варнаки —
 Вторглись русские дружины...

Храбро выступили манси
 Против крепкого железа,

Изрыгающего пламя,
С деревянными шестами
И со стрелами на луках.
Храбро бились, долго бились
За свободу дымных чумов,
Перед манси-храбрецами
Шаг за шагом отступали
Бородатые варнаки,—
Попадая в дебрь и топи,
Гибли злобно и бесславно.
Уж вогулы запевали
Песню громкую победы,
Но шаман, предатель Гузы,
Соблазнился на подарки:
За расписанные ткани,
За пиедь — ружье с насечкой
Он тихонько от народа
Вынул очи бога Мейки.

В тех очах, зеленых в полдень,
Как тайга в своем наряде,
Отражалась радость жизни,
Радость светлого рожденья!..
В тех очах багрово-красных
В час, как солнце заходило
И ночная тьма спускалась,
Были видны смерть и горе,
Блеск кровавого заката
Дня, ушедшего навеки!

Ослепленный ойка Мейка
 Не настиг шамана Гузы:
 Торум-Нума всемогущий
 Спрятал Гузы в Царство Тени...

Грозный бог в отместку Нуму,
 Богу вечности — Торыму,
 Выкрал в полночи оленей
 У хозяина вселенной,
 И разгневанные боги,
 Слуги Нума, дали кличку
 Ойке-Мейке: вор олений!

С той поры повел раздоры
 Мейка с Нумом и богами,
 Приближенными Торыма,
 Нам же, всем вогулам — манси,
 Как семье, родившей Гузы,
 Отомстил за все жестоко
 Ойка Мейка, бог суровый:
 Он зажег тайгу, паулы,
 Верхачом огонь пустивши;
 Местью черною пылая,
 Указал тропинки русским,
 Разорил в тайге кумирни
 И по ветру, что зимою
 Облетает каждый кустик,
 Каждый чум и юрту знает,
 Выслал мор — падеж-позёмку!..

День сменялся тьмою ночи,
Быстро мчался год за годом,
Лист желтел и осыпался,
И зима — нагая Тэли —
На своих метельных крыльях
Из холодной, мертвой тундры
Над тайгою пролетала,
Но забыть не может Мейка
Поруганья и измены,
И на быстрых сали летом
В черных тучах он несется,
Громяхая длинной нартой.

И когда в ночи понишет
Змейка тучу над тайгою,
Знай, что это сали Мейки
Мчатся с нартой костяною,
Это прыгают олени
Со стремнины на стремнину,
И рога их золотые
Разрезают тучу блеском!

Пусть герой не устрашится,
Пусть он хитростью иль силой
Средь безмолвной, темной эди —
Ночи темной и беззвездной —
Проберется в царство Мейки
И, когда олени дремлют,
Подойдет к ним незаметно

И похитит головного
 Хора с длинными рогами:
 Это будет первый подвиг,
 Первый шаг к спасенью манси!

Если месяц на исходе,
 Пусть герой оставит юрту,
 Поменяет чум на нарту
 Злого бога ойки-Мейки,
 И несется вихрем в царство
 Старца Шубного Медведя,
 К дальним горам все на север,
 На истоки рек Оксара,
 Рек Лисицы Чернобурой,
 Путь свой светлый направляя.

«Спать пора! — закончил Кукса, —
 Слышу голос, вам не слышный,
 Вижу духа на тропинке,
 Он идет подслушать песню,
 Он загадку разгадает
 И расскажет вору Мейке:
 Завтра песню я dokonчу!»

Побледнел и весь затрясся
 Старый Кукса и протяжно
 Прокричал: «Я вижу духа!»

ПЕСНЯ ВТОРАЯ
ШУБНЫЙ СТАРЕЦ

Солнце красное склонилось
На зубчатые вершины
Хмурых елей над увалом,
И кровавые осины
Над притихшею рекою
Что-то грустно зашептали...

А когда над темным лесом,
Высоко под облаками
Крики стаи журавлиной
Скорбным стоном прозвучали,
Как последнее прощанье, —
И когда у пупы-яи,
У священной светлой речки
Вспыхнул вновь костер смолистый,
Поначалу тихо-тихо,
А потом все громче-громче,
Потрясая барабаном,

Ойка Кукса песню начал
О Медведе — Шубном Старце!

— «В те года, что миновали,
Что не помнит даже Ортик —
Бог Обской Губы и тундры,
В первый раз в тайгу явился
Бог медвежий — Шубный Старец
Наказать людей по правде,
Рассудить раздоры манси
И сменять на лето зиму,
На которую когда-то,
Позабыв назад дорогу,
Манси Тве поменяли...

Среди гор, покрытых лесом,
На утесе, в темных кедрах
Чум себе поставил Старец,
И к нему туда ходили
Недовольные судьбою,
Все обиженные долей...
Он судил дела по чести:
Ободряя невинных,
Трижды лапою лохматой
Проводил он им по спинам,
И от этой страшной ласки
Только сладко ныло сердце
Да под кожаной паркой
Мураши бегли по телу,

А виновным той же лапой
Вместе с паркой и рубахой
Заворачивал и кожу,
Присуждая за проступок
Меньшим братьям на съеденье...

Братья меньшие — медведи
При таком законе старца
Были сыты и ленивы,
Верст на двадцать по округе
Храп всегда стоял медвежий,
И никто их не решался
Брать вблизи владений Старца
Ни рогатиной, ни луком.

Проходил так год за годом,
Манси — вольные вогулы
Жили в мире и довольстве,
И ни разу сердце ойки
Не склонилось на неправду,
И ни разу он, ни разу,
Разбирая спор вогулов,
Не терял в решениях мудрость,
Как неопытный охотник
Верный след теряет, к юрте
Без добычи возвращаясь...

Много лет прошло счастливых,
Но ошибку сделал Старец,

Допустил несправедливость,
Разбирая дело Ючо.

Кто не знал прекрасной Ючо?...
Как огонь костра в тумане
Тянет путника с дороги
Отдохнуть и обогреться,
Так влекла и аи-Ючо
Старика и молодого:

Раз взглянув на аи-Ючо,
Раз послушав речь живую,
Уж никто порой ночью
Спать не мог потом спокойно!

Много юношей прекрасных,
Ловких, смелых, как шайтаны,
Предлагали аи-Ючо
Стать женою их навеки,
Но она в ответ смеялась
И на эти речи только
Отвечала им с улыбкой:

«Не хочу я, как другие,
Быть рабынею у мужа...
На недолгий срок приходит
Твое в тундру ледяную,
А любовь в мужское сердце,
Скоро рядышком с любовью

Сядет хмурая забота,
А в заботе и в работе
Красота моя завянет,
Как цветок от дуновенья
Ветра северного тундры!»

Двадцать весен миновало,
Двадцать раз тайга меняла
Свой убор зелено-пышный,
По ни разу сердце Ючо
Не откликнулось тоскою
На тоску другого сердца, —
На томительные ласки,
На любовь и обещанья
Аи-Ючо повторяла
С неизменною улыбкой:

«Не хочу я быть рабыней,
Мне не надо ярких тканей,
Серебра и бус янтарных,
Я цветами украшаюсь,
Мне к лицу меха простые,
Не хочу я быть рабыней,
Жить, как амба, в дымном чуме!»

Нет такого зла и горя,
От которых втихомолку
Умывались бы слезами
Сердцем крепкие вогулы,

Но от слов холодных Ючо
У охотников отважных
Часто-часто под глазами,
От чего нивесть, мокрело
И под ложечкой спирало,
Как в берлоге под медведем...
Не один из них, скитаясь
По тайге без стрел и лука,
Пропадал потом без вести,
В злой тоске по ай-Ючо
Спутав тропки и залысы...

Долго мучился тоскою
И охотник Лач, с касаем
Иль с березовой дубинкой
Выходил он на медведя,
В тайне думая, что, может,
Злой тоски его развязку
Притаил владыка леса
У себя в могучих лапах.
Но медведь еще ни разу
Не подмял его на землю,
И, не видя избавленья,
Лач ночами часто плакал
И кусал зубами шкуры,
Пред собою видя Ючо
В мраке одинокой юрты.
Наконец решил он силой
Оборвать цветок волшебный,

Что хранила аи-Ючо,
Что желал он больше жизни.

Темной эди — темной ночью,
Ночью темной и беззвездной
Он, как сали-уй голодный,
Как голодный волк, прокрался
В чум прекрасной аи-Ючо
И, как рысь, напал, безумный,
Диким и протяжным криком
Торжествуя ночь победы.

Аи-Ючо отбивалась,
В страхе бегала по чуму
И молила нежно Лача:

«Лач, оставь меня, не трогай!
Лач... не делай мне бесчестья!»

Но в ответ ей Лач смеялся,
Он мольбы ее не слушал,
Бушевала в сердце Лача
Страсть, как вьюга в буреломе,
И когда устала Ючо
Бегать по большому чуму,
Он схватил ее в объятья
И упал на шкуры с нею...

Как змея, скользнула Ючо,
К двери бросилась проворно

И, схватив соарб тяжелый
С рукояткою из кедра,
Рассекла им череп Лача.

Разнеслась молва повсюду:
Темной эди, темной ночью,
Ночью темной и беззвездной
Аи-Ючо заманила
В чум к себе беднягу Лача
И во сне его убила!

Все кричали: «Стыдно, страшно
И позорно нам подумать,
Чтобы женщина мужчину
Безнаказанно убила!
Наказать убийцу Лача!
Чтобы помнили все аи,
Чтоб страшились наши эквы —
Наши девушки и жены
Помышлять о страшном деле!»

Собрались со всех паулов
Старики и молодые,
Ючо с криками схватили,
По рукам, ногам связали
И снесли к Отцу Медведю
Для суда и наказания.

«Смерти требуем!» — вскричали
Манси все в единый голос,

Подошедши к юрте Старца,
Из которой доносился
Храп спокойный и довольный.

«Смерти требуем! — вскричали
Манси, в юрту дверь откинув, —
С роду рода не бывало
Дела страшного такого!»

Шубный Старец повернулся,
Сел на пёнушек у входа,
Не расслушал дела толком,
Потому что был спросонья,
Поднял лапу и промолвил:

«Развяжите ай-Ючо!»
Десять ножигов блеснуло,
Ючо встала перед старцем:

«Шубный Старец, ойка мудрый,
Я тебе скажу всю правду!»

«Смерть!» — вновь крикнули вогулы,
Заглушая голос Ючо.

Испугался Шубный Старец
И хотел махнуть уж лапой
В знак согласия с народом, —
Вдруг с вершин лесных отрогов
Прокатился дикий хохот,

И на быстроногих сали
Мейка грозный появился.

«Стой!» — он крикнул Старцу грозно.
На колени пали манси,
Зашатались гор вершины,
Заскрипели сосны, кедры,
И ручьи умолкли разом.

«Шубный Старец хуже бабы
И дела справляет плохо:
Продери-ка бельмы лапой,
Ничего уже не видишь
У себя, старик, под носом!
Вы хотите смерти Ючо? —
Обратился он к вогулам,
Обводя их грозным взглядом, —
Но скажите мне по правде
Вместе с ойкой Шубным Старцем:
Если кто средь темной эди —
Почи темной и беззвездной,
Словно сали-уй голодный,
Как голодный волк, коварно
Нападет на чум в раслохе,
То какое наказание
Тот заслужит по закону?..»

«Смерть тому!» — вскричали манси
И за ними Шубный Старец.

«Смерть тому! — воскликнул Мейка, —
Хорошо вы рассудили,
Но и вы достойны кары:
Вы, как дети в глупой ссоре,
Раскричались над невинной
И карать ее хотели
Лютой смертью, страшной смертью!»

«Мы не слышали, что скажет
Лач, убитый аи-Ючо!» —
Молвил Шубный Старец тихо,
Не посмев взглянуть на Мейку,
Бога, грозного, как буря.

«Я сказал!» — ответил Мейка
И, ногой о землю топнув,
Трижды в сильном гневе крикнул:
«Лач! Иди, скажи им правду,
Пусть они тебе поверят,
Если Мейке нет здесь веры!»

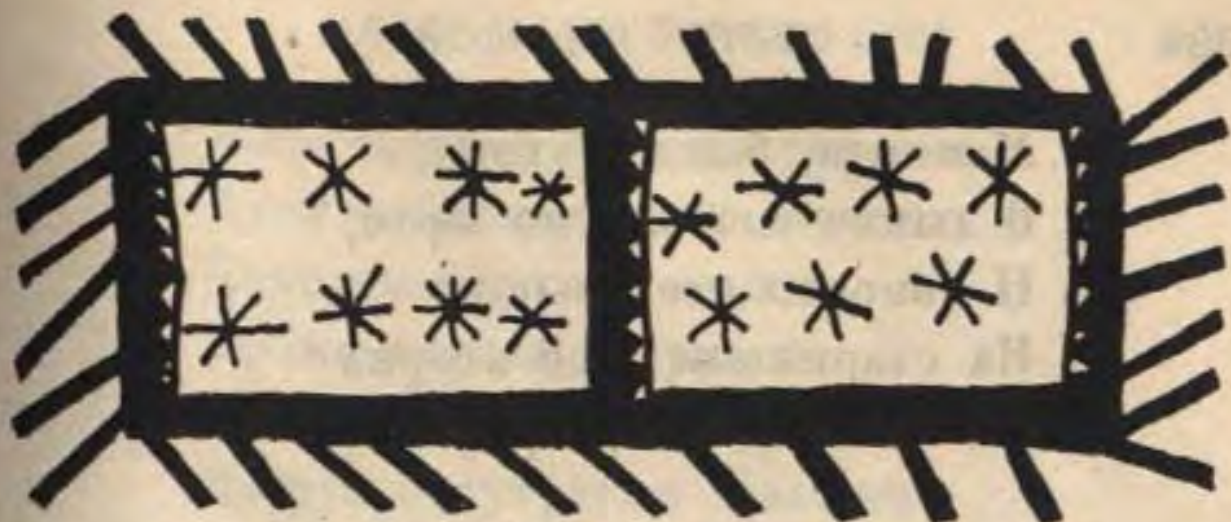
Лач явился из могилы,
Поклонился низко в землю
И, к народу обратившись,
Скорбным голосом промолвил:
«В этом деле я повинен!» —
И исчез, как на восходе
Исчезают над рекою
Тени легкие тумана.

Все поникли, замолчали,
 Замолчал и Шубный Старец,
 В содроганьи ожидая
 Слова грозного и злого,
 Но суровый ойка Мейка
 Сел в молчании на нарту,
 Что он выточил из кости
 Мамонта, быка Мухора,
 Посадил с собою Ючо,
 Плюнул Старцу прямо в темя,
 И, плевком отбив охоту
 Старцу Шубному Медведю
 Разбирать дела вогулов,
 Тронул нарты костяные,
 Покатил быстрее ветра,
 Крикнув голосом веселым:
 «Эй вы, ай! Эй вы, эквы!
 Ючо будет мне женою!»

Шубный Старец с гор спустился,
 Захватив тамгу Торыма —
 Знак свободного прохода
 В Царство Мирры-Суснахумма,
 И, женившись здесь на Мюсснэ —
 На речной волшебной ай,
 С ней ушел в свое жилище.

Пусть герой не устрашится,
 Пусть он хитростью иль силой

Средь безмолвной темной эди —
Ночи темной и беззвездной
Проберется в царство ойки —
Старца Шубного Медведя
И в тот час, когда собаки
Дремлют у его берлоги,
Распластав хвосты по снегу,
Украдет тамгу Торыма —
Талисман чудесный Нума,
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма, —
Это будет смелый подвиг,
Шаг второй к спасенью манси! —
Так закончил песню Кукса.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

РОЧ-МАА

Без кичиг, без звезд мохнатых,
Без рогов луны над лесом,
Встала третья ночь над Ксентой —
Над лесной таежной речкой,
Что блестела чуть из кедров,
Как стальной касай из ножен.

В третий раз сошлись вогулы
Слушать песню ойки Куксы
О счастливом избавленьи
Позабывтого народа.

Посреди просторной юрты
Камелек трещал и сыпал
К бокарям оленьим искры,
От смолистых свежих щепок
Низко синий дым стелился.
Звуки нежные свирели,
Тонко сделанной из кости

Мамонта, быка Мухора,
В дымке плавали по юрте,
И свирели еле слышно
На старинном гусе вторил
Ваза — юноша прекрасный.

Без движения, на шкурах
Под себя поджавши ноги,
Все смотрели на шамана:
В горле Куксы клокотало,
Песня выхода просила,
Он дрожал, склонясь к чувалу,
Нагревая кожу бубна,
На груди его звенели
Вещим звоном талисманы,
И, как дух, стоял с ним рядом,
Чуть земли касаясь, посох.

Вот шаман вскочил, на пензер
Замахнулся колотушкой
И под стройный рокот гуса
Громко начал третью песню:

— «В час, как тонет на закате
Солнце в зареве кровавом,
А навстречу солнцу сумрак
Выползает из расселин,
Торм великий в темном небе
Раздувает над землею

Жар костров из щеп смолистых,
Чтоб по ним вогулы — манси
Находили путь к паулам,
Прямо нарты направляя.
Духи ночи в эту пору
Вместе с сумраком выходят
Из воды, из старых дупел
Бурей сваленных деревьев,
Из глубоких нор барсучьих,
Скрытых в сучьях среди леса,
И крадутся незаметно,
Меж деревьев перебегая,
К огонькам паулов сонных,
Чтобы в души человечьи —
Лили, полные тревоги,
Поселить вражду и злобу.
И когда зарница с неба,
Где в безмолвии пасутся
Тучи, как оленье стадо,
В полночь ринется на землю,
Про себя промолвит всякий:
«Птица Таукси спустилась,
Кто-то зло замыслил в сердце!»

Мы потом уже не видим,
Как, с лучами утра слившись
Золотистым светом крыльев,
Птица Таукси в тумане
Поднимается на небо,

Чтоб поведать старцу Нуму
О грехах минувшей ночи.

Только зоркие шаманы
Часто видят эту птицу,
Слышат трепыханье крыльев,
Тихий клетот, словно вздохи
Ветра южного в теснине.

В те года, что миновали,
Что теперь как сон забытый,
Над рекой великой Ас'я,
В кедраче, в сырой низине
Птица Таукси гнездилась
В юрте маленькой из бревен.

Каждый год весной по Ас'я
С драгоценными дарами
Много лодок плыло к месту,
Где сидела чудо-птица.
Поровнявшись с Черным Яром,
Лодки боком приставали
К каменистому обрыву...
Пори — жертвоприношение
Принести чудесной птице
Манси в капище спешили...
Их встречал шаман великий,
Вещий, мудрый предсказатель,
Принимал дары смиренно,
И для каждого вогула

Он имел и слово ласки,
И слова, в которых тайно
Скрыто вешнее значенье
Дней грядущих, дней прошедших,
Что он видел ясным взором
В царстве будущих деяний
И в угрюмом Царстве Ночи.

В темной полночи над Ас'я
На буграх костры пылали,
Барабаны до рассвета
Отбивали дробь, и тихо
Манси пели песнопенья,
У костров в круги рассевшись,
А тайга, как рой шмелиный,
На ночном ветру шумела.

Но промчалась весть лихая,
Быстрой белкой пробежала
По ветвям от чума к чуму:
Рыщут по лесам вогулов
Вымим-яги и Роч-маа —
Лиходеи и варнаки
Из страны, где хон всемогущий —
Грозный царь сидит на троне
Из слоновой белой кости:
Пут-котел пред ним на углах,
В нем он варит сули-водку,
Семь шайтанов семирогих,

На боку с семью хвостами
День и ночь толкут, как в ступе,
В золотой его короне
Зелье смерти — мелкий порошок...
Хон собрал свои дружины
И послал их в нашу землю
Умертвить шаманов, биков
И охотников отважных,
Напоить нас крепкой водкой,
Обесчестить наших женщин
И заставить всех рабами
Век служить ему покорно!
Оттого-то в наших чашах,
Как тревожные виденья,
Бродят страшные варнаки,
Хоронясь меж старых кедров
По тропинкам и залысам:
За спиной у них пиели —
Ружья с длинными стволами —
Блещут вороненой сталью,
По бокам за поясами
Топоры и таразаны
В нитку вытянули жала,
И у каждого на шее
Амулет неборимый —
Крест висит поверх кольчуги
Взявши полные колчаны,
Манси бросились навстречу,

Барабаны скорбным стоном
Звали храбрых манси в битву.
В этот год костры над Ас'я
Не горели, осыпая
Искры с берега крутого,
Не гремели барабаны,
Песни манси не сливались
С шумом векового леса,
Только совы на деревьях
Громко щелкали гортанью
И кричали: «Горе! Горе!»

Птица Таукси, с шаманом
В темном капище средь кедров
Притаившись, вполуголос
Торопливо говорила:

«Слушай, ойка, слушай, слушай:
Взвесь ты все слова на сердце,
Как крупинки золотые
На морщинистой ладони, —
Не успеет ночь на землю
Сбросить черные одежды,
К нам ворвутся выним-яги —
Злые русские варнаки!
Ты беги, не промедляя,
Где-нибудь в лесу спасайся
И потом поведай манси,
Что пришлось тебе увидеть

Здесь, в лесу, у пупы-яи —
У священной нашей Ас'я.
Ты скажи, что, улетаю
В Царство дальнее Торыма,
Я тайги не покидаю:
Темной ночью — темной эди —
В лучезарном синем свете
Я в нее спускаться буду,
Чтоб следить за правым делом
И наказывать виновных!»

Так сказав, взмахнула птица
Золотистым светом крыльев,
Взмыла кверху и над лесом
Понеслась быстрее ветра,
Как костер священной ночи,
Улетающий от русских,
От беды и поруганья.

А шаман, упав на землю,
Плакал, горько причитая:
«Горе, горе, нет защиты!
Птица вещая, вернися:
Не давай нас волку в зубы!»

И в ответ на причитанья,
На отчаянье и слезы
Услыхал служитель птицы
В дальнем небе грозный голос:

«Встань, старик, не надо плакать
Встань, — иди в паулы к манси
И поведай всем о чуде!»
Старый ойка встал покорно
И нетвердыми шагами
Поплелся к Чихир-паулу,
Где вогулы летневали.

Подойдя к Чихир-паулу,
Из-за кедров разглядел он
Русских воинов в кольчугах,
С таразанами кривыми
И с большими топорами,
Страшных, словно привиденья,
И как будто тоже красных
В красном пламени пожара.
Окружив паул, стреляли,
Припадая на колени,
Тени-воины из ружей —
Из пиелей длинноствольных,
И кругом шипели пули,
Как шмели перед роем...

Словно белки от пожара,
Что идет, как вихрь, по веткам,
Одиночками вогулы
В смертном страхе разбегались,
Оставляя лиходеям
Жен, детей и все, что было
Имиажито веками...

Утром рано из урмана
За туманом встало солнце,
Безмятежным светлым оком
Оглядело мир таежный
И лучом золото красным
Задержалось на увале,
Где всегда Чихир виднелся
С кудреватым дымом чумов...

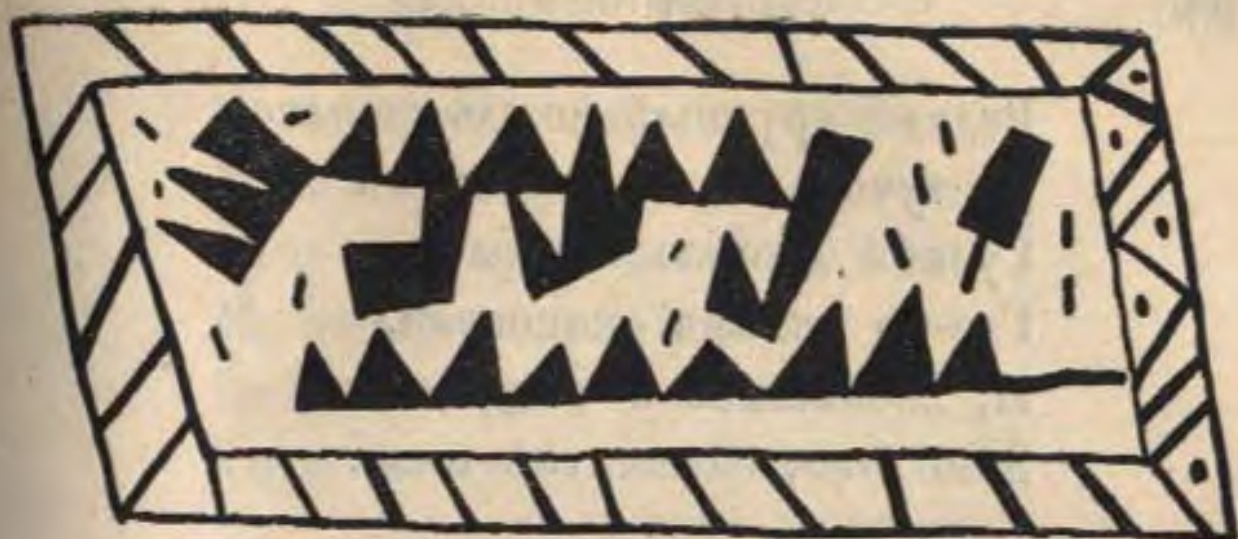
Но на этот раз дымились,
Догорая, головешки,
Пни чернели вместо чумов,
И на серых горах пепла,
Руки в стороны откинув,
Мертвецы плашмя лежали...
Кровь, как спелая брусника,
В чаще кедровой краснела,
А у берега, где раньше
В хабах манси приставали,
Остроносые карбасы
С парусами посередке, —
Лодки русских колыхались,
И от них шла рябь по Ас'я:
В них полным-полно сложили
Победители добычу —
Вниз домашний скарб, пушнину,
Сверху девушек и женщин,
По-двое на мертвый узел
Крепко связанных за косы.

Как желна, в тайге зеленой
 Молвь тревожная металась,
 И, как звери, в глушь и чащи
 Дети, женщины и старцы
 Втихомолку уползали,
 А навстречу злым варнакам
 Войско храброе вогулов
 Грозной тучей подымалось
 Из лесов, низин и топей...
 С рек больших и речек малых
 Манси, как в пургу олени,
 В чащах дружно табунились
 И великой ратью смело
 Шли на злую смерть и муку.

В тот же год шаман великий,
 Птицы Таукси служитель,
 Был казнен в Сумгута-воже
 Вместе с нашими князьями,
 И его душа на крыльях,
 Так похожих на зарницы,
 Улетела в Царство Нума,
 Где живет она поныне.

Пусть герой не устрашится,
 Пусть он хитростью иль силой,
 Средь безмолвной, темной эди —
 Ночи темной и беззвездной,
 Выкрав быстрого оленя

Из упряжки ойки Мейки,
Захватив тамгу Торыма —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма, —
Пусть, все это смело сделав,
Мчит по мертвому ущелью,
Где живут умерших тени, —
Пусть несется гордым вихрем
По безжизненной пустыне
И в конце ее у камня,
Что зовется Камнем Жизни,
Где таинственная птица
Охраняет дверь большую —
Вход широкий в Царство Смерти, —
На бегу рукой проворной
Из хвоста священной птицы
Пусть одно перо он вырвет,
Что горит, как яркий сполох,
И, ущелье освещая
Этим факелом волшебным,
Въедет смело и спокойно
В Царство светлое Торыма:
Это будет смелый подвиг,
Третий шаг к спасенью манси,
Шаг последний для героя!» —
Так закончил песню Кукса.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

СОН ВАЗЫ

Туча черная зловеще
Солнце светлое закрыла,
Зашумели гневно ели,
Загудели грозно кедры,
Пробежала рябь по речке
Серебристою чешуйкой...

Вдруг поднялся сильный ветер,
И валы, как струны гуса,
Зазвенели на приплёске...
Кулики с тревожным свистом
Замелькали над водою.

В небе темном и угрюмом,
Как тамга, на сучьях ели
Змейкой огненной метнулся
Отблеск молнии проворной,
Гардарахнул гром с размаху
По земле из темной тучи,

Редкий крупный дождь посыпал,
Застучал по стенкам чума
Гулкой дробью барабана...
Где-то вяхирь скогогукал
И, забившись в чащу хвои,
Замолчал, слохматив шею.

Ваза, юноша прекрасный,
В забытии сидел глубоко
И не слышал даже грома.
Лайка белая, Снежинка,
Вазы верная собака,
Возле входа в чум сидела
И ушами шевелила,
Грохот слушая над чумом.

Но не видел Ваза блеска
Молний, освещавших юрту,
И не слышал, как по крыше
Дождь дрожащею рукою
Дробь неясно выбивает:
Словно это старый ойка,
Тяжело дыша, гадает
О своем конце печальном,
О Конце-Концов великом,
Что зовут все люди смертью.

Буйный ветер над урманом
В туче весело проехал,

С озорства, надувши щеки,
Начал дуть на тучу с краю,
Туча дрогнула, разбухла
И, послушная дыханью
Ветра нежного с Низины,
Тихо двинулась на север.

Ваза, юноша прекрасный,
В забытии сидел глубоко,
Он не слышал взмаха крыльев
Ветра нежного с Низины,
Он не видел в небе солнца,
И не ведал он, что сети
В заводине рыбной Ксенты
Ветер сбросил с кольев в воду
И запутал о коряги.

На реке, где неподвижно
Лес янтарный отражался,
Солнце на покой клонилось,
Золотистой головою
Припадая к дымным кедром,
Обдавая лес и берег
Жарким огненным дыханьем...
Не надолго тихий вечер,
Словно юноша влюбленный,
Робко в воду погляделся,
Где лучи зари сияли,
Где как будто улыбались

Из глубин речные аи
На щеках с густым румянцем,
Скоро ночь немою птицей,
Круг сужающей в полете,
Опустилася на землю,
Краски алого заката
Потемнели, остывая,
Лишь пунцовая полоска
Там, куда упало с неба,
Словно срезанное, солнце,
Чуть заметно трепетала.

Ночь и тьма сошли на землю,
В небесах зажглись звезды,
Совы, филины, как тени,
Как отвергнутые души,
В темноте осенней ночи
Меж деревьев замелькали.

Где-то жалобно и грустно
Были волки — сали-уи
И в паузе амбы-лайки
В лад им дружно подвывали,
Лес шумел, на тихом ветре
Сонно ветками качая,
Ухал сыч и щелкал филин
На суку сосны высокой.

База встал и мутным взором,
Слившим сон и пробужденье,

Разглядел чувал потухший,
 Стены выгнутые чума,
 Лайку — белую Снежинку —
 С сонной мордою на лапах,
 И, поправив сзади косы,
 Потянувшись и зевая,
 Снова сел на шкуру сали.
 Снова сладкая дремота,
 Тяжеля глаза и веки
 Незаметно прикрывая,
 Потекла по жилам Вазы.

Вдруг Снежинка заурчала,
 Хвост свой вытянула палкой
 И с заливым звонким лаем
 Побежала к дверям чума,
 Дверь неслышно отворилась,
 И, согнувшись, старый ойка
 В чум вошел неторопливо
 И промолвил: «Пайся, Ваза!
 Пайся, Ваза, ойка рума!
 Здравствуй, друг мой старый, Ваза!»

«Пайся!?» — юноша ответил
 С удивлением и страхом:
 Он не ведал, что за ойка
 В чум к нему в такую пору
 Вдруг пришел и сам, незванный,
 Сел на шкуры у чувела,
 Где огонь сейчас же вспыхнул

Без кремня и без лучины,
И от щепок непривычный
Дым — цветов благоуханье —
Заходил по чуму Вазы.

«Ваза, Ваза, — молвил старец, —
Я все вижу, я все знаю,
Что ты думаешь, что скажешь...
Как охотник по пороше
Узнает, где лось жирует,
Так и я тяжелой думы
На твоём лице печальном
Вижу след, другим невидный...
Я в твоей душе читаю,
Как бояр по белой книге,
Но у русского бояра
Память мягкая, как тесто,
И походит он на волка
С головой лисы коварной.

Мне же хитрость и коварство
Только лишняя обуза, —
Мне не надо белой книги,
Без письма я и без чтенья
Много помню, много знаю,
Много лет я жил на свете
И скопил годами мудрость:
Слушай, юноша прекрасный, —
Вот стоишь ты на распутьи,
Как олень дым чума ищет,

Верный путь ты ищешь тоже —
Путь прямой к Отцу Торыму!

Слушай, Ваза, слушай, слушай!..
Сохрани ты в юном сердце
Все, что я тебе открою,
И потом, как храбрый воин,
Как потомок вольных манси,
Снаряжайся в путь—и робость,
Страх, сомненье, нерешимость
Навсегда из сердца вырви!
Путь далек, тяжел и труден:
Лучше спать на шкурах в чуме,
Есть оленину парную,
Запивая теплой кровью,
Моксуна сосать с головки
После доброго улова,
Чем трусливо возвратиться:
Это лучшее, что может
Статься с трусом недостойным,
Есть конец еще вернее:
Трус погибнет, — гневны боги,
Страшной смертью погибает,
Кто раскрыть дерзает тайну,
Схороненную глубоко
За пределами живущих!..»

Слушай, Ваза, слушай, слушай:
Первый подвиг — сали Мейки,

Шаг второй — тамга Медведя,
И последний подвиг, третий —
Из хвоста перо золотое
Птицы Таукси великой!»

Вещий старец встал и зорко
Поглядел за двери чума,
Ночь безглазая, немая
Мимо юрты проплывала,
Только сыч страшливо ухал,
Да в болоте выпь стонала,
Как пред смертью шаманиха...
Старец постоял, послушал,
Снова дверь прикрыл неслышно
И дрожащею рукою,
Расстегнувши ворот, вынул
Семь лучинок, камень белый,
Стебельки травы сушеной,
Положил их перед Вазой
И, к нему склонившись низко,
Зашептал скороговоркой:

«Слушай, Ваза, слушай, слушай,
Если ты своруешь сали
С нартой злого бога Мейки,
Что он выточил из кости
Мамонта, быка Мухора,
То спеши скорее скрыться,
Не промедли ни минуты,

Если ж он увидит нарту
И помчится за тобою,
Брось тогда траву на землю:
Ты невидим будешь Мейке!
Тут на север, к снежным горам
Путь держи непоколебимо
До истоков рек Оксара —
Рек Лисицы Чернобурой.
Там на берегу пологом,
У сосны, разбитой громом,
Ты найдешь большую юрту,
Очень схожую с берлогой, —
Это будет юрта Старца,
Ойки Шубного Медведя,
В ней у самого порога
Туго в щель тамга забита,
Ты ее тихонько вынешь:
В эту пору Шубный Старец
Крепко будет спать с женою —
С водяною эквой Мюсснэ...
Совершивши все в удачу,
Ты садись скорей на нарту
И спеши, спеши в дорогу!..
Если ж Старец вдруг проснется
И в погоню за тобою
Побежит по следу нарти,
Брось на землю семь лучинок:
Лес дремучий сразу встанет
Беспроглядною стеною

И тебя собой закроет!
Ваза! Юноша прекрасный,
Если все это удастся,
То без страха путь чудесный
Продолжай, как храбрый воин,
Как потомок вольных манси!

В этом подвиге тяжелом
Ты не бойся страха смерти:
Брось на землю белый камень,
И тогда увидишь чудо, —
Белый камень, мертвый камень,
И бездушный, и безмолвный,
Станет птицею сорокой,
Наделенной даром речи,
Полетит она пред нартой,
Ты ж следи, не отрываясь,
За полетом, направляя
Вслед за птицею оленя!

Птица вещая сорока
Приведет тебя в Низину,
Где стоят леса в тумане...
В ясный день, зимой и летом,
И весной, когда с ручьями
Сходит снег и травы шепчут
Свой привет Отцу Торыму, —
И когда старушка-осень
Плачет горестно слезами

Об умершем внуке Ноши —
 Лете, быстро промелькнувшем, —
 Тут во всякий срок сорока
 Приведет тебя к ущелью,
 Где живут умерших души...
 Там она тебя оставит:
 Там начало Царства Нума,
 Там на белом Камне Жизни
 Охраняет дверь большую,
 Вход широкий в Царство Мертвых
 Птица Таукси бессменно!
 Вот у этой чудо-птицы
 Из хвоста ее проворно
 Выхвати перо — и дальше,
 С новой твердостью и силой,
 Освещая им ущелье,
 Путь держи в страну Торыма.

Слушай, друг: ты близок богу!
 Бог велик — ничтожны люди.
 Но кто первый из живущих
 Вместе с телом и душою,
 Вместе с нартой и оленем
 Сам заявится пред Нумом, —
 Перед тем бессильны боги!»

Лес шумел, внизу в пауле
 Громко лаяли собаки,
 Над урманами высоко

Белоснежными комками
Облака к востоку плыли,
Там прозрачно-голубое
Небо светом трепетало,
Словно невод с мелкой рыбой,
Отливающей сквозь воду
Чешуей и плавниками.

Этот робкий свет прокрался
В юрту Вазы на увале,
Он скользнул украдкой в щелку
И на лучики разбился,
Как на тонкие лучинки.

Ваза спал, дремала лайка,
А на лавке у шайтанов
Рядом с гусом и колчаном
Стебельки травы сушеной
Колобком в углу лежали,
Вместе с ними камень белый,
И на камне семь лучинок —
Семь лучей зари сияли.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Ю Ч О

На метельных, белых крыльях
Белоцерой птицей с неба
Тэли грозная спустилась,
Синим льдом сковала реки,
Белым мехом горностая
Затянула землю-маа,
И угрюмый старец-Ветер
Ледяной своей клюкою
Застучался в двери чумов.

По утрам над мерзлой Ксентой,
Над таежной тихой речкой,
Что торчит из хмурых кедров
Словно сизый хвост песцовый,
Дружно струйками тянулся,
Кудряшами завиваясь,
Серый дым смолистых сучьев
Из макушек острых чумов,
От чувалов юрт, покрытых

Серебристым белым снегом,
Словно лосной и пушистой
Шкурой белого медведя.

Только кожаная юрта
Игрока на гусе Вазы
На увале, в темных кедрах,
Словно в зной июльский летом,
Ненатоплена стояла.

Рядом с юртою шунгура—
Игрока на гусе Вазы
С низкой крышею амбарчик
На шести кривых подножках,
С дверью, запертою плотно
На замок с запором хитрым,
Сиротою позабытой
Пригорюнился в сугробе...

Не чернела тропка к юрте,
Дверь шестом была приперта,
Сбита лестница, и скобки
Запушились мягким снегом...
Видно было, что хозяин
Далеко ушел от дома!

Белки с пышными хвостами—
Ланги в темной хвое кедров
На увале, где жил Ваза,

Где стрелял он в них из лука,
 Днем резвились без утайки,
 Лайки голоса не слыша,
 Ночью в дупла забирались
 И, свернувшись в мягких листьях,
 Засыпали сном спокойным.

Темной ночью, словно тени,
 Не имевшие приюта,
 Волки стаями бродили,
 Чуя запах человека,
 Дух смолистый дымокуров,
 Не решаясь отведать
 Крови мирного оленя.

Пробежав в паул с увала,
 Сали-уи возле юрты
 Вазы, славного шунгура,
 Были жалобно и долго,
 И внизу в ответ собаки
 В лад им дружно подвывали.
 «Где наш Ваза?.. Что случилось?..
 Жив ли он?.. Когда вернется?..» —
 Часто думали вогулы
 И с тревогою шамана
 Куксу, мудрого в гаданьях,
 Тайну выведать просили.
 Но напрасно ойка Кукса
 Потрясал волшебным бубном:

Дух полуночи ни разу
Не шепнул ему ни слова!

Только раз, на новый месяц,
В час, когда все злые духи
Близко к юртам не подходят,
Сами дробно застучали
Разом все три барабана,
Что над входом в чум висели,
И в углах защелкал кто-то...

В страхе мудрый ойка Кукса
Молвил голосом дрожащим:
«Хос-хот, хос-хот, крылья Воя,
Птицы малой и великой,
Птицы вещей и крикливой,
Трижды, трижды — хурум, хурум,
Не заденьте юрты Куксы!»

Замолчали барабаны,
И шаману кто-то тихо,
Властно на ухо промолвил:
«Не пытай, старик, — напрасно!»

По полянам и низинам,
Меж увалов по болотам,
Мимо юрт, зимовок манси,
Безголосым мертвым лесом
Мчался Ваза в царство Мейки

День и ночь, как быстрый ветер,
 И когда лишь сон могучий
 Закрывал глаза истомой,
 Или вьюга застилала
 Их колючим мелким снегом,
 Он отвязывал оленей
 И, стреножив мелкой цепью,
 Говорил Снежинке верной:

«Амба, белая Снежинка,
 Стереги моих оленей,
 Не давай волкам их трогать,
 А когда тревогу ночи
 Победит Предвестник Утра —
 Луч, родящийся на ветке,
 Самой верхней ветке кедра,
 Пригони оленей к нарте,
 Разбуди меня скорее!»

У костра, под крепкой нартой
 Ваза спал в такие ночи,
 Завернувшись с головою
 В теплые медвежьи шкуры,
 А во тьме, как на камлани
 Ойки мудрые — шаманы,
 Волки щелкали зубами,
 Выли, плакались на стужу,
 И голодные глаза их,
 Как гнилушки на болоте,

Светом призрачным горели.
Дальше там, за волчьим кругом,
В мраке темной зимней ночи,
Где угрюмый лес и небо
Слились черною стеною,
Звонким голосом дух ночи
Хохотал, в ладоши хлопал
И кричал: «Трусишка Ваза,
День пришел, вставай, засоня!»

Ваза спал, лишь амба-лайка,
Духа видевшая ясно,
Хвост пушистый поджимала,
Отвечая злым ворчаньем
Каждый раз на крики духа.

Но как только Вестник Утра —
Луч, родящийся на ветке,
Самой верхней ветке кедра,
Промелькнет над сонным лесом
И дрожащею завесой
Ночь опустится за чащи, —
Тонким, звонким лаем будит
Лайка умная вогула.

Семь метельных полнолуний
На оленях быстроногих
Совершал свой путь великий
Ваза в царство ойки Мейки.

Семь метельных полнолуний
Он неведомой дорогой
Вместе с лайкою Снежинкой
Мчался день и ночь на нарте...

Наконец в луну восьмую,
Что прорезалась на небе
Золотистой тонкой бровью,
Встретил он в лесу зеленом,
На цветном ковре поляны
Радость жизни, ай-Ючо.

Беззаботно напевая,
Заплетая с тихой песней
Маки красные в косички,
Ючо в вышитой ягушке
Средь густой травы сидела.

На ягушке ай-Ючо
По старинному узору —
Савэм-ханчъ — гусак с гусыней,
Широко расправив крылья,
Слились клювами у сердца.
На одной поле ягушки
Шла медведиха вразвалку,
И за ней смешно бежали
Два лохматых медвежонка.
На другой осетр хвостастый,
С золотыми плавниками,
Словно плавал по затону.

Ваза придержал оленей
И окликнул аи-Ючо:
«Пайся, аи! Здравствуй, здравствуй,
Не оставь меня приветом:
Я чужой и здесь впервые!»

Ючо молча обернулась,
Улыбнулась и, поднявшись,
Вазе молвила чуть слышно:
«Пайся, пайся, ойка рума,
Ты напрасно извещаешь,
Что чужой и здесь впервые:
Здесь одна лишь я из смертных!»

Ваза выслушал и молвил:
«Ты скажи мне, кто хозяин,
Кто владеет этим лесом,
Где трава, цветы и птицы
И леса листвою душистой
Что-то на ухо мне шепчут:
Мне вот кажется, что вечно
Здесь живет, благоухал,
Радость солнечного Ноши!..
Посмотри-ка, там, где нарта
След пролоснила по снегу,
Где отметины чернеют
От копыт моих оленей —
Там зима, холодный ветер
Леденит нагие ветви,

Небо серое без края
 Грубым пологом накрыло
 Лес угрюмый и безмолвный.
 Здесь же свет висит на ветках,
 Как запястья дорогие,
 И цветы благоухают:
 Может, это царство Понюнг —
 Сторона чудес и сказок?...»

Ючо грустно улыбнулась,
 Покачала головою
 И промолвила с печалью:

«Это край, где лето-Ноши
 Круглый год цветы сажает,
 Поливая их росой,
 Согревая светом солнца,
 И цветы благоухают,
 Никогда не увядая
 Под заботливым уходом...
 Напустил он птиц без счету
 В чашу с влажными ветвями,
 И они поют по-утру
 Песню вечного веселья,
 Славя юность лета-Ноши
 И красу царицы Туе...
 Все же этот край — не Понюнг,
 Не страна чудес и сказок,
 Хоть и здесь чудес не мало:

Это царство ойки Мейки
И весна — царица Туе
Вместе с юношею Ноши
Сколько лет ясак здесь платят
Злому богу... Юный Ноши
Платит подать жемчугами
Крупных рос, теплом дыханья,
Синевою глаз, а Туе
Золотом косы пушистой
Что по-вечеру, по-утру
Рассыпается на плечи
Голубой ее ягушки...
Редко к нам сюда заглянет
Осень — старица глухая,
Поглядеть из-за опушки
На внучат своих веселых,
Тихо постоит, поплачет
Мелким дождиком в урмане
И опять уйдет надолго
В хмурую тайгу и тундру
К морю сине-ледяному.
Это царство ойки Мейки,
И никто еще из смертных
Не ступал ногой на землю
Средь владений злого бога:
Поверни скорей олёней
В царство Тэли белокрылой,
Поспеши, иль будет поздно:
Страшен ойка Мейка в гневе!»

«Помосинэ, помосинэ —
 Много раз тебе спасибо
 За совет-предупреждение, —
 Отвечал ей гордо Ваза, —
 Как назвать тебя, не знаю,
 Чтоб полнее благодарность
 Мог я выразить словами,
 Я скажу тебе: ты — солнце,
 Ты цветок на хрупком стебле,
 Напоенный ароматом,
 Ты прекрасна как богиня
 Из чудесной тернинг'ери —
 Сказки, всеми позабытой!
 Мне обратно нет возврата:
 Семь метельных полнолуний
 Я спешил сюда на нарте
 Неужели для того лишь,
 Чтоб назад ни с чем вернуться!»

«Храбрый воин, ты бессилен, —
 Грустно Ючо отвечала, —
 Ты погибнешь, ты погибнешь
 От руки злодея Мейки,
 Поверни скорей оленей
 В царство Тэли белокрылой,
 Возвратись, пока не поздно:
 Ючо зла не пожелает!»

Ваза спрыгнул с крепкой нарты,
 Помолчал одну минуту

И потом сказал с тоскою:
«Аи-Ючо, радость жизни!
Я пришел сюда похитить
Златорогих сали Мейки
Что он сам когда-то выкрал
Из небесных стад Торыма,
Я пришел похитить нарту
Злого бога ойки Мейки,
Что он выточил из кости
Мамонта, быка Мухора,
И потом умчаться дальше
В царство Шубного Медведя...
Солнце жизни, аи-Ючо,
В первый миг, когда я встретил
Здесь тебя в лесу зеленом,
А кругом, ты видишь, Тэли
Белым пологом накрыла
Лес, поля, увалы, реки,
Лишь оставила зеленым
Царство злого бога Мейки,—
Я подумал — это царство
Молодой царицы Туе,
Что идет ко мне навстречу,
Красотой своей сияя!...

Аи-Ючо, радость жизни, —
Продолжал печально Ваза, —
Вот теперь, когда я понял,
Что добра ты мне желаешь,

Я скажу тебе: «Спасибо!
 Помосинэ, помосинэ!»
 Но напрасно, бесполезно
 И опасно возвращаться:
 Нет теперь пути обратно,
 Нет мне радости в грядущем.
 Я погиб, тебя увидев,
 И теперь гагара скорби
 Не покинет сердца Вазы:
 Радость сердца улетела!
 Ючо, Ючо, радость жизни,
 Ючо, мой цветок душистый,
 Я люблю тебя и знаю,
 Что любовь к тебе — страданье:
 В ней живет моя погибель!
 Я пойду навстречу смерти,
 Совершу, что я задумал,
 А потом вернусь обратно:
 Я вернусь, цветок прекрасный,
 Солнце жизни, ай-Ючо,
 И на смертный бой грудь с грудью
 Позову владыку Мейку!»

«Фу-бу, фу-бу», — громко крикнул
 Большеглазый, темный филин,
 На сосне метнулась белка,
 Испугавшись крика птицы,
 И забила в сучья кедра...
 Ветерок волной игривой

Пробежал; в траве зеленой
Встрекотал кузнечик звонкий,
Ветка хрустнула сухая:
Любопытный олененок
На поляну робко вышел
И, увидев нарту Вазы,
Широко расставил ноги,
И за ним из-за деревьев
Показалась олениха...

Ваза ждал ответа Ючо.

«Кто ты, путник, я не знаю, —
Ючо молвила вогулу, —
Но кто б ни был, кто б ты ни был,
Я в ответ скажу: отныне
Ючо с радостью разделит
Все труды, весь путь тяжелый,
Что тебе на долю выпал!
Я люблю тебя, Случайный!
И большую нарту бога,
Что он выточил из кости
Мамонта, быка Мухора,
Помогу тебе похитить,
Заарканить трех оленей,
Что он сам украл когда-то
У хозяина вселенной —
Бога вечности Торыма, —
Я спасу тебя от смерти

В этом подвиге опасном,
 Но сама полна я страха,
 Что моя любовь прибавит
 Тяжесть новую на плечи
 И в твоей руке, мой воин,
 Легкий лук отяжелеет!»

Ваза гордо улыбнулся:
 «Ючо, белая березка,
 Игрока на звонком гусе,
 Вазу, славного шунгура,
 Испугать никто не может!
 Мне недавно старый Кукса
 Пел над Ксентою в пауле
 Песнь о Ючо, о Медведе,
 О безумном хитром Лаче
 И о темном боге Мейке.
 И тогда на страшной лапе
 Старца Шубного Медведя
 Я поклялся встретить Ючо, —
 И теперь, когда мне, Вазе,
 Довелось нежданно встретить
 Ючо в царстве злого Мейки
 И из уст ее услышать:
 Я люблю тебя, Случайный! —
 Разве страшен ойка Мейка?..
 Счастье страх из сердца гонит:
 Ни налево, ни направо —
 Я пойду прямой дорогой!»

Ваза маленькую Ючо
Поднял на руки и долго,
Крепко к сердцу прижимая,
Целовал в глаза и щеки.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ
ПОХИЩЕНИЕ ОЛЕНЕЙ

Без зарниц, без звезд мохнатых,
Высоко под облаками
Ночь неслышно пролетала
Над зеленым царством Мейки.
Ни огня кругом, ни чума,
Лишь над лесом, шелестевшим
Нежной липкою листвою,
Тонкой питочкой висела
Бровь луны новорожденной,
Предвещающей удачу.

С бичевой, крученой крепко,
На конце с тугою петлей,
По тропинке к чуму Мейки
Легкой тенью крался Ваза.

У ручья, где круглый камень
Преградил дорогу к чуму,
Ючо Вазу поджидала.

«Тончин! Тончин! Осторожно!» —
Прошептала Ючо Вазе,
Наступившему на ветку.

«Эмас! Ладно!» — ей ответил
Ваза, нежно улыбнувшись...
И две тени тихо-тихо
Дальше шли, держась за руки.

Вот, как молния из тучи,
Впереди рога блеснули
Из душистой хвои кедров,
И, сопя ноздрями громко,
Сали вышел на тропинку.

Ветка хрустнула сухая
Под ногой дрожащей Ючо,
Сали вздрогнул и, увидев
Вазу рядом с ан-Ючо,
Вздумал броситься обратно,
Но со свистом харитэас —
Бичева из кожи нерпы,
На конце с тугой пеглею,
Обвила рога оленя.

Сали прыгнул, но напрасно, —
Как струна на старом гусе
Под искусною рукою,
Зазвенела харитэас.

Задрожал олень, покорно
Опустился на колени,
Удивляясь человеку,
Что неожиданно появился
В царстве злого бога Мейки,
Сам по силе равный богу...

Три оленя заарканил
Ваза из большого стада
Злого бога ойки Мейки,
Что паслось в лесу зеленом
Без призора и охраны.

Привязав их к толстым кедром,
Обнял Ваза ай-Ючо
И неслышными шагами
Дальше с ней пошел тропинкой,
Чтоб похитить нарту бога,
Что он выточил из кости
Мамонта, быка Мухора.

Мейка спал на нарах в юрте,
Полог-сап суконный плотно
Закрывал его от ветра,
Из полуоткрытой двери
Храп его волною гулкой
До тропинки доносился.
Слышно было, как скрипели
Нары толстые из бревен,

Если грозный старый ойка,
Бормоча слова спросонья,
С боку на бок повернется...

Высоко под облаками
Ночь неслышно пролетала,
Лес листвою чуть шептался,
И в молчаньи темной ночи,
Растянувшись, амбы-лайки
С неподвижными хвостами
На траве спокойно спали.

Той порою смелый Ваза
Разыскал большую нарту,
Нагрузил ее на плечи
И, под тяжестью сгибаясь,
Тихо двинулся к оленям
По тропинке проторенной,
На которой ожидала
Ючо, бледная от страха...

Опустив на землю ношу,
Он сказал с тяжелым вздохом:
«Ючо, свет и радость жизни,
Грустно мне тебя покинуть,
Грустно мне, и я не знаю,
Суждено ли мне вернуться
И тебя назвать женою!?»

«О мой воин, храбрый Ваза, —
 Ючо нежно отвечала
 Со счастливою улыбкой, —
 Совершив обет великий,
 Ты ко мне вернешься богом,
 И тогда коварный Мейка
 Здрожит, тебя увидев!
 А теперь: взгляни на Ючо,
 Улыбнись ей веселее,
 И скорей, покуда ночью,
 Тихой тьмой объята маа
 И старик храпит на нарах, —
 Храбрый воин, сильный мадур,
 Светлый юноша мой Ваза,
 В путь далекий отправляйся!»

«Эмас, эмас», — молвил Ваза,
 Крепко обнял ай-Ючо,
 Выпил с глаз ее слезинку,
 Уронил свою за ворот
 И проворными руками
 Отвязал и впряг оленей
 В нарту белую из кости, —
 Все управил и с тоскою
 Обнял вновь, держась за вожжи,
 Ючо, полную печали,
 И сказал ей на прощанье:

«Ючо, Ючо, радость жизни,
 Ючо, мой цветок душистый,

Тяжко мне тебя покинуть,
Тяжко мне, мое страданье
Велико, как это небо!
Об одном тебя прошу я:
Вспоминай почаще в сердце
Вазу, славного шунгура».

«Я клянусь тебе, мой воин,
Пятерней отца Медведя,
Двадцатью его когтями,
Старым кедром в роще ойки,
Где спокон гнездится филин —
Емы — вещий и священный,
Чернозобою гагарой —
Птицей горькой неудачи,
Я клянусь тебе, мой воин,
Ждать тебя с любовью в сердце;
Если ж вести донесутся
О Конце-Концов — о смерти,
Я клянусь Отцом Торымом,
Что умру и в Царстве Мертвых
Отыщу тебя, любимый», —
Так поклялась Вазе Ючо
Клятвой страшной, нерушимой.

«Эмас, эмас!» — молвил Ваза,
Уронив слезу за ворот.
«Будь хорош!» — ему сказала
Ючо, слезы утирая...

В тишине прошла минута,
 Вот олений шест поднялся
 И прошелся по загравкам,
 Тихо скрипнули полозья;
 Дружно дернули олени, —
 И прошла еще минута:
 Вазы не было пред Ючо,
 Только след полозьев узких,
 Как две змейки, извивался
 В тьму ночную, что висела
 Черной трепетной завесой.

Чуть забрезжил Вестник Утра —
 Луч, родящийся на ветке,
 Самой верхней ветке кедра,
 Мейка встал, зевая громко,
 Натянул чулки и сонно
 Оглядел большую юрту:
 У высокого чувала
 В этот час всегда косички
 Заплетала ай-Ючо,
 Пут-котел шипел на углях,
 И оленины готовой
 Вкусный дух ходил по юрте.
 Но на этот раз над путем
 Не склонялась эква-Ючо,
 Поворачивая мясо,
 Чтоб оно не подгорало,
 Угольки прикрыты были

Серой, стылою золою,
От чувала не струился
Синеватый дым в макушку,
И олениной не пахло.

Мейка полог-сап откинул,
Быстро выглянул за юрту
И со сна не скоро Ючо
Разглядел в густом тумане:
Уходя в глухую чащу,
Шаманиха-ночь покровы
За собою уносила,
Разрывая их небрежно
О кривые сучья кедров,
И в прорехи ярко било
Сверху золотое солнце.

Вся в слезах, с тревогой в сердце,
Ючо грустная сидела
На высоком белом камне
И молилась о спасеньи
Вазы, храброго вогула,
Всем богам тайги великой.

«Ты чего там? — крикнул Мейка,
С удивлением и гневом
Подходя к печальной Ючо, —
Сосны, что ли, тут считаешь?...
От безделья тоже дело!»

И, ответа не дождавшись,
Он затряс ее за плечи:
«Отвечай же без запинки:
Почему ушла из юрты,
По какому это делу?»

— «Грустно мне, — сказала Ючо, —
Сон дурной мне снился ночью,
Я ушла сюда из юрты,
Чтоб тебя не беспокоить...
И не жми мне руку, ойка,
Ты могуч, а я бессильна:
Стыдно богу мучить женщин,
Донимать напрасным гневом!»

«Гнев — как вешний снег: растает,
До земли не долетевши,
Ты ведь знаешь, что с тобою
Я хоть грозен, но отходчив,—
Тихо молвил ойка Мейка,
Глядя лапою лохматой
Руки маленькие Ючо,—
Ты не плачь: бессильны слезы,
Слезы портят только зренье,
Больше спи, а сны дурные
Не имеют вещей силы
В царстве бога ойки Мейки!»

«Кто здесь был? — вдруг грянул громом,
Грянул громом ойка Мейка,

Заглянув себе под ноги, —
Чьи следы?.. Кто этой ночью
Смел ходить в моих владеньях?»

Так сказав, взглянул на Ючо
Ойка Мейка грозным взглядом
И, как чуткая собака,
Широко раздувши ноздри,
Свежим следом осторожно
Вышел прямо на тропинку.

Отыскав в траве помятой
Петлю длинную из нерпы
И следы борьбы упорной
Между сали и вогулом,
Шаг за шагом, шаг за шагом
Он читал, как в белой книге
Русый хум читает были, —
Что случилось этой ночью,
Как вогул поймал оленей
И запряг в его упряжку,
Из какой семьи он будет
И куда он путь направил...

Вместе с твердым следом Вазы
Ойка Мейка след увидел
Женских ног и сразу сметил,
Почему спокойно лайки
Спали этой темной ночью
И пустили вора в стадо...

«Эмас! — гневно молвил ойка, —
Не успеет солнце стаснуть,
Вор наказан будет смертью!»

И сейчас же ойка Мейка
Изловил оленей-сали,
Быстро заложил их в нарту,
Легкую, как вешний ветер,
И, скрипя зубами в гневе,
Следом бросился в погоню...

Поднимая тучи снега,
Лесом темным, молчаливым
С диким криком мчался ойка,
Словно ветер в непогоду,
Подгоняя гневной бранью
Тройку дружную оленей;
Нарта прыгала в ухабах,
Как челнок в сердитых волнах,
Шест свистел, и звонко пели
Крепкорунные постромки...

Далеко слышал Ваза,
Что за ним идет погоня,
Он пустил быстрее оленей
Вниз с крутого косогора,
Шест свистел и бил по крупам,
Густо пар валил, и пена
На бегу в пахи набилаь,

Но усталые олени
Не могли поспорить в беге
С яркой тройкой злого бога.
Ближе храп, и ближе топот,
Все яснее хриплый голос
Долетает до вогула.

И прошло одно мгновенье,
Далеко, неясной точкой,
Точкой черной и зловещей
Показалась нарта Мейки.

И прошло еще мгновенье:
Словно выросли олени,
Словно выпрыгнула нарта,
Ясно, ясно видит Ваза,
Как, шестом махая, ойка
Подгоняет тройку сали.

«Стой! — воскликнул ойка Мейка,
С головы снимая шапку,
От которой пар клубился,
Как туманы от урмана, —
Подожди, вогул, немного,
От меня, владыки Мейки,
Не угнать тебе оленей:
Лучше сдайся, вор трусливый!
Я тогда тебя скорее,
С одного удара в сердце,
Без мучения прикончу!»

Торопливо Ваза вынул
 Белый сверток с талисманом
 И, читая заклинанья,
 Развернул рукой дрожащей.

Крепко сжал он в сильном страхе
 Колобок травы сушеной
 И, не глядя, бросил в Мейку,
 А потом погнал оленей
 Вниз в равнину с косогора,
 Ухватившись за постромки.

Вдруг исчезла нарта Вазы,
 Стал невидим ойке Мейке
 След оленей и полозьев,
 Словно кто рукой незримой
 На глазах его две ленты
 Быстро выхватил и спрятал,
 Как и сам он делал часто,
 По глухой тайге скитаясь,
 У охотников под вечер
 Из-под ног воруя тропки...
 И напрасно он старался
 Протирать глаза руками:
 Вазы не было пред богом
 Ни вверху на косогоре,
 Ни внизу, где полог белый
 Снежной вымершей равнины
 Уходил к увалам дальним, —

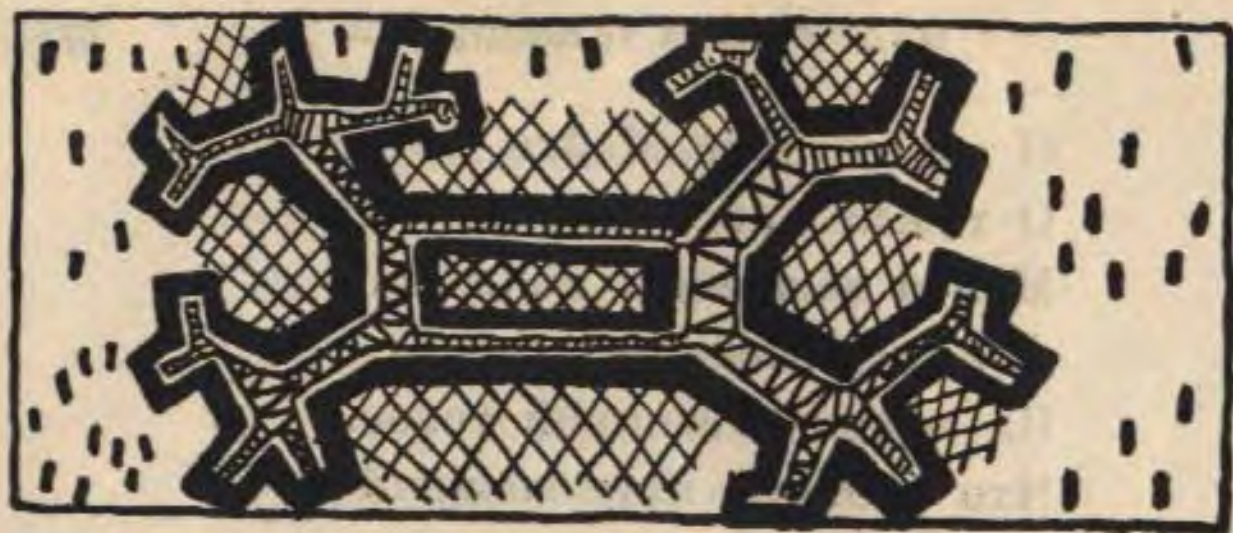
Нарта белая из кости
Мамонта, быка Мухора,
Словно слилась с белым снегом,
Только близко на дороге,
На которой ойка Мейка
Словно вкопанный остался,
Из пушистого сугроба
Встали чахлые кусточки,
И меж ними вислоухий
Заяц в белоснежной шубке
Поперек бежал вразвалку.

Зная верную примету,
Бог суровый ойка Мейка
Долго простоял в раздумьи,
А потом махнул рукою,
Круто повернул оленей
И на всю равнину крикнул:

«Эй, Торым, я знаю, знаю,
Знаю я твои проделки,
Но мое запомни слово,
Старый хрыч, обжора толстый:
Я с тобою потягаюсь!»

В это время Ваза мчался
В царство Шубного Медведя,
Оглашая лес печальный
Грустной песнею о Ючо,

О злодее ойке Мейке,
О тяжелых испытаниях,
Манси выпавших на долю.
А потом запел без страха
На высокий звонкий голос,
Что окончит путь великий
И сюда вернется снова,
И добудет радость жизни —
Свет души, цветок душистый,
Сон прекрасный — ай-Ючо!

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

ТАМГА

«Темный лес, зеленый старец,
Я тебе туманной ночью
Песню новую слагаю:
Под твоей ладошкой теплой
Наливается брусница,
Зреет желтая морошка,
Голубеет голубика,
По кудрям твоим зеленым,
По твоим зеленым пасмам
Скачут с пышными хвостами
Ланги-белки и куницы,
И в полночи таежной
Свет луны висит меж веток,
Как натянутые нити
Пряжи тонкой серебристой,
Между небом и землею!
Лес великий, полный тайны!» —
Пел в веселом опьяненьи
Ваза, юноша прекрасный.

Чаши грустно повторяли
 Эту песню слово в слово,
 Замирая тихим звоном
 Струн, оборванных на гусе.
 «Лес великий, полный тайны,
 Лес, спаситель и хранитель
 наших юрт и наших чумов,
 Помоги тамгу Торыма
 И найти мне, и похитить,
 Скрой меня от гнева ойки —
 Старца Шубного Медведя,
 В этом царстве необъятном!
 Лес, хранитель наших чумов,
 наших лаек и оленей,
 Я тебя прошу, великий,
 Пособить в великом деле!» —
 Так молился Ваза ночью
 Полнолунной, серебристой
 Перед подвигом опасным.

Только день пути до юрты
 Старца Шубного Медведя,
 День пути без остановки
 До истоков рек Оксара —
 Рек Лисицы Чернобурой —
 Отделял его оленей.

Уж верхушки гор высоких,
 Круглый год покрытых снегом,

Словно рядышком стояли.
К ним, как ветер, мчалась нарта,
И от гор навстречу Вазе
Резкий ветер пел и плакал
На рогах ветвистых сали.

Солнце встало в дымке желтой.
«Быть морозу!» — думал Ваза
И, свистя шестом-хореем
Над ветвистыми рогами,
Гнал оленей, что есть силы,
Мимо кустиков талины,
Мимо ласковых березок,
Что приветливо ветвями
Вазе издали махали.

Путь неезженный был труден,
Шел крутым подъемом в гору,
Утомились олени,
Тяжело дышала лайка,
Иглы острые мороза,
Подгоняемые ветром,
Щеки Вазы обжигали.

И когда во мгле янтарной
Золотистой головою
Солнце к горам прислонилось,
Ваза был у юрты Старца —
Ойки Шубного Медведя,
У сосны, разбитой громом.

В темный ельник под увалом
Спрягал он своих оленей,
Привязал собаку-амбу
К толстой ели за ошейник
На крученную веревку
И в молчании глубоком
Долго ждал захода солнца.

И когда сошла на землю
Ночь — таинственная эди,
Ваза встал и молвил тихо:
«Амба, верная Снежинка,
Ляг и жди здесь до восхода,
Не урчи, не бойся духов
И от них хвостом закройся!»

Ваза ласково погладил
Амбу-лайку по загривку,
Отвязал ее от ели,
Лайка возле ног потерлась
И, как комышек, свернулась,
В хвост свой белый и пушистый
Острой мордою уткнувшись.

Ваза взял соарб тяжелый
С рукоятью нарезною
И пошел между деревьев.
Бледный месяц встал над лесом,
Облачка как бы в испуге

Друг за дружкой побежали,
Месяц покатился в небо,
Обливая робким светом
Серебристые наряды
Вековечных стройных кедров...

Оглядевши лес дремучий,
Обронил он луч меж веток
На сосну, что сбила буря,
Путь указывая Вазе:
За сосною чуть виднелась
Юрта Шубного Медведя!

Громкий храп владыки леса
Сквозь бревенчатые стены
Зимней юрты с крепкой дверью,
Плотно пригнанной к запору,
Гулко в чаще отдавался
И пугал трусливых зайцев
В тальниках реки Оксара.

Ваза быстрыми шагами
Подошел к закрытой двери
И за кожаную петлю,
О дверной косяк упершись,
Дернул сильными руками.

С тихим скрипом отворилась
Дверь тяжелая на петлях;

Белый пар ворвался в юрту,
 Чуть светивший тусклый сальник
 Закоптел и острым жалом
 Змейкой вытянулся кверху.
 Ойка Шубный с толстой Мюсснэ
 Спал на нарах... Грудь эквы,
 Обточенные водою,
 Сладко грели спину старца,
 И раскинутые косы
 Изумрудного отлива
 В ноздри круглые струили
 Прель речную и дремоту...
 Крепко спал он и не слышал,
 Как рукою осторожной
 Ваза выдернул из щелки
 Талисман — тамгу Торыма —
 И в молчаньи темной ночи,
 Словно тень, неслышно скрылся...

Но забыл в распахе Ваза
 За собой прикрыть немного
 Дверь тяжелую на петлях,
 И когда шаги затихли
 Вазы, храброго вогула,
 Хитрый ветер из Низины
 Громко хлопнул этой дверью.

Шубный Старец пробудился,
 Растолкал жену в потемках,

Вздур огонь, поправил сальник
И, вобрав глубоко в поздри
Едкий запах человеческий,
Вышел с оханьем из юрты:
В мгле морозной и туманной,
Под луною полнолицей,
На снегу следы вогула
Отдавали синим светом.

«Кто здесь был?» — воскликнул ойка
И, вернувшись снова в юрту,
Захватил свою дубинку
Из березы с корневищем.
По двойным следам он быстро
Пробежал на четвереньках
В темный ельник под увалом,
Где оставил Ваза нарту
Под призором белой лайки.

Хитрый ветер из Низины
Путь указывал Медведю
По сугробам рыхлым снега.
И когда вскочил на нарту
Ваза, крикнувши на сали,
Шест над ними замахнувши,
Лайка, белая Снежинка,
Залилась протяжным лаем,
С ветра тяжкий дух почуя
Ойки Шубного Медведя...

Покатился рев медвежий
 Частым ельником, как буря,
 Ваза бил шестом оленей,
 А навстречу сильный ветер
 Нес взлохмаченные тучи,
 Заметал дорогу Вазе,
 Бил в лицо колючим снегом
 И слепил глаза оленей...

Долго мчались олени,
 Подгоняемые Вазой,
 Вниз к реке по косогору
 И, когда к реке спустились,
 Вдруг упали на колени.

Шест тяжелый бил по крупам,
 Больно тыкал им в затылки,
 Но они дрожали в страхе
 Каждой жилкою под кожей
 И не двигались с места,
 Заколдованные духом,
 Другом старого Медведя.

Вот уж слышится ворчанье,
 Шаг тяжелый ойки-старца,
 И чернеют из сугроба
 Лапы страшные с когтями,
 Бурыми под бурой шерстью
 И кривыми, словно крючья.

«Стой, воришка! — крикнул ойка, —
Знаю я твои проделки,
Не успел ты этой ночью
С перепугу ложь промолвить:
«Я тамгу не крал у ойки:
В том мои повинны руки,
Я же сам не отвечаю
Ни за руки, ни за ноги!»
Знаю я, когда вы братьев
На рогатину берете,
Бьете стрелами из лука,
Вы от страха задалеко,
Скинув шапку перед ними,
Извиняетесь лукаво,
А потом, когда сдерете
Волосатые доспехи,
Вы хороните на время
В землю тушу великана,
Чтоб не влез он снова в шкуру
И не мстил своим убийцам!..
Вашу ложь я знаю, знаю,
Знаю я, когда с охоты
Возвращаетесь в паулы,
Тонды-веш — медвежью маску
Натянув себе на рыло,
Мойбер-якты-пост — медвежьи
Рукавицы на ручищи, —
Вас поклонами встречают,
Чтоб умилоstitивить зверя,

Жены, девушки и дети...
В страхе перед павшим братом
Вы сберетесь на поляну
К пори-жертвоприношенью
И клянетесь долго, лживо:
«Каракийя! Отрекаюсь!» —
Оглашая сильным криком
Лес, задумавшийся крепко
Над безвременной кончиной...
Вы кричите: «Каракийя!» —
И, отрекшись, вновь беретесь
За рогатины и луки,
Отыскав в лесу берлогу!
Вашу ложь я знаю, знаю,
Я один из шубных старцев,
Недоступный вашим стрелам,
Потому что первородный,
А мои другие братья
Сколько лет ясак вам платят
Теплой и пушистой шкурой
И дают еще в придачу
Мойбер-сангт — медвежий череп!
Погоди, воришка глупый,
Я тебя зимой проквашу!» —
Так смеялся Шубный Старец,
Догоняя нарту Вазы.

Семь лучинок Ваза вынул,
Далеко назад отбросил,

И великий лес стеною
Встал с земли, одетой снегом,
До небесных туч поднявшись,
И, укрыв собою Вазу,
Преградил дорогу Старцу.
Даже ветер из Низины,
Взвившись к серым хмурым тучам,
Вновь упал в бессильной злобе
Вниз, откуда он поднялся.
Отлегло на сердце Вазы,
Он легко вздохнул и снова,
Не оглядываясь больше,
Что есть сил, погнал оленей
С звонким и веселым свистом.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ
ОГНЕННАЯ ПТИЦА

Снова дальняя дорога
Лентой длинной и печальной
Побежала перед Вазой.
Дальний путь лежал меж сосен,
Мимо гордых стройных кедров,
По застывшим мертвым речкам,
Над которыми березки,
Голенастые осины
Голышом вдали стояли,
Ветки в небо заломивши...

Дальний путь — как сон печальный,
Что всю ночь до утра снится.
Но безвестная дорога
Не пугала больше Вазу:
Крепче спал он темной ночью
У костра, в медвежьих шкурах;
Меньше лаяла Снежинка,
Если ночью к стану Вазы

Осторожно сали-ун —
Волки стаяй подходили
Шагом робким и неслышным...

Рано утром, на рассвете,
Только солнышко ударит
В белоснежные верхушки
Стройных сосен, хмурых кедров
И в просветах на полянах
Разольется желтым блеском, —
Ваза тут как тут на нарте —
Уж спешит к Ущелью Мертвых,
К Царству дальнему Торыма!

Солнце в марте — в ункер-тылис
Круто к лету повернуло, —
В эту пору плачет Тэли,
Что за мартом скоро будет
Месяц капель и сосулেক,
Что повиснут, как сережки,
На нагих ветвях березы, —
За апрелем — май, дающий
Веткам листья в изобилии —
Лыбыт-этты-тылис месяц, —
Тут конец зиме таяжной
И начало в тундре лета.

В первый месяц — в ункер-тылис
Ваза вынул белый камень

Из-за пазухи и бросил
 Этот камень на дорогу,
 Сильно о землю ударив,
 И тогда случилось чудо:
 Мертвый камень, белый камень,
 И бездушный и безмолвный,
 Стал вдруг птицей белоснежной,
 Наделенной даром речи, —
 Птицей мудрою — сорокой!

Птица вещая сорока,
 Что спокон веков по свету
 На хвосту разносит вести,
 Поднялась с земли и села,
 Трижды крыльями ударив,
 На рога оленя Мейки
 И такую речь держала:

«Храбрый воин, мудрый Ваза,
 Много лет в плену тяжелом
 Заколдованная Хаппо —
 Злым саряты-ху — шаманом,
 Белым камнем неподвижно
 Я на донышке лежала
 Светлой ли — тихой речки.
 Год за годом проносился,
 День за днем летел на крыльях,
 Что во много раз быстрее
 Острых крылышков стрижиных, —

Я на дне лежала в тине,
И вода меня гранила,
Не давая мне покоя.
Подо мной жила сорога,
По весне икру метала,
Выводя мальков без счету,
Мы в ладу и дружбе жили,
Но все рыбы глухи, немые,
И она не понимала
Ничего в моей беседе.

Так бежали дни, и годы
Я уже считать устала,
И меня наносным илом
Навсегда бы затянуло,
Если б я случайно в невод
Вместе с глупою сорогой
К рыболову не попала.
Рыболов-остяк подумал,
Что я белая натырма —
Промысловая примета.
Но недолго пролежала
В кузову я вместе с рыбой!
За несчастья в охоте
Отдал он свою натырму
Ребятишкам на потеху.

Долго дети мной играли
И чутьем души невинной

Воем-птицею прозвали.
 Тут меня увидел старец,
 Безызвестный заклинатель,
 И постиг коварство злое
 Хаппо — хитрого шамана.
 Дальше знаешь: темной ночью
 В низкой юрте на увале
 Он, мою судьбу с твоею
 Навсегда соединивши,
 Так сказал мне на прощанье:
 «Будет день, исчезнут чары
 Злого хитрого шамана,
 Если ты своим полетом
 Путь укажешь в Царство Мертвых,
 Приведешь к ущелью Вазу,
 Где живут умерших души,
 Там оставь его оленей
 И, свободная от мести,
 Колдовства и чар шаманьих,
 Улетай, куда захочешь:
 Дальше сали сами знают
 К Нуму верную дорогу!»

«Эмас, эмас! — молвил Ваза, —
 Хорошо, сорока-птица,
 Будь пособником и другом
 В этом трудном деле Вазы,
 А когда шунгур вернется
 В свой паул, тебя он вспомнит

В песне нежной и прекрасной,
Эта песня разнесется
По лицу земли обширной,
Будет жить она в народе
Дольше насыпей высоких
На могилах позабытых!»

Белоперая сорока
Быстро крыльями махнула
И открыла путь герою.
Дружно тронулись олени,
По колени утопая
В ноздреватом рыхлом снеге,
На котором уж чернели
Пней широкие плешины,
Лысины высоких кочек...

Лайка, белая Снежинка,
С визгом звонким и веселым
Вскачь летела возле парты...
Загорелась в сердце Вазы
Вера, крепкая как камень,
Пламень-вера в избавленье
Позабытого народа!

В день седьмой, на новолунье,
Только месяц родился
И взглянул из голых веток
Тонкой бровью аи-Ючо, —

Лес таинственный в Низине,
Как сказал когда-то старец,
Безызвестный заклинатель,
В облаках морозной пыли
Встал зубчатою стеною...

Белки, юркие воровки,
Отряхая снег пушистый,
На ветвях могучих кедров
Развлекались в перебранке.
А внизу следы лисицы,
Словно тонкая цепочка,
По следам трусишки-зайца
Вперемежку рассыпались,
Пропадая четкой нитью
На снегу в кустах талины...

В тихом сумраке, как тени,
Обегая нарту Вазы,
Крались волки стороною
Шагом волчьим, вороватым,
По следам лосей тяжелых.
Где-то в чаще отдаленной
Волки, окружив лосиху,
Чуть отставшую от стаи,
Враз кидались на загривок:
Сильный зверь их бил ногами,
Разрывая им утробы,
И они ползли по снегу,

Оставляя след кровавый.
Но кругом врагам числа нет,
Где один упал — там двое
Из сугроба вырастали,
И в бою неравном грузно,
Истекая алой кровью,
Падал зверь перед врагами
С перекушенной гортанью.

Проходили дни за днями,
Нескончаемо тянулся
Лес таинственный в Низине,
Снег рыхлел, яснее солнце
В дальнем небе расцветало,
С каждым новым днем все позже,
Будто нехотя, под вечер
С неба скатываясь в чашу...
И сомненье взяло Вазу:
«Скоро Туге, где ж Ущелье?...
Нет конца тайге в Низине!»

«Птица вещая, сорока, —
Тихо Ваза обратился
С осторожной речью к птице, —
Не сердись на любопытство
И прости мне недоверье:
Вот проходят дни за днями,
Снег рыхлется, на полянах
Пни чернеют на припеке,

Кочек лысины желтеют,
 Тяжело идут олени,
 Скоро Туге теплым ветром
 Оживит тайгу и тундру,
 Зашумят ручьи, и реки
 Понесут снега на север,
 На осинах развернутся
 Листья липкие из почек,
 Свесят белые березы
 На конце ветвей бирюльки,
 И тогда мы поневоле
 Бросим нарту и оленей
 И в лесу с пути собьемся!...
 Ты поведай мне, сорока,
 Скоро ль кончим мы дорогу
 И увидим Царство Смерти?...
 Скоро ль будем мы у цели:
 Я измучился душою!»

«Скоро! — молвила сорока. —
 Подожди полудня, Ваза:
 Ты увидишь Царство Мертвых!»

И сбылись слова сороки:
 Ровно в полдень нарта Вазы
 На конце лесной Низины
 Распряженная стояла.
 Темной ямой, страшной пастью,
 Черной пропастью крошечной,

Уходящей в землю-маа,
Между кедров сиротливых
Вход чернел в Ущелье Мертвых.

Чтоб олени не сбежали,
Ваза быстро их стреножила
И пустил пастись у кедров
Под призором верной лайки.

Утром рано на востоке
Солнце на ноги вскочило,
Как заботливый хозяин,
У которого по горло
Дел скопилось под руками, —
Ваза с солнышком поднялся,
Чтоб навеки попрощаться
С птицей вещею, сорокой.
Долго-долго за полетом,
С грустью в сердце, одинокий,
На краю лесной Низины
Он следил, не отрываясь,
Как она крылом мелькала
Над прозрачной кровлей леса.

Грустно стало в сердце Вазы,
Одиноко, но в минуту
Он отвел рукою твердой
Грусть и тайную тревогу,
Быстро впряг оленей в парту,

Потрепал их по загривкам,
 Поднял шест и громко крикнул:
 «Ну, сынки, вперед скорее:
 Путь открытый перед нами!...»

Гулким звоном по ущелью
 Покатился стук копытный,
 Хитрый ветер пел протяжно
 Песни страшные о смерти...

Долго так во тьме застывшей,
 В тишине настороженной
 Мчался Ваза на оленях
 По Ущелью Царства Мертвых.

Вдруг блеснул и снова скрылся
 Змейкой трепетной, далекой
 Огонек на перепутьи,
 А потом через мгновенье,
 Тьму прорезав острой стрелкой,
 Он метнулся, как виденье
 В мраке призрачном и смертном,
 И зажегся синим светом,
 С каждым шагом разгораясь.

И немного пробежали
 Быстроногие олени:
 Перед Вазой загорелись
 В свете дивного сиянья

Семицветный хвост и перья
Птицы Таукси великой.

На высоком белом камне,
Что зовется Камнем Жизни,
Птица Таукси сидела,
Схоронивши клюв под перья,
И за ней раскрыты были
Настежь двери в Царство Смерти.

«Ой-я, ой-я!» — что есть мочи
Ваза крикнул на оленей
И, как вихорь, мимо птицы
Промелькнул на белой нарте.

Птица Таукси вспорхнула,
Вздвогнув, но уж было поздно:
Как июньский яркий сполох,
Из хвоста перо золотое
Трепетало, улетаю,
За вратами Царства Мертвых!

Освещая путь им, Ваза
Миновал Ущелье Мертвых
И увидел пред собою
В блеске огненного солнца
Бесконечную равнину —
Это было Царство Смерти,
Путь прямой к Отцу Торыму!

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Будьте милостивы к мертвым,
Чтоб они без мук и скорби,
Там, за гранью, на Равнине
Царства дальнего Торыма
Не нуждались в самом нужном:
Вы снабдите их могилы
Для еды посудой разной,
Луком крепким для охоты,
Заготовьте стрел побольше,
Дайте шило им в дорогу,
Ниток из оленьих жил, обувку,
Сети, верши для рыбалки,
Если можно, даже нарту,
Чтоб друг к другу ездить в гости,
Дайте звонкий гус и пензер,
Табакерку, трут и трубку, —
Это все им пригодится!

Будьте милостивы к мертвым,
Смерть и вас на перепутьях
Караулит терпеливо...
Все рожденное не вечно,
Все живет и умирает
И рождается в новом свете
В царстве дальнего Торыма, —
Все умрет, и день вчерашний
Не придет и не вернется!
Только сильные шаманы
Возвращаются на землю,
Но в другом уже обличьи
И с другими именами!

Будьте милостивы к мертвым,
Чтите память в даль ушедших,
Помня то, что в Царстве Торма
Тени их живут и помнят
Вас, оставшихся до срока
В маа — временном приюте...
Чтите память вдаль ушедших,
Поминайте в чумах чаще,
Соблюдайте все законы,
И народ тогда не вымрет!

Мимо чумов молчаливых
По немой равнине ехал
Ваза-воин, сам не зная,
Сколько дней прошло с той ночи,

Как вступил он в Царство Мертвых,
Ибо солнце над равниной
С той поры и днем и ночью
Незакатное стояло.

В стороне стада оленей
Без призора и охраны
Ягель — сладкий мох искали,
И рога их, как кустарник
В сильный ветер, колыхались...

На большой поляне речка,
Словно сонная, катила
В берегах своих пологих
Воды мертвые, в которых
Синева небес высоких
И зари густой румянец
Никогда не отражались.

Возле этой мертвой речки
Ваза в первый раз увидел
Дым костра, в кустах талины
Чум пустой, двух тощих лаек,
Что у входа в чум сидели
И на Вазу не лайнули:
Шерсть их клочьями сваллась,
На боках и по хребтине
Вылезла, как в голодуху,
И глаза точили в землю

Слезы мутные, собачьи...
В колебании легких теней
Бубен, словно сквозь дремоту,
Рассыпался частой дробью
Под невидимой рукою,
Кто-то пел тоскливо песню,
Кто-то плакал и шептался
Страшным шопотом могилы...

Стало жутко, одиноко...
Вспомнил Ваза речку Ксенту
С быстрой мутною водою,
Вспомнил он тайгу, низины,
Сумрак леса векового,
Песни птиц и песни сосен,
Чумы, лаек и вогулов...
Вспомнил он невесту Ючо,
Побежала кровь быстрее,
Сердце в грудь заколотило,
Поднял Ваза шест олений,
Крикнул голосом могучим,
Так что трижды прокатилось
По безжизненной равнине:
«Ну, сынки, вперед к Торыму:
Путь свободный перед нами!»

Снова мертвая равнина
Закружилась в быстром беге,
Отходя далеко в небо,

С небом вдалеке сливаясь
Белизной своей печальной...
В стороне леса стояли,
Потонув в густом тумане,
Но не слышно было в чащах
Ни заливистого пенья
Звонких птиц, ни шума ветра;
Сосны, кедры и березы,
Как в дремоте, опустили
До земли сухие ветки, —
Ни листа на них не видно,
Ни набухшей липкой почки
С изумрудною росинкой,
И от желтых игол кедров
Шел тлетворный дух могилы.
Проезжая вдоль опушки,
Ваза разглядел в тумане
В кедраче табун сохатых,
Волки с впалыми боками
И горбатые медведи
На хребтах с седой шерстью
Сонно по лесу бродили,
Не глядя в глаза друг другу.
Чернобурые лисицы
Не гонялись по мшарине,
Распушив хвосты на ветер, —
Не играя, не мышкуя,
Возле пней они недвижно,
Словно тени их, лежали...

Только лишь страшливый заяц
Поднял трубочками уши,
Но не прыгнул от испуга
И на лапки не поднялся,
Чтобы в путника взглядеться,
Страх смешавши с любопытством...

Ваза раз за лук схватился,
В трех шагах увидя лося, —
На рогах его, казалось,
Было больше ста развилок, —
Отобрал стрелу побольше
На конце с железным шилом:
Как пчела, стрела запела,
Отыскала сердце зверя,
Сердце, грудь прошла навылет,
Но, встречая смерть, не вскинул
Зверь могучими рогами
И не грохнулся на землю...

«Что за диво! Что за диво!?
Неужели я с дороги
Окривел на оба глаза
И впервой в такого зверя
Мог с придела промахнуться?...» —
Так подумав, мадур Ваза
Круто повернул оленей
И помчался напрямую
По безжизненной равнине...

Грустно Вазе было слушать
Тишину ее немую,
Он не мог смотреть подолгу
С нарты в пепельные дали,
Ваза в страхе громко гикал
И махал шестом-хореем,
Но и без того олени
Вскачь летели по равнине,
Словно им самим хотелось
Поскорей умчаться дальше
От могильного молчанья...

...И в молчании могильном
Мадур Ваза вдруг услышал
Голос тихий и печальный:

«Мадур! Воин ясноглазый!
Придержи немного сали,
Мне за ними не угнаться! —
Вазе слышалось дыханье,
Стук копыт и храп оленей,
Словно кто-то за спиною,
Невидимый и могучий,
Мчался, Вазу нагоняя... —
Мадур, воин ясноглазый,
Придержи своих оленей:
Я прозваньем Кровь Большая —
Яный Келб, о прошлой жизни
Я хочу тебе поведать!»

Ваза вспомнил сказки дедов,
Были лет, давно минувших,
И, немного обернувшись,
Придержал своих оленей...

«Мадур-воин, — слышит Ваза, —
Это было в год тяжелый,
В год печальный и несчастный:
Из-за гор, покрытых снегом,
Словно вешние потоки,
К нам вбежали вымим-яги,
Злые русские варнаки!

Вел их волк, старик железный,
С белой длинной бородою,
Что до пояса кольчугу
Белым снегом прикрывала...
Вместе с ним монах угрюмый
В длиннополой черной рясе,
Что была чернее ночи,
Беспроглядней тьмы осенней...

Как огонь еловой чащей,
Словно мор оленьим стадом,
Проходил бояр с дружиной,
Оставляя за плечами
Черный дым больших пожаров,
Груды тел и рыхлый пепел
На местах паулов людных,

А монах над мертвецами
На пожарищах молился
И оставшимся живыми
Говорил о новом боге,
Будь он проклят, будь он проклят
Трижды, трижды — хурум, хурум!

Против старого монаха
И его слепого бога,
Против крепкого железа,
Изрыгающего пламя,
Грудью встали на защиту
Жен, детей своих и чумов
Манси — храбрые вогулы...

Долго бились, крепко бились,
Но измена средь народа
Подточила наши силы:
Старый волк с монахом тощим
Взяли нашу землю-маа,
Наши реки и уголья,
Обложили наши дымы,
Наши чумы тяжелой данью,
Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно.

Вместе с ними к нашим юртам
Смерть на корточки присела
Посылая нам болезни,
Нашим сали мор таежный...

Словно маа выпирала
Бородатых лиходеев,
Не сдержавши их в утробе,
С каждым днем их было больше, —
Мы же падали и гибли,
И народ редел, как чаща
Под соарбом дровосека!

Горе! Горе! — говорили
Старцы — вещие шаманы,
Испокон веков не помня
Горя страшного такого...
Горе! Горе! — повторяли
Грустным шопотом за ними
Старики и молодые...
Горе! Горе! — лес шептался;
Горе! Горе! — пели птицы;
Горе! Горе! — зверь таежный
Говорил нам непонятно
На наречии зверином;
Горе! Горе! Горе! — рыбы
Забивались под коряги,
Хабы с клювами-носами,
С парусами посередке —
Лодки русские завидя...
Горе! Горе! — я промолвил...

И однажды темной ночью
На медвежьей лапе в чуме

Страшным словом я поклялся
Отомстить лихим пришельцам...

С той поры, не умолкая,
Голос мой, как звонкий бубен,
Бил тревогу неустанно,
Призывая манси к битве.
Потекли ко мне вогулы,
Как притоки в нашу Ас'я
Многоводною весною, —
С каждым днем и каждым часом
Умножались наши силы!

День настал... у стен острога,
Где засел бояр с дружиной,
Наши стрелы зажужжали,
Как стрекозы над водою.
Из бойниц в ответ пушканы
Загремели белым громом,
С кромким кличем черной тучей
Манси двинулись на приступ
Из болотистой низины
В гору к черному острогу;
И с утра до темной ночи
Мы дрались вверху на кручах...

Десять раз к острожным стенам
Подходили наши силы,
Десять раз они в низину

Без победы уходили.
Смерть не миловала манси:
Кровь с горы ручьем бежала,
Мертвецы, разбросив руки,
Шевелились под ногами.
И пошел в народе манси
Ропот, ужасом рожденный:
«Мертвых много, много мертвых!
Не пойдем мы больше в битву:
Нам давно пора в паулы!»

Голос мой, как детский лепет,
Утонул в трусливом шуме,
И никто меня не слушал...
Наступили дни печали,
Дни бессильного страданья,
Но пришли на помощь боги,
Порешивши на совете
Дать вогулу Кровь Большая
За его любовь к народу
Талисман великой силы:
Бровь-стрелу богини Таран,
Матери огня и гнева!

С этим дивным талисманом,
С храброй кучкою героев
Я поджог острог стрелою,
Как в силки, словил варнаков,
Вздернул их башки на колья,

Взял в полон лису-бояра
И к нему крученым лыком
Привязал лгуна-монаха.

Но запомни, мадур Ваза,
Люди русские обиду
Не прощают даже мертвым,
Не уйти от них, не скрыться
Никому на этом свете!

Через зиму в нашу землю
Грозный белый хон Роч-маа,
Где живут худые люди,
Лиходеи, лихоимы,
Душегубы и варнаки, —
Выслал новые дружины.

Впереди шел, за плечами
С золоченою секирой,
Воевода князь Давыдка,
Рядом с ним монах ученый
С книгой и крестом под мышкой:
Был он толст и очень грузен,
И его ташили люди
На большом щите червленом.

На реке, где мост из бревен
Сделан был для перехода,
Наши силы повстречались:

Смерть не миловала манси,
Скоро дрогнули вогулы
И, как мухи, разлетелись...
Только с кучкой небольшою
Храбрецов, искавших смерти,
Я за всех один держался,
Окруженный плотной цепью.

Бой неравный равен смерти,
Много ль времени ей надо
Сосчитать сердца героев:
Пали все, и я остался
На мосту, один над речкой,
Красной от вогульской крови,
Словно рдевшей на закате.

Русский воин — сын боярский
В позолоченной кольчуге —
Длинной острою секирой
Замахнулся надо мною...
Не сробел я, увернулся
И, схватив его за плечи,
С моста, скользкого от крови,
Вместе с ним свалился в воду...
Тяжела была кольчуга,
Крепки, цепки были руки
У дородного бояра...
Скоро мы на дно речное
Опустились с ним навеки!

И теперь идет в народе
Слух, что рано перед утром
У острога, над рекою,
Чьи-то тени выплывают,
Кто-то борется и стонет,
И зовет к себе на помощь...
Слушай, мадур, это правда,
Это я борюсь с бояром
И борьбу свою окончу,
Если ты с великой вестью
Возвратишься от Торыма.

Я тогда опять воскликну:
«Смерть вам, смерть вам, выним-яги —
Злые русские собаки!»
И, вернувшись вновь на землю,
Поведу народ к победе!»

«Будь хорош!.. Пора в дорогу!» —
Тихим голосом ответил
Ваза призрачной и скорбной
Тени Яный Келб — вогула,
Храбро кончившего битву,
И в ответ стозвучным громом
«Будь хорош!» вдруг покатилося
По простору Царства Смерти.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

ПЕНЕГЕЗЕ

Бойко гнал оленей Ваза,
Солнце падало на землю
И, земли едва коснувшись,
Снова в небо подымалось,
Словно медленная чаша —
Огневая, золотая
Чаша вечности и жизни.
За спиной широкой Вазы
Расстиралось Царство Мертвых
Белой призрачной равниной,
И по ней лишь след от нарты
Да следы копыт блестели.

Сколько дней так мчался Ваза,
Он и сам со счету сбился
И в какой-то срок безвестный
На заходе, там, где солнце,
Как в раздумии глубоком,
Неподвижное стояло, —

В облаках увидел стену,
Что в длину не знала меры,
В вышину же уходила,
Быстрых облаков касаясь
Золочеными зубцами:
Это было Царство Нума!

У столбов, обитых медью,
Где сходились наглухую
На железных крепких петлях
Половинками ворота,
Ваза слез с точеной нарты,
Потрепал уставших сали
По намыленным загбивкам,
Быстро руку к сердцу сунул
И достал тамгу Торыма —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма.

Поднял он тамгу высоко,
Подошел с тамгой к воротам,
Постучал и громко крикнул:
«Отворите, кто здесь слышит?!»

Но никто не отзывался
За зубчатою стеною...
Тихим звоном не звенела
Цепь железная на крючьях,
Не стучал запор тяжелый,

И ворота не скрипели,
Открывая путь герою...

«Отворите, кто здесь слышит?! —
Громче крикнул мадур в гневе
И семь раз тамгой ударил. —
Отворите, кто здесь слышит?...
Отворите мне ворота!
Отворите, отворите!»

«Если дух ты беспокойный,
То зачем тебе ворота, —
Кто-то Вазе отозвался
Непреклонно и сурово. —
Если ж ты, пришелец, смертный,
Покажи тамгу Торыма —
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма...
Только смертным здесь не место:
Никогда я их не видел,
Этих трусов и лентяев,
Недовольных и слезливых,
Воссылающих молитвы
В наше неземное царство!»

«Я похитил нарту Мейки! —
Молвил гордо мадур Ваза, —
Я тамгу Торыма отнял
У великого Медведя,

У меня перо золотое
Птицы Таукси священной!
Я прошел на нарте Мейки
Царство Мертвых, Царство Смерти,
И теперь у Царства Нума
Три оленя золоторогих,
На которых я свершаю
Славный путь к Отцу Торыму,
Бьют копытами о землю:
Позабудь пока о смертных,
Здесь не место перекорам, —
Громко в третий раз тамгою
Я стучу тебя в ворота:
Отвори же, отвори же!»

«Пайся, пайся, ойка рума! —
Отвечал хранитель входов,
Дух в обличьи человека. —
Ты прости меня, пришелец,
Будь ты в гневе так же краток,
Как ты краток в смелом слове!
Эти крепкие ворота
Никогда не раскрывались
Перед слабым человеком,
И никто бы не поверил,
Что с тамгой подкатит мадур
И промолвит: «Отворите!»
Видно, мы с тамгой чудесной
Самого лентяя-ойку,

Старика, Отца Медведя
На поклон к отцу Торыму
Столько лет напрасно ждали!»

«Пайся, рума, ойка рума», —
Огвечал учтиво Ваза
Отворившему ворота
И махнул рукой проворной
В знак сердечного прощанья:
«Будь хорош, хранитель входов —
Я спешу к Отцу Торыму!»

«Берегись, вогул! — ответил
Дух в обличьи человека, —
Берегись ты по дороге
Людоеда Пенегезе,
Великана и обжоры:
Он живет неподалеку!
Если он заметит нарту,
Разглядев ее спросонья,
То проглотит, не поморщась,
И тебя и быстрых сали
С белоснежною собачкой
И в муку размелет нарту
Из костей быка Мухора:
Берегись же Пенегезе!
Храбрый мадур, берегись!»

«А потом, — сказал привратник,
Дух в обличьи человека, —

Если ты избежнешь встречи
С людоедом и обжорой,
Великаном Пенегезе,
То в пути наверно встретишь
Молодую чаровницу...
Мадур, будь тут крепче камня,
Крепче синего железа:
Глубже спрячь под ребра сердце,
Не давай ему при встрече
Близко, крепко прижиматься
К сердцу нежному колдуньи.
Мадур, так она прекрасна,
Логарь — нежная колдунья!
С красотой ее бороться
В пору разве только Нуму,
Да и тот подчас бессилен
Устоять пред наважденьем:
Мадур, так она прекрасна!
Но запомни, друг мой юный,
Ты погибнешь в тонкой сети,
Что плетет она незримо
Из улыбок и объятий:
Ты пойдешь навстречу смерти,
Помни, мадур, помни, помни!
А теперь я пожелаю
«Будь хорош!» тебе в дорогу!»

«Помосинэ, дух великий,
Много раз тебе спасибо

За хорошие советы;
Будь здоров, мой ойка-рума!» —
Молвил Ваза, поклонившись,
И, махнув шестом тяжелым,
Словно лебедь в час заката,
Полетел к шатрам Торыма.

Под копытный стук оленей
В гордом, смелом сердце Вазы
Песня звонкая слагалась
Славы, счастья и победы:
«Скоро путь мой будет кончен:
Близок я к желанной цели!
Скоро, скоро в нашу землю
Я вернусь к родимым чумам,
На рогах моих оленей
Привезу я луч из Царства
Бога вечности Торыма,
К берегам Конды и Ас'я,
К берегам озер и речек,
К чумам, капищам и юртам
Я прибью три вещих слова
Славы, счастья и победы —
Три таинственных зарубки,
Сделанных рукой Торыма
На моем шесте-хорее!
Я вернусь к родимым чумам
Вместе с нежною невестой —
С дорогой ай-Ючо!»

Не допевши до середины
 Песню счастья и победы,
 Мадур вдруг остановился
 И увидел Пенегезе,
 Великана и обжору,
 На своем пути с дубиной:
 Широко расставив ноги,
 Пенегезе на героя
 Пучил бельмы слюдяные,
 По бокам железной шапки
 Выбивались густо космы,
 На плечах в хвосты свиваясь,
 И на пальцах рук саженных
 Под рысиной серой шкурой
 Злобно когти шевелились.

Взвыла лайка, ошетинаясь,
 Залилась протяжным лаем,
 Тройка сали быстроногих
 В страхе в сторону метнулась,
 И шунгур на крепкой нарте
 Еле-еле удержался.
 «Стой, парнишка, стой, хаплюга! —
 Крикнул грозно Пенегезе, —
 Ты зачем сюда явился?..»

«Уходи с моей дороги,
 Комариное отродье, —
 Отвечал бесстрашно Ваза

Великану Пенегезе, —
Видишь, вот тамга Торыма
Обвила мне крепко руку,
Вот перо священной птицы,
Вот мой лук, колчан и стрелы,
Вот топор — саырб тяжелый,
С топорщицем в полсажени,
Вот, оттянутый как жало,
Нож-касай, и, если мало,
Если большего ты хочешь,
Проглоти меня и сали,
Костяную нарту Мейки,
А потом тебе я брюхо
Распору ножом железным,
Засажу саырб меж ребер,
За которыми ты прячешь
Сердце жадное и злое, —
Хлынет черная, как сажа,
Кровь твоя, и ты подохнешь,
Враг живущих — Пенегезе!»

Скрипнул острыми зубами
В сильном гневe Пенегезе
И, махнув рукой мохнатой
В ноздри пенные оленей,
Диким смехом раскатился:

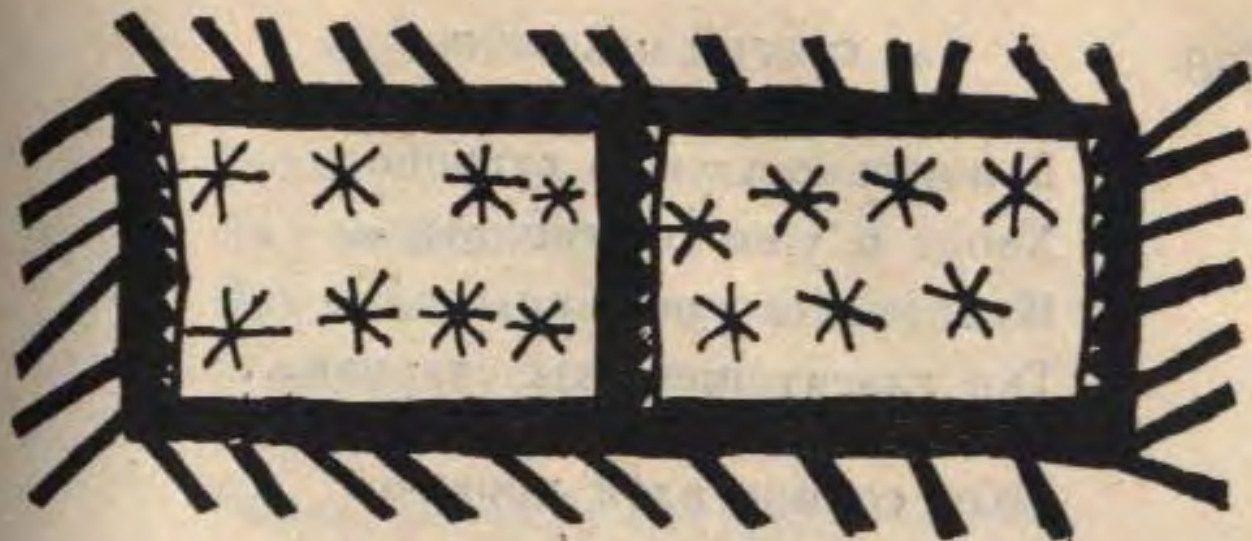
«Испугал меня, парнишка!
Испугал, хвостун трусливый,
Великана Пенегезе!»

«Отойди с моей дороги! —
 Перебил без страха Ваза. —
 Отойди, иль будет худо:
 Знай, на этот раз никто уж
 Не сожжет тебя, тлетворный
 Едкий пепел твой на ветер
 Не развеет, чтоб пылинки
 По тайге необозримой
 Разлетелись комарами, —
 Так разделался когда-то
 С двойником твоим по крови
 Хитроумный мадур Итьте,
 Богатырь из Йаран-пелек —
 Стороны, где самоедин
 Скачет в санках на собаках, —
 Я расправляюсь по-иному:
 Я тебя зарюю в землю,
 Придавлю могилу камнем
 И на нем своим касаем
 Четко вырежу на память
 Слово тяжкое проклятья;
 Отойди же, Пенегезе,
 Комариное отродье,
 Отойди с моей дороги!»

«Мадур ты среди младенцев! —
 Прохрипел в ответ герою
 Враг живущих Пенегезе, —
 Нагоняешь зря ты страху:

Я бессмертен, как все боги,
Как великие шаманы,
Что живут, не умирая,
В здешнем Царстве ойки Нума!..
Ты украл тамгу Торыма
У слепого простофили,
Старца Шубного Медведя:
В этом все твоё спасенье
Будь хорош... прощай, парнишка!»—
Так осек свою насмешку
Враг живущих Пенегезе,
На таком последнем слове
Дикой злобой подавившись.

Великан ушел в ущелье,
Тяжело передвигаясь
На кривых ногах, а Ваза,
Проводив его глазами,
Молчаливо улыбнулся...
Соскочил он с крепкой нарты,
Из-под ног дрожавших сали
Быстро выправил постромки,
Вывел нарту на дорогу,
Поднял шест-хорей высоко
И помчался быстрой тенью
В Царство Мирры-Суснахумма,
Полный радостной надежды.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ
ЛОГАРЬ

Если падают олени,
Если волки воют ночью,
Если заяц торопливо
Из куста смахнет к дороге
И дорогу хитрой петлей
Обовьет и перережет, —
Быть несчастью! — скажут люди.

Если сали выбивает
Ровный стук копыт по насту,
Если волки на опушке,
Разложив хвосты по снегу,
В ряд сидят на задних лапах
И, не двигаясь с места,
Только щурятся на сали, —
Если зайцы только ночью
Выбегают на дорогу,
Чтоб запрятать у талины,

В норку теплую в сугробе
Хвост и уши от лисицы, —
Быть тогда удаче в деле! —
Так гласят приметы старцев...

Если солнце алой кровью
Обольется в час заката, —
Быть тогда бурану утром!..
Если солнце желтой медью
Полудит края у тучи
В тихий вечер на заходе, —
Быть тогда морозу утром!..
Так приметы мудрых старцев
Говорят своим потомкам
Строго, вечно, неизменно,
Как времен чередованье,
Как язык судьбы суровой.

Твердо помнил мадур Ваза
Эти верные приметы,
Продолжая путь свой дальний —
Путь к Отцу земли Торыму...

Твердо помнил мадур Ваза,
Что большое испытанье
Ждет его в пути далеком,
Что нельзя его объехать,
И ему придется встретить
Ими-аи, молодую
И прекрасную колдунью!

Ровно в полдень на равнине
 Над заснувшею рекою,
 Над бесшумной мертвой речкой
 С мертвой серою водою,
 Где вовек не отражался
 Облак, по небу бегущий, —
 Он увидел чум богатый,
 Он услышал переливный
 Звон невидимого гуса,
 Что к нему просился в сердце,
 Сладко в сердце замирая...

Чей-то нежный, тихий голос
 Пел задумчиво и страстно:
 «Юный Ваза, храбрый воин,
 Я тебя ждала с любовью,
 Я тебя ждала, мой мадур!
 Ты пришел на нарте Мейки,
 Что он выточил из кости
 Мамонта, быка Мухора,
 И тамга Торыма крепко
 Руку сильную обвила,
 И в руке перо златое
 Птицы Таукси великой
 Блещет, как июньский сполох!
 На твоём лице суровом
 Не прочесть твоих желаний,
 Ты — как дух, как бог из маа,
 И с тобою рядом боги

И бессмертные шаманы,
Чго живут в стране Торыма,
Никогда не умирая, —
Меркнут в сердце ай-Логарь,
Как в восходе солнца звезды!..
Ваза, юноша прекрасный,
Ты стоишь передо мною
Хмурый, статный и высокий,
Словно кедр перед березкой,
От тебя, от щек широких,
Опаленных вольным ветром
Тундры с мерзлою землею,
Как от майских зорь по-утру,
Тянет холодком и силой, —
Ваза, юноша прекрасный,
Я тебя ждала с любовью,
Я твоя, мой победитель!
Я тебя люблю, как брата!»

Песня смолкла, струны гуса
Отгудели медным звоном,
Двери чума отворились,
И навстречу Вазе вышла
Логарь в дорогих одеждах,
Тонко вышитых узором,
Много требующим ниток, —
Ханды-ханчъ, где по проталам,
Под лучом зари неясной,
Кругом рябушки-тетерки

Друг за дружкой ходили,
А средь круга черным шелком
Вышит был черныш таежный:
Пышный хвост свой в виде лиры
Токовик высоко вскинул,
Крылья в стороны отставил,
И, уткнувшись клювом в землю,
Веки красные прикрывши,
Песню страстную зачатъя
Бормотал на всю округу.

Вышла Логарь на дорогу
И ресницы опустила,
Позади ее стояли
Две служанки с угощеньем.

Нарта Вазы поровнялась
С чумом ай-чаровницы,
Лайка белая, щетинясь,
Недовольно заворчала.
«Пайсе, Ваза, пайсе, мадур,
Придержи своих оленей,—
Нежным голосом герою,
Вспыхнув радостным румянцем,
Говорила ай-Логарь,—
Придержи, стреножь оленей:
Ты устал с такой дороги,
Ты найдешь здесь всласть и вдоволь
Свежий мед и много мяса,

Много сладкой теплой крови,
Ты найдешь огонь в чувале
И на мягких теплых шкурах
Отдохнешь с дороги дальней!»

«Помосинэ, помосинэ —
Много раз тебе спасибо! —
Отвечал учтиво Ваза,
Придержав своих оленей, —
Я спешу к Отцу Торыму!»

«Ваза, — громко перебила
Логарь, ими-чаровница, —
Ваза, ты меня не любишь!
Знаю я, ты слышал сказку
От привратника у входа
В это Царство ойки Нума,
Но зачем же ты поверил
Старцу, дряхлому и сердцем,
И пустою головою,
Ты не верь, не верь, мой воин,
Этой сплетне недостойной,
Ты не бойся, ты не бойся,
Не страшись меня, мой мадур,
Будь мне братом и от чума
Не гони своих оленей,
Не отведав угощенья!»

Логарь грустно замолчала;
Тень легла на изумруды

Под пушистые ресницы,
 словно вечер непогожий
 Опустился к двум озерам...
 Словно капли дождевые,
 Предвещающие ливень,
 Две слезы на грудь скатились,
 Что порывисто дышала
 Под ягушкой дорогою,
 Отороченною мехом.

«Ты меня не бойся, воин, —
 После долгого молчанья
 Логарь Вазе повторила, —
 Я давно ждала героя,
 Я тебя желала встретить!
 Часто утром на восходе
 Выходила я из чума
 И глядела на дорогу:
 Вот блеснут рога витые,
 Вот услышу громкий голос,
 Подгоняющий оленей!
 Но в дали из года в годы
 Лишь одни лучи сияли,
 Надоевшие мне хуже
 Побрякушек и подарков
 Старца Нума и шаманов
 С их любовью застарелой
 И ломотой в пояснице...
 Но в дали, сгоняя тучи,

Только ветер откликался
На тоску моих желаний!
Ваза, Ваза, ты не знаешь
Ничего про ай-Логарь!
Ты не слышал сказок, песен
О судьбе ее печальной:
Их наверно позабыли!..
Я рассказывать не буду,
Отчего я в Царстве Нума
И за что себе бессмертье
Вместе с чарами колдуньи
Получила я в награду;
Я рассказывать не буду,
Как старик сластолюбивый,
Нум, отец наш и хозяин,
У родных меня похитил,
Соблазнившись красотою
Девы робкой и невинной...
Я скажу лишь, что кончину,
О которой каждый смертный
Втайне думает со страхом,
Приняла бы я за счастье!..
Что мне в том, что я бессмертна...
Я печальна, одинока...
Одинока... и несчастна...
Часто вечером у чума,
Только выскочит на небе
Полумесяц, так похожий
На молочный зуб младенца,—

Опускаясь на колени,
Я молилась на дорогу:
«Приведи ко мне, дорога,
Мужа сильного и друга!
В одиночестве, в печали
И в тоске своей суровой
Я готова смерть-старуху
Обласкать, как мать родную,
Кровь смешать с твоею пылью,
Вылить плоть свою на землю
Царства Вечного Торыма
И его закон бессмертья
Злой погибелью своею
На его глазах нарушить:
Есть ли радость, есть ли счастье
В этом холоде мерцанья
Звезд в венце Владыки Света?..
В блеске золотого солнца,
Что свои живые струи,
Как недолгую награду
Шлет без счета и разбора
За зубцы стены высокой!»
Так бегли за годом годы,
Я уже считать устала,
Но в душе, глухой и темной,
Как звезда на дне колодца,
Затаился свет волшебный
Ожиданья и надежды:
Я тебя ждала, прекрасный,

Как стрела перед полетом!
Как стрела с тугого лука,
Я рвалась к тебе навстречу!
И случилось, что желалось:
Ты пришел, но в миг счастливый
Ты молчишь, и ты боишься,
Ты боишься к аи-Логарь
В чум войти гостеприимный,
Выпить теплой сладкой крови,
Отдохнуть на мягких нарах,
На пушистых теплых шкурах
Ты боишься, храбрый мадур,
Победитель людоеда,
Великана Пенегезе, —
Ты боишься, ты боишься
Одинокой слабой Логарь!»

Логарь смолкнула, а Ваза
Улыбнулся и ответил:

«Помосинэ! Помосинэ!
Много раз тебе спасибо
За такое приглашение!
Ты не думай, что мне страшно
Заглянуть в твой чум богатый,
Что страшусь я ими-аи!
Нет, не дрогнет сердце Вазы
Перед чарами колдуньи,
Ничего он не боится:
Любит он свою березку,

Мен'ен — верную невесту,
Аи-Ючо — радость жизни».

Ваза слез с высокой нарты,
Шест воткнул глубоко в землю,
Привязал к шесту оленей,
Наказал их караулить
Лайке, беленькой Снежинке,
И пошел за Логарь в юрту.

Снова сладко струны гусов
Медным звоном загудели,
Барабан веселой дробью
Вторил в лад их нежной песне,
А когда на нары мадур
Сел с волшебницей Логарь,
Две служанки за завесой
Песнь запели о герое,
Победившем Пенегезе:

«Он пришел из снежной тундры,
Он пришел, бесстрашный воин,
Долго, долго, дни за днями
Ждали мы его прихода,
Каждый день на барабане
Мы гадали о герое,
Каждый день пытали духов!

Слово духов непонятно,
Слово духов — шопот старцев,

Лепет маленьких младенцев,
Крики птиц, не спящих ночью,
Голос зверя в темной чаще, —
Слово духов непонятно!

«Что ты видишь?» — мы пытали
Духа ночи о герое...

«Вижу я, — нам дух гнусавил, —
Летний лес и круглый камень,
Под луной золотоокой
Вижу зимнюю поляну,
На снегу в большом сугробе
Лапы Шубного Медведя,
Лес, поднявшийся до неба,
Преградил ему дорогу;
Слышу свист и пенье ветра
Меж ветвей рогов оленьих,
Вижу, к нам несется мадур
На точеной белой нарте,
Над быком оленьим — хором
Птица вьется белым пухом,
У постромок громко лает,
Громко лает собачонка!» —

«О, скажи, нам, мудрый ойка, —
Мы испытывали духа, —
То, что ждет, что не родилось,
Но что будет и не минет,
Что зовется днем грядущим,

Можешь ты об нем поведать?...
О, скажи, открой нам тайну!»

«Ближе, ближе слышен топот,
Это он на тройке сали,
Это он стучит в ворота, —
Отвечал нам дух сердито, —
Пенегезе точит зубы,
Точит зубы Пенегезе,
Кийя-юйя, кийя-юйя!...

Пенегезе промахнулся:
Верно целил Пенегезе,
Но стрелу отдуло ветром!
Выходите, ждите, едет,
Собачонка лает громко,
Едет близко, юйя-кийя,
Кийя-юйя: тут он, вот он!»

Смолкла песня, и завеса
Опустилась перед Вазой, —
Как оборванные листья
Вьются осенью прозрачной,
Закружились в честь героя
В танце легком и красивом
Две служанки ай-Логарь...

«Я не видел, — думал Ваза,
Этих странных танцев в тундре

Ни у аи, ни у эква —
Ни у девушек, ни женщин!»

Логарь знак дала служанкам,
Смолкла музыка и пляска;
Десять слуг вошли попарно
С угощением для героя...
Пышных шкур рукой касаясь,
Слуги молча поклонились
И ушли из юрты Логарь.

Поклонились так же низко,
Пышных шкур рукой коснувшись,
Музыкантчики — шунгуры,
Игроки на звонких гусах,
На свирелях и на бубнах
А за ними ими-баба,
Ветхой древности старуха,
Нянька старая колдуньи
И сама колдунья тоже,
Вышла, только без поклона.

Логарь к Вазе чуть склонилась
И расшитую ягушку
Незаметно распахнула...
Незаметно для героя
Белой пышною рукою,
Как весенним хмелем, шею
Загорелую обвила

И раскрытыми устами,
Где, как кипень на прибое,
Зубы ровные белели,
К сердцу Вазы потянулась.

Синий дым наполнил юрту,
Где-то музыка звучала,
С нежной песнею сливаясь,
Ваза слушал эту песню,
Слов ее не разбирая,
В забытии не замечая,
Как его целует Логарь,
Как, обняв его колени,
Ими-дева, ай-Логарь
Ухо шопотом щекочет.

«Я твоя, твоя, мой мадур,
Я твоя, мой муж любимый...
Разве ты не видишь ласки
И не чувствуешь лобзаний?...
Ваза, юноша прекрасный,
Погляди в глаза мне прямо,
Улыбнись мне поскорее:
Я в твоих глазах увижу
Синий чум родного неба,
О котором я тоскую!
Вижу, вижу: над землею
Виснут дружными стадами
Утки, тундровые гуси,

Журавли с протяжным криком,
Словно бисерные нитки
И жемчужные цепочки,
Что весна — царица Туе
Оборвала с тонкой шеи
И рукою шаловливой
Над тайгою обронила!
О, проснись, открой мне сердце:
Я твоя, твоя навеки!»

Синий дым ходил по юрте,
Где-то музыка звучала,
И в глазах суровых Вазы
Вспыхнул пламень, и по жилам
Побежала дрожь желанья...
Обнял он рукой железной
Стан извилистый и гибкий,
Словно стебель, напоенный
Соком буйного цветенья,
И, губами губ коснувшись,
Чуть закрыл глаза в истоме,
Логарь к сердцу прижимая:
Он забыл, что там у Мейки
Ждет его с тревогой в сердце
Ючо — верная невеста.

Целый день гостился Ваза,
Целый день лежал у Логарь
На груди ее душистой...

Только к вечеру он вспомнил,
 Что давно пора в дорогу...

Вспомнив, быстро он простился
 С молодою чаровницей,
 Утомленною любовью.

Быстро выскочил из чума,
 Свистнул верную Снежинку,
 Гикнул громко на оленей:
 Сали Вазу у дороги
 Терпеливо ожидали,
 Опустив рога в дремоте!..
 Шест прошелся им по спинам,
 Сразу с места взяли сали,
 Сразу вскачь пошли, и скоро
 Логарь, выбежав из юрты,
 Из-под ручки разглядела,
 Как далеко на закате
 В небе их рога сияют,
 Перевитые лучами.

Там, едва земли коснувшись,
 Как в раздумии глубоком,
 Солнце желтое стояло,
 Будто в мареве неясном
 Стены острыми зубцами
 Подымались над равниной.

К ним на белой, длинной нарте
 Мчался юноша прекрасный,

Победитель страшной тайны —
Храбрый, смелый мадур Ваза.

«Будь хорош, мой гость чудесный! —
Логарь тихо прошептала, —
От твоих объятий нежных
У меня ослабли руки
И пропали злые чары:
Все в глазах моих кружится!
Будь хорош и помни Логарь,
Я ж вовек не позабуду
Вазу, славного шунгура,
Глубоко, под самым сердцем,
Затаив его подарок!»
Ими села возле юрты
И задумалась глубоко,
Уронивши на колени
Смолью пахнущие косы.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

ТОРМ

Белый ир в лесу над жертвой
Означает благодарность
Добрым духам за удачу,
Черный ир — беду, несчастье:
В черном, безысходном горе
Кто-то робкою рукою
На сучок его повесит,
Над дарами злему богу,
И уйдет с надеждой в сердце
На конец и избавленье
От злодейств шайтана злого...

Белый ир повесил Ваза,
Пред лицом Отца Торыма,
Окруженного богами,
И, склонившись перед троном,
Долго ждал его ответа.

Перед Вазой полукругом
В два ряда стояли боги,
Слуги-духи в покрывалах
Из кудели полнолуныя,
А за ними ряд за рядом
Ойки-жухи и шаманы
В шкурах беличьих и куньих,
В медных и железных шапках...
Из-под шапок им на плечи
Висли жидкие косички,
Пред собой они держали
Посохи и талисманы,
Что в руках у них звенели
Ведим и тревожным звоном.

Ваза слышал много сказок,
Много песен и рассказов
О богах, шаманах, духах,
Но немного было сходства
Между тем, что Ваза слышал,
И что видел пред собою.

Лишь шамана старца Гузы,
Что когда-то соблазнился
На пиель — ружье с насечкой
И у бога Мейки вынул
Из очей живые камни,
Мог узнать бы мадур Ваза,
Но стоял он незаметно

И глаза от Вазы прятал
За спиною сильных духов...
Слуг же, духов, было столько,
Что они в глазах мешались
И от них в глазах рябило.

Лишь в начале полукруга,
Не мешаясь с другими,
Слева страшная богиня
Таран в пламени стояла,
И у ней дрожали в веках,
Словно длинные ресницы,
Стрелы тонкие, прямые,
С золотыми остриями...
Да в начале полукруга,
Оступя направо, Рыба —
Вод, дождей и непогоды
Полновластная хозяйка,
Тяжко жабрами дышала,
Поводила плавниками,
Словно волны загребая,
И в ее дыханьи тяжком
Слышен был и гул, и рокот
Отдаленного прибоя.
Слышно было издалека
Как под панцырем чешуйным
Грозно билось рыбье сердце,
Словно это в дальнем море
Льды, на берег напирая,

С гулким грохотом ломались...
Из хвоста ее торчали
Две больших гусиных лапы,
И она смотрела сверху,
Стоя на такой подпорке,
На чудесного пришельца
Взглядом рыбьим и холодным.

В середине полукруга,
На высоком крепком троне,
В тканых золотом одеждах
Восседал Торым-Владыка.
Он держал рукою посох,
На котором в изумрудах,
Еле видные для глаза,
Шли значки, изображенья
С тайным смыслом, Суснахумму
Лишь понятным и известным...
Дивным светом серебрились
Кудри пышные Торыма,
Отливая на-далеко
Всеми радугами неба,
Словно маковка Урала
В блеске золотого солнца
Перед таянием снега,—
Как туманы по увалу,
Борода, свиваясь в кольца,
С высоты на грудь спадала,
Грудь его была широка,

И широки были плечи,
 На щеках играл румянец,
 И в глазах его прозрачных,
 Синих, словно там за ними
 Небо вечности синело,
 Чуть заметная усмешка,
 Еле зримая улыбка
 Равнодушно появлялись
 И мгновенно исчезали:
 Жизнь и смерть поочередно
 Из прозрачных глаз глядели
 На чудесного пришельца...

В тишине большого царства
 Посреди сияло солнце,
 Как до края налитая
 Светом огненная чаша;
 Словно шкурка горноста, —
 Над зубцом стены высокой
 На ущерб луна белела,
 И под ней костры дымились
 Синим дымом благовоний.

«Пусть он встанет! — Нум промолвил,
 Знак подавши приближенным,
 Что бессмертный бог со смертным,
 Поведет свою беседу
 Через духов приближенных. —
 Пусть он встанет, молвит слово!»

«Встань, вогул! — вскричали боги, —
Молви слово, беспокойный!»

И, лица не подымая,
Отвечал им гордо Ваза:

«Не в укор скажу я слово,
Я прошу у вас прощенья,
Духи-братья, слуги Нума!
Я вам равен в этом царстве,
И Отец Торым Великий
Может речь держать со мною
Слово к слову, сердце к сердцу,
Как ее он держит с вами!»

Зашептались слуги Нума
После дерзкой речи Вазы,
Все молчали, ждали слова
Торма, грозного Владыки,
Ждали гнева и изгнанья
Неучтивого бродяги.

«Белый ир, — сказал Владыка
Всей земли и всех народов
После долгого молчанья, —
Белый ир не нужен Нуму:
Он не требует подачек!
Ты же, знающий законы,
Разве этого не знаешь?..

Нум, Владыка всей вселенной,
 Жертв земных не принимает,
 Отдал он все жертвы слугам,
 Убери свой ир, невежа,
 Уходи, безумец дерзкий!»

Ваза встал и громко начал:
 «Я законы твердо знаю:
 Только белый ир оставил
 Нум себе, — другие жертвы
 Отдал слугам и шаманам.
 Я законы твердо знаю
 И скажу тебе, Владыка,
 Что стою здесь пред тобою
 Не как выходец из маа,
 Не безумец и невежа,
 А как бог, тебе подвластный,
 И меня ты гнать не можешь:
 Ты велик, ничтожны люди,
 Но кто первый из живущих
 Вместе с нартой и оленем
 Сам заявится пред Нумом,
 Перед тем бессильны боги:
 Наше тело — это нарта,
 Ноги — крепкие полозья,
 Руки — гибкие постромки,
 Ребра — кузов из талины,
 Где уложена поклажа
 Бед, болезней, меж которых

Редко спрятана надежда
На довольство и удачу, —
Наше тело — это нарта,
Мысль — хорей, и лили наша,
Лили, полная тревоги, —
Олениха с белой шерстью
И ветвистыми рогами:
Путь пред ней лежит недолгий
Сквозь страданья и лишения
В тишину и сумрак смерти —
Так положено Торымом
В день создания вселенной!

Слушай, Нум, Владыка света,
Я пришел к тебе на нарте,
Я привез на нарте тело,
Душу, мысль мою и правду
И теперь, сложив к подножью
Торма, светлого Владыки,
Эти бедные подарки,
Я кричу тебе без страха:
Я слуга, а не собака,
Я имею место в Царстве
Как награду за лишения,
За труды и за победы,
Что свершил я по дороге
В Царство вечное Торыма!

Я пришел на нарте Мейки,
Что он вырезал из кости

Мамонта, быка Мухора,
 На оленях, что когда-то
 У тебя в ночи похитил,—
 Я прошел весь путь далекий,
 Чтоб тебя увидеть, Торум,
 И сказать тебе, что Ваза,
 Победитель страшной тайны,
 Знал законы мудрых старцев,
 Был всегда правдив и честен,
 Что принес тебе он горе
 Умирающих народов,
 Что принес тебе он правду,
 Вкруг которой слуги Нума
 Встали плотной загородкой,
 И ее Торым не видит!

Два начала в нашей маа:
 Уи-волки и олени,
 Белый ир на ветке хрупкой,
 Черный ир на пне гниющем!
 Два начала в нашей маа:
 Горе, зло, страданья, скорби
 И добро, надежда, радость!
 Мейка темный и суровый
 И Торым, Владыка света!

День и ночь в борьбе родятся! —
 Так положено Торымом
 В день создания вселенной, —

День и ночь всегда в разладе,
Зло с добром, как волк с оленем,
На земле всегда враждуют!

Волка кормят волчьи ноги,
Волчьи зубы, волчьи пасти
Охраняют волчью нору,
Сали ж — робкие олени —
Перед ними беззащитны
Без молитвы мудрых старцев,
Без заботы добрых духов
И охраны чутких лаек!

О всемогущий Нум-Владыка,
Будь же милостив к несчастным,
Помоги добру и правде
Одержат над злом победу!..
Я пришел к тебе от маньси,
Так похожих на оленей,
Окруженных волчьей стаей,
Рассказать о лютой доле
И просить твоей защиты!

Там в тайге, по мутной Ас'я
По большим и малым речкам,
По озерам и протокам,
По увалам и по сорах
До поречий Кегкен-ас'я —
Голубого Енисея
Все твои живут народы

И зовут тебя, Великий,
 Мы, вогулы, — Торм и Торум,
 Остяки — Торым и Нума,
 Самоеды с гор Ялмала
 Нумом тоже именуют...

Слушай дальше, Торм Великий,
 Невеселое сказанье:
 Это голос всех народов,
 Истомленных тяжкой ношей,
 Непосильною борьбою
 Не за радость сытой жизни,
 Не за власть и угнетенье,
 А за жизнь, покой и пищу,
 За свободу дымных чумов,
 За сохранность стад оленьих,
 За пески, тайгу и хабы!

Сам ты знаешь, Нум всесильный,
 Что пришли чужие люди
 В нашу землю, на Низину,
 Покорили нас железом,
 Наложили дань на чумы,
 Подать тяжкую на души,
 Умертвили наших биков
 И поставили над нами
 Мичим-ягов — лихоймов,
 Хитрых сборщиков ясака
 Суд творить, чинить расправу
 И бесчестить наших женщин!

Мы терпели, мы молились
Злым и добрым духам маа
И не раз через шаманов
Мы к тебе, Торым, взывали!
Но напрасно это было:
Духи брали наши жертвы,
Как купцы долги по биркам,
И ничем не помогали!

Слышишь там внизу, Великий,
Звон лопат, удары кирок,
Топоров гуденье в кедрах?...
Погляди, в далеком море,
В стороне, мне неизвестной,
С диким воем пробегает
По валам большая рыба,
На спине с трубой железной,
Из которой дым едучий,
Словно черный хвост шайтана,
Прямо в облако завился!...
Путь ее лежит на север!

Погляди внизу, Великий,
Избы русских на полянах
И вокруг них пни, как плечи,
Где стояли раньше кедры
Неприступною стеною...
Видишь дым лесных пожаров;
То горят леса вогулов,

Уступая место пашням, —
 словно полог похоронный
 На покойнике, чернеет
 Гарь пожарищ на увалах!
 Видишь бедность наших чумов,
 Вымирание народа
 От болезней и печали?!...

Торм Великий, слушай дальше
 Невеселое сказанье,
 Повесть грустную о маньси:
 Русый хум с огнем пушканов,
 С топором и зельем смерти —
 Мелким порохом зернистым,
 На щите с монахом грузным
 Вторгся к нам, в страну вогулов!

Злой бояр сжигал паулы,
 Оставляя за плечами
 Черный дым больших пожаров,
 Груды тел и рыхлый пепел,
 Лгун-монах крестил водою,
 Имена давал чудные,
 Непонятные вогулам,
 И молол темно и долго
 О каком-то новом боге,
 Будь он проклят трижды — хурум!

В устьях рек, на тайных тропах,
 Злой бояр построил стены

Городков своих с церквами,
Сгрохал черные остроги,
Отбирая наши земли,
Наши реки и протоки,
Наши промыслы, уголья,
Наши чумы и оленей
За медовую лепешку —
Тудым-нянь, что испечена
На углях раскаленных,
За бутылку водки — сули,
Злой погибели вогулов!

О Торым, Отец живущих,
Не гляди мне строго в сердце,
Сердце я тебе открою,
Я тебе открою душу!
В поздний час, у пупы-яи,
У священной светлой речки
Слышал я, как ойка Кукса
Пел старинное сказанье:
«Это песня и загадка, —
Кто откроет смысл великий,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот укажет путь широкий,
Как весной река в разливе!»

А потом я видел в чуме
На горе, под старым кедром
Неизвестного мне старца, —

Видно, был он вещий ойка,
 Он сказал мне слово в слово:
 «Первый подвиг — сали Мейки,
 Шаг второй — тамга Торыма,
 И последний подвиг, третий —
 Из хвоста перо златое
 Птицы Таукси великой!»

Я исполнил слово в слово
 Все слова загадки-песни —
 Я украл оленей Мейки,
 Я тамгу из щели вынул,
 Я перо чудесной птицы
 Из хвоста ее похитил,
 Я прошел Ущелье Мертвых
 И великую Низину,
 Где живут умерших души;
 Для меня открыли двери
 В Царство Мирры-Суснахумма,
 Пенегезе, злой обжора,
 Отошел с моей дороги,
 И теперь перед тобою
 С просьбой правой для народа
 Я стою с надеждой в сердце,
 Ожидая, мой Владыка,
 Справедливого ответа.

О великий Нум, не ты ли,
 Уходя с земли, оставил

Нам чудесную надежду!
Сколько лет от мудрых дедов,
К неразумным детям, внукам
Шла она, тревожа сердце
Близким призраком победы!»

«Все ли молвил, сын мой Ваза? —
Тихо Торм спросил мадур, —
Все ль сказал ты мне, бессмертный?»

«Все! — ответил мадур Ваза, —
Все, Владыка нашей жизни!»

«Эмас, Ваза! Слушай, рума! —
Продолжал печально Торум. —
Мой ответ готов, Счастливый...
Ты пришел из дальней маа,
От вогульского народа
Получить мою защиту,
От меня узнать три знака,
Три таинственные слова
Славы, счастья и победы?...
Ваза, мудрый, храбрый воин,
По пути в мои владенья
Ты видал Долину Смерти,
Где живут умерших души
Без врагов, нужды, болезней,
Без печали и страданий,
Отдыхая беззаботно
От земной тяжелой жизни?..

Там ты видел: чумы, лаек
 И быков оленьих — хоров,
 Реки с чистою водою,
 Правда, смертному при жизни
 На питье совсем негодной, —
 Слышал пензер у чувала
 Под незримою рукою,
 Видел сизый дым паулов,
 Лес, наполненный зверями,
 Души светлые ушедших,
 Погруженные в молчанье!
 Так иди, скажи народу,
 Передай такое слово:
 Суснахумм, великий Торум
 Обещает в Царстве Смерти
 За страданья и лишенья
 Всем великую награду —
 Тишину, покой-отраду
 И молчание навеки!»

«Нет, отец, — воскликнул Ваза, —
 Мне ответ такой не нужен!
 За такой ответ и глупый
 Надо мною рассмеется:
 Что им радость в Царстве Мертвых?...
 Что им поздняя награда?...
 Дай ты им иную долю,
 Если дать ее ты можешь!
 Царство Мертвых для живого,

Как ясак Отцу Торыму:
Кто же эту дань и подать
Уплатить тебе забудет?!»

«Что ж ты хочешь?» — удивленно
Перебил героя Торум,
И за Тормом повторили
Слуги-духи: «Что ты хочешь?»

«Я хочу, — ответил Мадур, —
Вместе с тенью Яный Келба
Крикнуть громко и победно:
«Смерть вам, смерть вам, выним-яги —
Злые русские собаки!»
Я хочу, чтоб Торм-Владыка
Обещал победу маньси
Над жестокими врагами!»

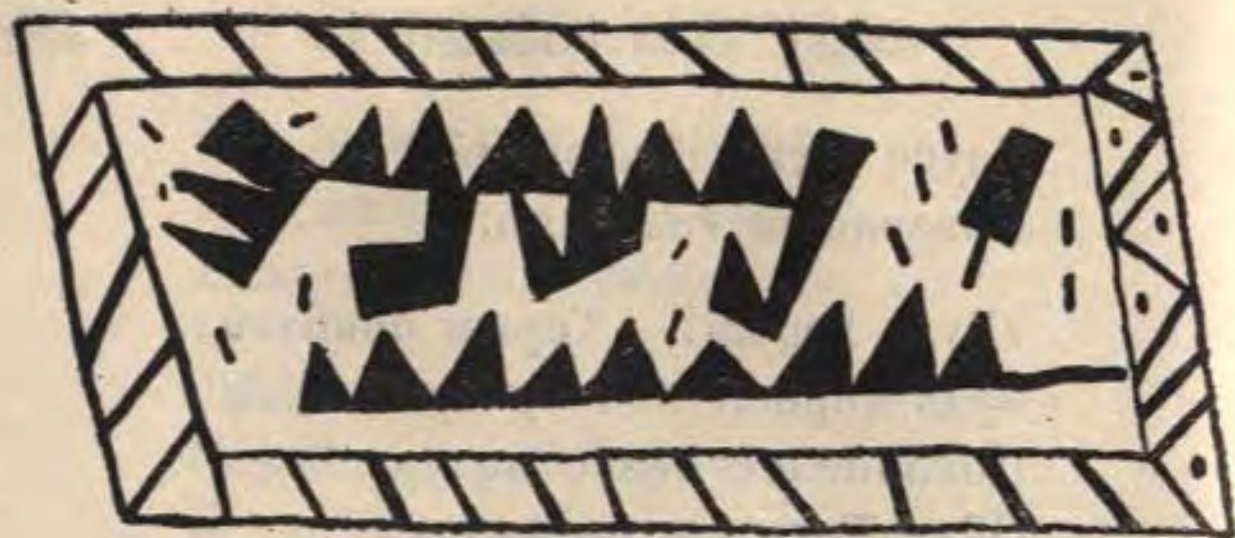
Усмехнулся Торм вогулу
И лениво молвил слово:
«Завтра, мадур! Завтра, Ваза!
Будь хорош: мне нужен отдых!
Завтра кончим мы беседу,
А теперь иди и выспись:
Ты устал с дороги дальней,
Голова твоя туманна —
Это видно по ответам!»

«Голова твоя туманна:
Это видно по ответам!» —

Слуги Нума повторили,
Покачавши головами.

«Будь хорош! — Торым прибавил. —
Будь хорош, мой храбрый Ваза!»
Поклонился низко мадур
Ойке Торму и сидящим
Слугам-духам приближенным
И учтиво молвил слово:
«Будь хорош, Отец мой мудрый!»

С высоты к ногам мадура,
Словно облак белоснежный,
Опустился чум высокий,
Возле входа в чум на шкуре
Лайка, белая Снежинка,
В полусне хвостом пушистым
Чуть заметно шевелила,
В стороне стояли сали,
Опустив рога в дремоте,
И хребты их недалеко
В ярком северном сияньи
Отливали синим светом.
Мадур Ваза лег на шкуры,
Сон объял его глубокий:
Он увидел в сновиденьи,
Что в макушку чума смотрит
Ойка-месяц с полунеба,
И ему не трудно было
Спутать свет его ущербный
С сединой Отца Торыма.

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

АТТА-КЕГ'Е

Сарни-тут — огонь Торыма,
Разноцветное сиянье,
Что висит на зимнем небе,
Словно хвост священной птицы.

Сарни-тут раскинул перья
От небес до Йаран-пелек —
Стороны, где самоеды
Скачут в санках на собаках.

Он одним концом уперся
В скалы северные Кеу —
В каменистый лоб Урала,
А другой, цветистой гранью
Наклонился к землям маньси,
Где живут обские люди.

В час, когда на ближнем небе,
На зубцах стены высокой

Золотом сине-зеленым
Сарни-тут переливался,
В вышине раздался голос,
Словно это из-за тучи
Десять громов говорили,
Дружно слившись воедино:
«Пусть ко мне сюда немедля
Богатырь-вогул приходит
Для последнего ответа!»

Богатырскую повязку,
Прикрывающую щеки —
Иермак-охзам надевши,
Ваза твердый шаг направил
В город с ободом из меди,
Перетянутым по стенам, —
В медный город — патыр-вах-вуж —
И предстал перед Торымом
Для последнего ответа.

«Я пришел!» — промолвил мадур,
Став лицом перед Владыкой.

В тихом Царстве ойки Торма
Никогда не дуют ветры,
Все наполнено покоем,
Величавой тишиною,
Но от слов мадура Вазы
Словно ветер запредельный

Пробежал по всей равнине,
Сарни-тут — огонь Торыма —
Многоцветными столбами
Сразу в землю опустился
И, как дождь осенним утром,
Дождик огненных пылинок
Все наполнил яркой пылью...
Где-то крикнул в иступленьи
Дух, невидимый за бусом, —
За дождем огневой пыли
Смолк, и снова стало тихо!..
Тихо и мертво, как в тундре
В вешний день, когда от солнца
На снегу играют блески,
Глаз слепящие до боли,
Но когда еще на небе
Не видать кривых цепочек —
Стай гусиных, журавлиных
И не слышно их привета...

В эту пору тал-хот-юрта —
Зимний чум, покрытый настом,
Дым струит высоко в небо,
В эту пору набивает
Пену белую на лапы
Лежебок-медведь в берлоге,
Пойтэ-лук — глухарь в урманах
Выбирает сук для тока.
Обо всем таком далеко,

Столь привычном и любимом,
Долго думал мадур Ваза,
Молча стоя перед богом.

«Слушай! — медленно промолвил
Тихим голосом хозяин
Всей земли и всех народов, —
Если ты постигнул мудрость,
Чтоб сюда ко мне проникнуть,
Ты поймешь слова простые
Немудреной детской басни,
Всем известной и понятной...
Слушай, мадур, эту сказку:

В зимний месяц, в полнолуние,
Проторенною тропинкой
В час, когда на середине
Неба светит полный месяц,
Два пса рысцой бежали
И вели между собою
Разговор такой о людях:
«Почему, — промолвил первый, —
Нет капканов на дороге?»
А второй ему ответил:
«Эти люди-звероловы
От старухи красной оспы
Все повымерли, как мухи
От осеннего мороза.
Эти люди-звероловы

За бутылку крепкой водки,
За огонь прозрачно-жидкий,
Душу продали купчине!»

Дальше звери побежали
По реке в стране холодной.
Славно шкурки дорогие
Золотил им сверху месяц.

«Помню, здесь был белый камень, —
Вновь сказал песец-наулебг, —
Этот камень был священным,
Камню жертвы приносились,
А теперь не видно камня,
Не видать и приношений!»

«Этот идол-лонх когда-то,
Много лет тому распался,
Развалился с голодухи,
Ибо стал народ скупенек,
Пори-жертвы не приносит,
И в последний год случайно
Лишь один из здесь живущих
Потерял на этом месте
Стертый ремешок от валок —
Старой упряжи собачьей!...» —
Так второй песец ответил.
После этих слов печальных
Разговор их прекратился,

По реке в стране холодной
Хорошо знакомым ходом
Дальше звери побежали...

В час, когда так ярко светит
Месяц с самой середины,
На снегу следы считая,
Два песца из хмурой тундры
Добежали до горбатых,
Черных карликовых елей.

Здесь их встретил дух Пиунче,
Преградил им ход привычный,
Обратил песцов в речушки,
И с тех пор песцов не стало,
Только тундровые речки,
Две печальные сестрицы,
Огибая мыс высокий,
Образуют ниже лягу —
Под осокою болото.

Ты скажи мне, мудрый мадур, —
Так спросил, закончив слово,
Торм, владыка и хозяин, —
Прав ли был тот дух Пиунче,
Обратив песцов в речушки,
И зачем он это сделал?...
Укажи мне, мудрый воин,
Смысл иной, но столь же ясный,

Этой сказки немудреной!
Дам тебе я время думать,
И для этого раздумья
Срок тебе определяю:
Думай столько, сколько надо,
Сколько времени потребно
Для кипяченья оби-пута —
Котелка с сырой водою!»

Но не долго Ваза думал
И сейчас же без заминки
Отвечал Отцу Торыму:

«Эту детскую загадку
Я толкую так, хозяин:
Всем известно, что зимою
Над землею солнце ходит,
Высоко не подымаясь,
День зимой короче шага
Воробьи или синицы,
И его едва заметно
Сумрак ночи заступает.
В это время в нашей Ас'я
Ржавый дух идет и губит
Рыбу, если не успеет
Отойти она в протоки.
В это время маньси ставят
Гимги, нелих, юган-попы —
Верши из талинных прутьев

Для большой и мелкой рыбы
 На речушках, на протоках,
 На курьях, где нет замора.
 Рыба вниз уходит к морю
 Или дружными стадами,
 Уплывая от замора,
 Входит в узкие живицы,
 В устья маленьких речушек,
 Попадая в наши гимги.
 Прав был мудрый дух Пиунче,
 Обратив песцов в речушки!
 Два песца, хотя и рослых,
 Прибыль очень небольшая,
 Ими только оторочить
 Можно женскую ягушку,
 Иль отдать купцу за сули —
 За бутылку крепкой водки,
 Злой погибели вогулов;
 Две же маленьких речушки
 Сколько остяков, вогулов
 До весны прокормят рыбой!
 Прав был мудрый дух Пиунче!» —
 Так ответил Торму Ваза.

«Мадур, ты ответил верно, —
 Улыбнулся Торм герою, —
 А теперь меня послушай:
 Ты сказал, что замирает
 Под тяжелым льдом и снегом

От ржавца зимою Ас'я, —
В чем тут суть и где загадка?...
Знаю я, что ты ответишь,
Но тебе я сам открою
Смысл, понятный лишь Торыму:

Как средь лютой зимней стужи
Перед радостной весною
Ас'я — Обь, река народа,
Тундр, урманов, гор и впадин,
Замирает от ржавины,
Так и все мои народы,
Что живут по Оби в чумах
В незавидной горькой доле,
Перед радостным восходом
Погибают от несчастий
Под кнутом судьбы суровой:
Грозен лик богини Таран,
Матери огня и гнева!
Горе, горе! — вы кричите,
Приходя порой в смятенье,
И, как в нелих мелкий окунь,
Из беды в беду спешите!

Я великую награду
Обещал вчера народам
Тундры с мерзлою землею
И тайги непроходимой, —
Мадур, ты ее отвергнул,

И теперь перед тобою,
Волк железный — карт-йевра,
Много новых испытаний!»

Торм, сказав слова такие,
Подав знак сидящим слугам,
И они неторопливо
Принесли кольчугу Вазе,
Богатырский меч и ножны.

«Вот тебе, — сказал хозяин
Всей земли и всех народов, —
Мадур, вот тебе кольчуга,
Недоступная ударам,
Ты надень ее на тело,
Атта-кег'е — меч тяжелый,
Содып — ножны из железа
Я даю тебе в придачу:
Вот тебе мои подарки!»

Ваза принял атта-кег'е,
Содып крепкий и тяжелый,
На себя надел кольчугу
И, глядя в лицо Торыму,
Стал наказа дожидаться.

Долго думал Торм-Владыка,
Дивным светом серебрились
Кудри пышные Торыма,
Отливая надалеко

Всеми радугами неба...
Присмирели слуги-духи
И сидели без движенья,
Чтобы шопотом нескромным
Мудрой думы не нарушить, —
Запредельный тихий ветер
Шевелил седые кудри
Старца Мирры-Суснахумма,
Погруженного в молчанье, —
Из земли опять поднялся
Сарни-тут, все выше, шире
С каждым мигом расправляя
Хвост и огненные перья, —
Долго длилось раздумье,
Наконец Торым поднялся
И промолвил: «Мадур Ваза!
Слушай: на пути коротком
Повстречаешь ты Иура,
Злое чудище морское,
Ты убей его, а когти,
Твердые, как обский камень,
Сохрани в мешке дорожном...
На пути еще увидишь,
Как копает берег ян
Зверь трехрогий, с толстой шкурой,
Яр отваливая в воду.
Он живет в подземном царстве —
Петлим-емдер — и выходит
На свободу по протокам, —

Ты раздайся с ним также:
 Отруби рога Мухору
 И укрой их в тайном месте!
 Совершив все и исполнив,
 Поверни своих оленей
 В царство вора и бродяги,
 Злого бога ойки Мейки
 И сейчас же, не робея,
 В бой вступи; в твоей кольчуге,
 С атта-кег'е богатырским
 Ты не должен ведать страха:
 Не щади его, не милуй,
 Разори его владенья
 И возьми себе в награду
 Все богатства ойки Мейки!..

Нут и шар! Клянусь Медведем!
 Если это ты исполнишь,
 Весь народ тайги и тундры
 Будет, будет вновь свободен!..
 Оспа, красная старуха,
 Проходя по русским вужам
 С их высокими церквами,
 Разве годными для галок,
 Что над ними любят виться
 С криком глухим и убогим, —
 Русских хумов переметит
 Раскаленной пятернею
 И в могилы спать уложит...

Страшно будет: вы не бойтесь!
Будет смерть, пожары, голод,
Вы терпите, как терпели,
Как терпеть уж научились:
Вымим-яги — лиходеи,
Лихоимы и варнаки
От старухи — красной оспы
Побегут опять за горы!

После этого наступит
Время новое, иное:
Ваши жены, ваши эквы,
Как икряные налимы,
Будут полны и плодливвы...
Лес платить ясак вам будет
И пушниною, и мясом,
Реки с мутною водою
Рыб по берегу погонят,
В нелих, гимги, юган-попы
Напихают их по горло,
А тайга и янгал-маа —
Тундра с мерзлою землею,
Столько выплодит оленей,
Сколько игл на старых кедрах:
Вы не бойтесь злой старухи —
Мой народ она не тронет!
И настанет снова время,
Вновь великие шаманы
Будут жить среди народа!»

«Будут жить среди народа!» —
Слуги Нума повторили.

«По ярам, по пупы-яя,
По священным тихим речкам,
На протоках, в чащах тала,
На горах и на увалах,
И в тайге, и в мерзлой тундре, —
Всюду, где укажут духи,
Встанут идолы-сядаи!» —

«Всюду, где укажут духи!» —
Так же хором повторили
Слуги светлого Владыки.

«В тундру к вам вернется Ортик,
Бог Обской Губы и тундры,
Золотая баба-Рача
Принесет удачу, счастье,
Долголетье и здоровье,
И священная собака —
Божья амба — Гаявая
Побежит тайгой зеленой.
Нут и шар! Клянусь Медведем:
Все так будет! Все так будет!
А теперь ступай обратно!» —
Так закончил Торм — Владыка
Всей земли и всех народов.

Мадур Ваза поклонился
Поднял меч, повесил ножны
И сказал одно лишь слово:
«Я пошел!» — и удалился...

Путь был скор, не помнит Ваза,
Как он вновь на белой нарте,
Вместе с тройкою оленей,
С лайкой — беленькой Снежинкой,
Очутился на поляне...
Посреди поляны речка
В берегах крутых юлила,
Убегая торопливо
В чащу кедров на пригорке,
Как невестка от свекрови, —
Лед по берегу местами
Отопел, и там синела
В полыньях вода, на солнце
Золотым лучом играя...
Позаодаь шла опушка,
И с опушки сосны, ели,
Голенастые осины
И сутулые березы
На ветру с лесной низины
Низко кланялися Вазе.

Но не долго Ваза думал
О счастливом и чудесном
Возвращении на землю:

Соскочил он с крепкой нарты,
Захватил глубоко в ноздри
Вешний дух сосны и ели,
Тронул рыхлый снег рукою
И во весь могучий голос
«Когошу» три раза крикнул...
Кто-то весело и громко
Тоже трижды отозвался, —
Может, дух, а может — птица...
Ланги-белка с ближней ели,
Что сошла с лесной опушки
Погулять среди поляны,
Перескакивая в чащу,
Полыхнула между веток
Огненным хвостом, и Ваза
Вскинул лук в одно мгновенье,
И она на снег упала,
На конец стрелы покорно
Лапки хрупкие сложивши.

«Видно, все-таки из лука
Я стрелять не разучился!» —
Только Ваза так подумал,
Как пушистая Снежинка,
Кровь лизавшая со шкурки,
Потянула мокрым носом
Ветерок и вдруг залилась
Звонким и сердитым лаем.
Мадур Ваза обернулся

И заметил человека;
Был он стар и еле ехал
На своих усталых конях,
Что зовутся еза — лыжи...

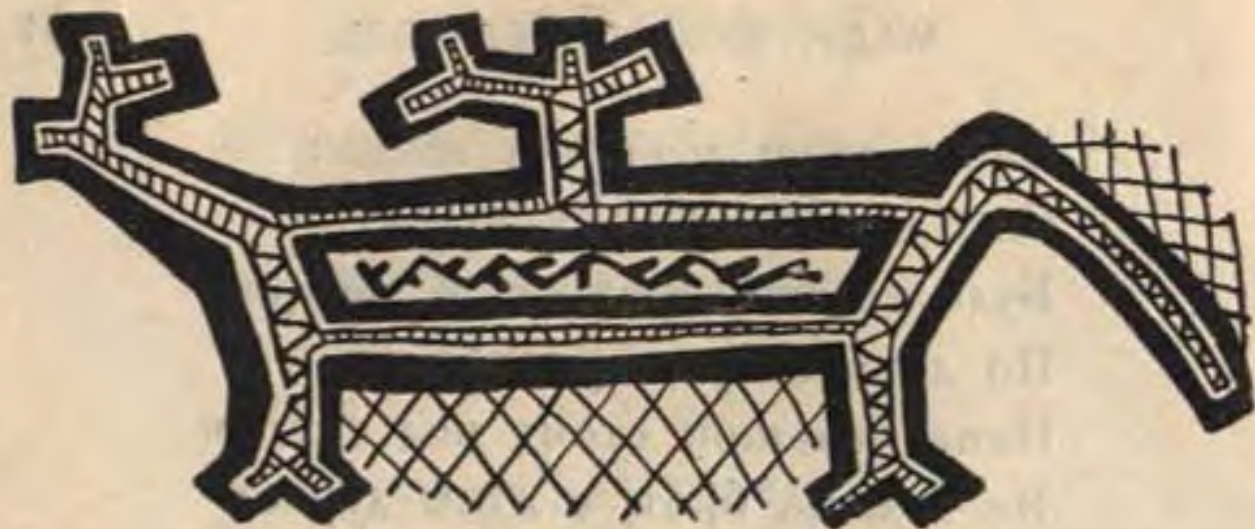
«Вот так старая колода,
Глух и слеп, как пень, наверно? —
Судя по его походке,
Можно было бы подумать,
Что здесь Царство ойки Нума!» —
Ваза весело присвистнул
И окликнул человека:
«Пайсе, пайсе, ойка рума!
Как зовется это место?...
Далеко ль до речки Ксенты,
Где стоят паулы наших?...
Может быть, здесь Царство Торма
Иль Великая Низина,
Где живут умерших души?..»

И в ответ на эти речи
Человек остановился
И с улыбкою ответил:

«Вот уж нет, так нет, приятель!
Здесь не Царство ойки Нума!
Как далеко речка Ксента,
Право, тоже я не знаю!
А зовется это место,

Как звалось всегда и вечно:
 Сосс'я — Речка Горностаев!
 Будь хорош, прощай до завтра:
 По дороге тут, приятель,
 Пень большой стоит под снегом,
 Не задень, брат, с этим дурнем
 Пробеседуешь неделю,
 Но ни слова не добьешься,
 Хоть наверно он-то слышал
 Про Великую Низину,
 Где живут умерших души,
 Где и мы с тобою будем —
 Я пораньше, ты попозже.
 Будь хорош до нашей встречи!
 Видно, сказано не даром:
 Не суди людей по виду
 И не мерь ума годами!
 Будь хорош, прощай, приятель!»

«Если я не в Царстве Торма,
 То найду теперь дорогу!» —
 Так подумал мадур Ваза
 И довольно рассмеялся
 На насмешку человека.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИУР

На низу, в Обском заливе,
Где угрюмый самоедин
Скачет в санках на собаках,
Где и днем горячим, летним
Льды лежат, не растопляясь
От лучей скользящих солнца,
Где и в солнечные ночи
Меж красивых незабудок,
Желтых лютиков и маков
Снег лежит, как шкурки зайцев,
Что сушить перед продажей
Разложил на солнце Вача —
Сказочный стрелок-охотник;
Там, за дальнею рекою,
В море сине-ледяное
В незапамятное время
Рыба-зверь — Иур зубастый
Перешлы из стран далеких
И остался жить навеки.

Часто люди на Ялмале
 Видят с берега Иура,
 Как он плавает по морю,
 Струи вод пускает кверху,
 Бьет хвостом по синим льдинам.

От его ударов грозных
 Льды ломаются, как щепы,
 Волны с белыми гребнями
 Бьют о низкий берег тундры,
 Подбирают на приплеске
 Сучья, пни, стволы деревьев
 И далеко их уносят
 В море сине-ледяное...

И не день, не два бушует
 Море-озеро большое,
 Волны с белыми гребнями
 По неделе кряду ходят.
 Ветер резкий и холодный
 Закрывает тучей солнце
 И на солнце, и на землю
 В обе щеки дует, дует,
 Словно устали не знает,
 Заметает снежным пухом,
 Уносясь от края моря
 До великих гор и малых
 На крылах петопыриных...
 С ним несется сырь и сумрак,
 Непогода и ненастье...

И нередко, спутав сроки,
Синеглазую царицу
С прядкой от косы пушистой,
Выпавшей из хмурой тучи,
Примешь неразумным сердцем
За горбатую старуху —
Осень с впалыми глазами,
Из которых днем и ночью,
Днем и ночью льются слезы,
Перемешанные с колкой
Изморозью, с белым пухом —
С клочьями открытой ветру
Седины тысячетней...

С этой пасмури осенней
Люди тоже охмуреют,
Сложат сети на приплеске
И залезут, проклиная
Шквал морской и мокрый ветер,
В дымный чум, к огню поближе...
Станут думать ту же думу,
Что и прадеды, и деды
Не додумали, сошедши
С ней в холодную могилу:
Не утих ли резкий ветер,
Скоро ль буря утишится,
Долго ль ждать, чтоб бросить невод,
Накормить собак голодных,
Самому наестся вдоволь

И поставить на речушке
Перевес для ловли уток?!

Люди слушают, гадают,
На огонь глядят веселый,
Но невесело на сердце
В эти дни у них бывает.

Вал тяжелый хлещет в берег,
Бьет в него с тяжелым вздохом,
Выдыхая полной грудью
Глубину большого моря,
Ветер мокрый с белым снегом
Травы пухом засыпает,
Приминая их на землю...
Ветер воет, ветер плачет
И шуршит по коже чума.

«Пошамань-ка, — скажут люди, —
Отгони Иура-зверя,
Что хвостом и плавниками
Море-озеро взбуторил,
Ты уйми скорее, ойка,
Отгони подальше в море
Ветер злой и непогожий,
Ты достань свой вещий пензер
Вместе с нялы-колотушкой,
Ты нагрей его проворно
На дыму смолистых щепок,

Проведи по бубну пальцем,
Чтобы злой бродяга-ветер
Слышал, как над ним смеются,
Вою ветра подражая!»

Старый ойка скажет людям:
«Не настало еще время,
Подождём еще немного!»

И опять под кожей чума
У огня, на мягких шкурах
Люди слушают, гадают,
Ждут, когда шаманить будет
Молчаливый дряхлый ойка.

Вот пришел черед желанный,
Вот сошлись часы и сроки,
И шаман рукой дрожащей
Поднимает с полу бубен
И, прислушиваясь к ветру,
Нагревает над таганом
Бубен с лосной, звонкой кожей
Годовалого оленя.

Кожа бубна затрещала,
Попрозрачнела над светом,
Крепче в ободке стянулась,
Чернозобая гагара —
Птица вещая шаманов —
Близко к чуму подлетела.

Молчаливый дряхлый ойка
 Поднял нялы-колотушку
 И, поставив на колено
 Бубен с кожей разогретой,
 Раз! — ударил еле слышно.
 Раз! — откликнулся сейчас же
 Пензер старого шамана.
 Два! — ударил вещий ойка,
 Колотушку вскинув выше,
 Зазвенели тихим звоном
 Знак-тамга и клюв гагары.
 Два! — ответил вещий пензер.
 Три, четыре! — так удары
 Громче, чаще и протяжней
 Уносились в пропадину
 Беспроглядной темной ночи,
 Где метался, выл и плакал
 Ветер с моря ледяного.

Вещий старец запыхался
 От тяжелого гаданья,
 Он глаза свои зажмурил,
 Чтоб нутром яснее видеть,
 И в руке его дрожащей,
 Как крыло, застыла нялы.

Вот он поднял колотушку
 И ее три раза бросил
 На четыре части света.

Каждый раз народ покорно
Подавал ее шаману.

Гром гремел по темной юрте,
Тени робкие скользили —
Это духи вместе с ойкой
О грядущем ворожили!

«Слышу, слышу! — крикнул старец. —
Слышу голос, вам неслышный...

Вижу, вижу в темном небе,
Что простым глазам не видно:
Кто-то едет, кто-то скачет,
И поет победно песню,
И гремит тяжелой нарткой.

Чьи олени, я не знаю,
И кто он, не знаю тоже,
Только вижу в темном небе:
Путь его лежит к шайтану!
Тише, люди! Люди, тише!

Потушите сальник в чуме,
Он мешает только светом
Видеть ночь и тьму яснее!

Он уж близко, очень близко,
Не пройдет полкруга солнце,
Вы увидите оленей,
Нарту, путника и чудо!

Он уж близко, он уж близко,
Слышен топот быстрых сали,
Слышен скрип полозьев нарты

И слова чудесной песни.
 Долго ждали наши деды,
 Ждали дети дедов наших
 Гостя дальнего из Понюнг —
 Из страны чудес и сказок!
 Я не знаю, я не знаю,
 Кто он сам и чьи олени,
 Но дождались мы, дождались:
 Он несет с собою чудо,
 Он везет нам избавленье
 От злодея, от шайтана,
 Зверя страшного Иура,
 Что своими плавниками
 Море-озеро колышет
 И валы, как стадо, гонит
 На пологий низкий берег.
 Он уж близко, он уж близко,
 Юйия, кийя, вот он, тут он!»

Барабан упал на землю,
 Повалился на пол старец,
 И народ пошел из юрты...

Ветер злой гоняет тучи,
 Сыплет мокрый снег на землю,
 Вал тяжелый с белым гребнем,
 Верным знаком непогоды,
 Подбирает на приплеске
 Сучья, пни, стволы деревьев

И уносит их далеко
В море сине-ледяное.

Зверь-Иур пускает струи,
Плавниками режет волны,
Перевертываясь кверху
Брюхом с медной чешуею,
Трется о пологий берег,
Обдирая мох и щебень,
И захватывает в жабры,
С диким и протяжным воем,
Ветер мокрый и студеный.

«Что сказал нам вещий старец?...
Где олени, парта, путник?...
На земле, на море, в небе
Та же буря-непогода,
В тучах низких и лохматых
Скрылось ласковое солнце,
По приметам, нам известным,
В это серое ненастье,
Если дуть так будет ветер,
Нам придется долго в чуме
Посидеть, поджавши ноги!» —

Так сказал Хамыби Худи,
Самоеду из оленных,
Старый Ярны Окатэтто,
И потом еще прибавил
После долгого молчанья:

«Эта буря-непогода
 Долго, долго не утихнет!..
 Пусть шаман себе камлает,
 Ворожит пусть на здоровье,
 Спутав правду с небылицей,
 Но тебе скажу я, Худи,
 Он ведь может ошибиться:
 Путь души не бег на лыжах
 По курье, ледком покрытой,
 За песцом иль за оленем, —
 Это трудный путь немногих!»

Не успел окончить слово
 Старый Ярны Окатэтто,
 Как народ вдали увидел
 Костяную нарту Вазы:
 Мадур гнал своих оленей
 К черным чумам на пригорке,
 Мимо каменных сядает —
 Мимо идолов из камня...

К речке Юне подкативши,
 Ваза придержал оленей
 И сказал народу громко:
 «Ваш язык мне непонятен,
 Вас зовут у нас в паулах
 Юрран-кум, народ оленный! —
 Помолчав, продолжил Ваза
 Речь свою мудрейшим словом. —

Все народы — дети Торма,
Лишь один народ Роч-маа
Да лукавые зыряне,
Коми, проклятые Нумом,
Из семьи другой и чуждой!

Я пришел с открытым сердцем
Вам помочь в нужде великой:
Умертвить морского зверя —
Уя, страшного Иура!» —

«Мы не знаем и не спросим,
Кто ты родом и откуда, —
Отвечал Хамыби Худи,
Самоедин из оленных
С малой речки Юна-Яга, —
Заходи в наш чум, хозяин,
Сядь к огню, тебя накормят,
Спать уложат и накроют
С головою теплой шкурой,
Уберут твоих оленей,
А когда угодно будет,
Сам ты скажешь — кто ты будешь
И откуда ты приехал!..»

«Помосинэ! — молвил Ваза. —
Буду гостем я недолгим:
Я скажу вам без утайки —
Кто я сам, какого роду
И откуда к вам приехал!»

Вазa слeз с точeнoй нaртy,
Снял ширoкiе пoстрoмки,
Накaзaл бeрeчь oлeнeй
И пoшeл зa стaрцeм Худи
В чум eгo гoстeпpиимный.
Здeсь усeлся oн нa шкyрaх,
Бeз стeснeнья и с oхoтoй
Ел yхy и мoзг с хрящaми,
Зaпивaл oлeньeй крoвьeю,
А пoтoм вздpeмнyть нa нaры
Лeг пpeд битвoю с Иyрoм.

Освeжившиcь cнoм нeдoлгим,
Он cбpaл к сeбe хoзяeв
И cкaзaл тaкoe cлoвo:

«Я — вoгyл с дaлeкoй Кceнты,
Пpи рoждeнии шaмaнoм
Был я нaзвaн Вaзoй — Уткoй,
К вaм нa низ, нa yстьe Аc'я
Я пpиeхaл oт Тoрyмa,
Пo eгo нa тo нaкaзy:
Умepтвить мoрскoe чyдo,
Звeря стpaшнoгo Иyрa!

Был я в Цaрствe oйки Тoрмa,
Пpoeзжaл Ущeльe Мepтвых,
Гдe живyт yмepших дyши,
А дo этoгo y Мeйки
Я пoхитил сaли, нaртy,

Что он выточил из кости
Мамонта, быка Мухора...
Я похитил, я похитил
У слепого простофили,
Старца Шубного Медведя,
Талисман — тамгу Торыма,
И перо священной птицы,
Птицы Таукси великой,
Я держал своей рукою!

Я с собой несу свободу,
Избавленье всем народам
От владычества Роч-маа,
Где живут худые люди,
Злые русские собаки,
Душегубы, лихоимы,
Лиходеи и варнаки, —
Нет в них совести и сердца:
Даже сердце сали-уя, —
Сердце волка иль волчихи
Много мягче и добрее!
Страшен грозный царь Роч-маа:
Он сидит на белом троне
Из слоновой белой кости,
Пут-котел пред ним на углях,
В нем он варит сули-водку,
Семь шайтанов семирогих,
На боку с семью хвостами
День и ночь толкут, как в ступе,

В золотой его короне
Зелье смерти — мелкий порошок!
Грозный хон собрал дружины
И послал их в нашу землю
Умертвить шаманов, биков
И охотников отважных,
Напоить нас крепкой водкой,
Обесчестить наших женщин
И заставить всех рабами
Век служить ему покорно!

Но теперь я, мадур Ваза,
Победитель страшной тайны,
Всем несу освобожденье —
Всем народам рек великих,
Малых рек, озер и речек!
Будет, будет вновь свободен
Весь народ тайги и тундры!
Наши жены, наши эквы,
Будут полны и плодливы,
Как икряные налимы...
Лес платить ясак нам будет
И шубниною, и мясом,
Реки с мутною водою
Рыб по берегу погонят,
В нелих, гимги, юган-попы
Напишают их по горло,
А тайга и янгал-маа —
Тундра с мерзлою землею —

Столько выплодит оленей,
Сколько игл на старых кедрах!
И настанет снова время,
Вновь великие шаманы
Будут жить среди народа!
По ярам, по пупы-яя —
По священным тихим речкам,
На протоках, в чащах тала,
На горах и на увалах,
И в тайге, и в мерзлой тундре —
Всюду, где укажут духи,
Встанут идолы-сядаи!
В тундру к нам вернется Ортик,
Бог Обской Губы и тундры,
К нам вернется, к нам вернется
Золотая баба-Рача,
Принесет удачу, счастье,
Долголетье и здоровье,
И священная собака —
Божья амба — Гаявая
Побежит тайгой суровой!
Я свое кончаю слово
И прошу вас дать мне лодку —
Хабу крепкую и весла;
В ней по гребням волн сердитых
Я поеду прямо в море,
Я поеду в ней навстречу
Ую — чудищу морскому —
Толстокожему Иуру!»

«Нет у нас, людей оленных, —
 Отвечал Хамыби Худи,
 Низко Вазе поклонившись, —
 Лодки крепкой для героя!
 Наши лодки для рыбалки
 Годны в тихую погоду,
 Наши весла слишком тонки
 И едва ль тебе сгодятся...
 Есть одна большая лодка
 Вон на том крутом увале,
 В старину ее когда-то
 Море выкинуло в бурю...
 Но об острые каменья
 Сорвала она обшивку,
 И у нас не хватит силы,
 Нам ее не снять с обрыва,
 Не скатить к воде по жердям,
 Если б даже с гор Ялмала
 Собрались мы всем народом,
 Запрягли бы всех оленей!»

«Может быть, мои олени, —
 Молвил Ваза самоедам, —
 Эту лодку стащат в воду?»

«Но она лежала долго, —
 Повторил Хамыби Худи, —
 От дождей и непогоды,
 От жары, морозов, солнца
 По бокам она рассохлась!»

«Не беда, что бок дырявый,
Были б только ребра целы! —
Ваза весело промолвил. —
Мы возьмем да и починим,
Перетянем, серой смажем,
Свежим мхом затычем щели
И нашьем на дно заплаты
Из вареной в жире кожи!»

Как сказал народу мадур,
Так и сделано все было:
Без труда олени Вазы
Лодку к морю подтащили,
Здесь ее легко и быстро
Самоеды починили;
Ваза сам с высокой сопки
Притащил весло с веревкой;
Упершись в корму тупую,
Сдвинул лодку носом в воду,
Ловко прыгнул и с размаху
По волне веслом ударил...

Вал поднялся от удара,
Захлестнул речушку Юну,
Потащил с собою в море
Лодки, сети самоедов
И погнал с приплесков в море
Сучья, пни, стволы деревьев...

«Егей! Ей!» — засуетились,
Закричали самоеды,
Но не слышал Ваза криков:
Далеко в открытом море
Он чернел чуть видной точкой.

То ныряя меж валами,
То на гребни поднимаясь,
Волн седых с косматой пеной,
Лодка Вазы приближалась
К зверю страшному Иуру.

Зверь давно заметил лодку,
Он нырнул под вал сердитый
И, набрав с водою илу,
Снова вынырнул на гребень.
Подняла волна большая
Лодку кверху острым носом
На косматую верхушку, —
Зверь тогда метнул струею
Воду с илом и камнями.

С грозным свистом разлетелись
Струи, хабу покачнувши,
Но не дрогнул храбрый мадур,
Он рукою богатырской
Греб без устали на зверя...

Острый нос тяжелой лодки
На-двоя валы большие

Рассекал, и за кормою
Вертуном вода бурлила,
Набивая шапкой пену.

Зверь, увидев близко лодку,
Заревел, оскалил зубы,
Поднял длинный хвост с зубцами,
Обграенными, как жало,
И плашмя хвостом ударил.

Как в котле кипящем, море
Забурлило пузырями,
Льды тяжелые ломая,
Волны, словно в перепуге,
Друг на друга набегая,
Разбивались в пыль и брызги...

Тучи хмурые спустились
Низко-низко над водою:
Ночь настала в бурном море!
Зверь столкнулся с лодкой Вазы,
Поднял голову, ощерил
Пасть, клыками грозно скрипнул;
Он хотел за край схватиться,
Подгадать под вал и прямо
Опрокинуть Вазу в море!
Понял мадур эту хитрость:
Размахнувшись, он ударил
По ноздрям веслом тяжелым!

Зверь Иур нырнул под лодку,
Но, скользнув, она скатилась,
Словно нарта с мерзлой горки,
По спине его на волны;
Ваза вынул меч из ножен,
Размахнулся и ударил,
Сразу зверю перебивши
Плавники его и жабры.

Зверь взревел, нырнул глубоко,
След кровавый оставляя,
Снова выплынул у лодки,
Ухватил весло зубами,
Расщепал его в лучину, —
Но и тут не дрогнул мадур:
Он вскочил ему на спину
Вместе с крепкою веревкой,
В жирный бок морского зверя
Засадила тяжелый якорь,
Закрепил стальную кошку
И мечом Отца Торыма
В раз проткнул кривые ребра,
Почки, сердце и печенку,
Разрубил пузырь зеленый,
Весь заплывший белым салом,
С желчью мутной и воючей...

Зверь Иур хвостом ударил,
Натянул струной веревку,

Но напрасно: атта-кег'е —
Богатырский меч героя
Мозг ему рассек на части!
Смерть нашла Иура-зверя:
Словно толстая колода,
Вздрогнул он бугристой кожей,
Весь затрясся чешуею,
Пузыри пустил и умер!

Тучи черные сбежали,
Небо словно распахнулось,
Чтобы видеть хорошенько
Небывалого героя,
Тьма рассеялась над морем,
Вал утих, и засверкало
Низко желтой медью солнце...

Ваза, путь свой направляя
К дальним чумам самоедов,
Запасным веслом работал,
Мертвый зверь Иур тащился
За тупой кормою лодки
На буксире в семь веревок.
Богатырь был рад победе:
Он был весел, как ребенок!

«Вот вам, вот моя добыча!» —
Крикнул Ваза самоедам,
На приплесок кинув якорь.
Бодро вышел он на берег

И своим мечом тяжелым
Обрубил на черных лапах
Когти страшные Иура.

«Люди храбрые Юрраны, —
Обратился к самоедам
Ваза тихо и устало, —
Завтра утром я уеду...
После боя с этим зверем
Нужен мне покой и отдых,
А поэтому прошу вас:
В темном чуме с дымокурором
Дайте вдоволь мне наспаться!
Утром рано тройку сали
В нарту крепкую впрягите,
Дайте сала амбе-лайке
И мадура разбудите!»

Рано утром Окатэтто
В чум вошел и молвил тихо:
«Все готово, добрый мадур!»

Ваза встал с пушистой шкуры,
Натянул свою одежду,
Не спеша отведал мяса,
И, как требовал обычай,
Расставаясь с народом,
Попросил их всех на Ксенту
На своих чудных собаках
Как-нибудь потом приехать,

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

МУХОР-ОНГЕТ

«Догорают головешки
Под седым налетом пепла,
Вынь скорее табакерку
И набей мне шарь-травой —
Табакот потуше трубку!
Скоро в утреннем тумане
Наш костер совсем потухнет,
И тогда о крешкий камень
Долго будешь бить огнивом,
Чтоб добыть для трута искру!» —
Так промолвил ранним утром
Добрый друг, бок-о-бок лежа
С верным другом на рыбалке,

«Хорошо!» — ответил другу
Друг давнишний по охоте,
Вынул трубку из кармана
И тавлинку с шарь-травой;
Шарь-траву набил щепотью

Над полонь рубахи в трубку,
Чтоб на землю не просыпать,
Разбросал золу лучинкой,
Уголек достал руками
И, раздув его до искры,
Положил в чубук на зелье.

Синий дым струею тонкой
Полетел, чубук окутав,
Ус пропал в нем на минуту,
Ноздри шире разошлись,
Выпуская в оба бока
Чуть заметные колечки.

«Ты скажи мне, ойка рума,
Из чего ты сделал трубку?»—
Друг спросил, взглянув на друга...

Ойка рума улыбнулся
И, подумав, так ответил:
«Рума, друг мой, это знает
Каждый маленький ребенок:
Остатки все курят трубку
И касаем вырезают
Чубуки из мухор-онгет —
Желтой мамонтовой кости...

Но... взгляни на воду, рума:
Рано-рано мы проснулись,

Над рекой свежо, туманно,
Мы с тобой еще покурим!
Если хочешь, расскажу я
О великом звере Весе,
О большом быке Мухоре,
Чтоб не шло в молчаньи время, —
Попадем когда в могилу,
Мы успеем намолчаться!»

«Ойка рума, это верно, —
Другу друг ответил, трубку
И тавлинку доставая, —
Намолчаться мы успеем!...
Попадем когда в могилу,
Наш язык во рту на рыбу,
На линия или налима
В кузову похожим будет!
Намолчаться мы успеем,
Да и я спросил про трубку,
Чтоб навесть на разговоры:
Расскажи мне о Мухоре,
Ты рассказываешь складно
Эти сказки и преданья!...
Правда, нет у нас с собою
Сули-водки, без которой
Не рассказывают сказок!»

«Что же, рума: нет — не надо! —
Другу старый друг ответил, —

Обойдемся и без сули:
 Близко мы сейчас от леса,
 Тут же около опушки
 Много панха-мухомора,
 Панх и сули — все и то же:
 Пету водки под рукою,
 Семикратно панх отведай,
 Если хочешь, чтобы слово,
 Как вода под тяжкий камень,
 Под язык не забегало
 И свободно выливалось,
 Так, чтоб рот не закрывался,
 А другие в удивленьи
 Рты разинули, как дети!»

«Рума, рума, я за панхом
 Побегу на перелесье!» —
 Перебил нетерпеливо
 Друга друг на этом слове.

«Нет, лежи себе спокойно
 И потягивай из трубки:
 Обойдемся и без панха —
 Мы с тобой не на базаре,
 Нас никто с тобой не слышит,
 А туманы, лес и речка
 Больше нас с тобою знают...
 Обойдемся и без панха:
 Чую я сейчас на сердце

У себя дыру большую.
Вижу славную прореху
Прямо в рот ко мне наружу, —
Я без панха и без сули
Расскажу тебе о Весе,
О большом быке Мухоре.

Под землей есть Царство Духов,
Царство Веса и Мухора,
Петлим-емдер — это царство!..
Там, на дне, во мраке ночи,
Для которой нет начала,
А скончания не будет,
Так же, как сейчас ты видишь
На земле здесь перед нами,
Есть проходы, тропы, речки,
Реки с полою водою
И бездонные озера...
Там внизу, в Подземном Царстве,
Так же лес шумит дремучий,
Так же льют благоуханье
Травы, лютики и маки...

Петлим-емдер — Царство Духов,
Царство Веса и Мухора,
Редкий видел из живущих,
Как подземными ходами
Из земли под яр выходит
Страшный зверь с семью рогами!

Даже сильные шаманы,
Что спускались в Царство Ночи,
Не могли смотреть без страха
На подземного владыку!

Каждый знает, каждый видел,
Что в илу, увалах, ярах,
Даже в мерзлой почве тундры
Отыскать всегда нетрудно
Бивни, зубы, луки-ребра
Иль широкий черный череп
Страшного быка Мухора.

Каждый спросит, отыскавши
Рог большой, покрытый илом:
Как попал он в нашу речку?...
Также спросит и нашедший
Зуб большущий — с детский локоть
Будет он величиною...

Вес-Мухор в Подземном Царстве
Бродит торными тропами
Вдоль по руслам наших речек,
Бродит он в проходах тесных,
И когда его наружу
Приведет под яр дорога,
Он, увидев свет и солнце,
Слепнет, бесится и вост,
Кручи берега рогами

Бьет и осыпает землю,
На ночь логово под яром
Над рекою выбивая...

Так, слепой, он долго бьется,
Потеряв назад дорогу
В царство темное под землю...
А потом, как гром в июле,
Упадет подрытый берег
И навеки похоронит
Зверя сильного Мухора.

По весне снега растают,
Быстриной ударит в берег,
Ил, песок вода размочит
И откроет рыболову
Кости желтые Мухора...

Поплывет остяк на лодке
Мимо яра на рыбалку,
В желтом берегу увидит
Мухор-онгет — кости зверя,
Страшного быка Мухора,
Тоже желтые от ила,
Заприметит это место
И опять сюда вернется,
Откопает, сложит в облас —
Лодку из сырой бересты,
Привезет домой, распилит
И начнет точить со скуки,

Чтобы время проходило
Веселей да поскорее,
Табакерку, черен к шилу,
Трубку, кольца, ложку, ножны...
Если кости слишком много,
Он продаст ее на водку
И напьется шибко пьяным,
Будет петь, кричать, ругаться
И рассказывать несвязно
О большом быке Мухоре!»

Люди молча покурили,
Были оба рыболовы,
Значит оба табакёры, —
Остяки из Ильби-Горта —
Первый звался Печь Салиндер,
А второй Тамбури Ямник...
Покуривши, взяли сетки
И пошли под берег к лодке.

На обрыве оба друга
Вдруг застыли, как сядан:
Кто-то их позвал и крикнул:
«Тончин, тончин! Подождите!»

«Кто бы мог, — подумал Ямник, —
В эту пору быть из наших?» —
«Егей! Егей! Кто там будет?» —
Отозвался Печь Салиндер.

«Егей! Егей! Подождите!» —
Из молочного тумана
Вместе с лайкою Снежинкой
Вышел Ваза к ним навстречу
И держал такое слово:

«Проезжая мимо яра,
На приплеске тихой яи,
Сквозь туман молочно-белый
Я услышал хриплый голос
И рассказ о страшном Весе,
О большом быке Мухоре.
Правда, нового немного
Я узнал из разговора:
Доводилось раньше слышать
От людей мудрей и старше,
Но сейчас мне не рассказы
И не сказки надо слушать,
Потому, услышав голос,
Я подумал: это, верно,
Рыбаки из Ильби-Горта
Дожидаются погоды,
Уж они-то, верно, знают
Каждый кустик в этом месте,
Потому, подъехав ближе,
Я и крикнул: подождите!»

«Мы немного испугались, —
Робко Ямпик отозвался, —

То ли это над рекою
 Отдается очень гулко,
 То ли ты кричал, приятель,
 Твердым на ухо старухам!»

Печь Салиндер улыбнулся,
 Оглядел в прищурку друга
 И сказал недружелюбно:

«Если трут или огниво
 Потерял ты на дороге,
 Получи без разговоров!
 Каждый знает, что на голос
 Человек идет за зверем,
 Человек идет за птицей
 И за лайкой на охоте!
 Так к чему же разговоры —
 Пусть болтают языками
 Наши бабы и сороки —
 Мы же, рума, мы — мужчины!»

«Мы — мужчины, это верно! —
 Осмелевши, вставил Ямпик, —
 Может быть, у вас, не знаю,
 Есть такой чудной обычай,
 Чтоб мужчины, как ребята,
 Вместе с бабами болтали
 О шитье, стряпне, лепешках!..
 Может быть, у вас мужчины

Нитки скут из жил оленьих
И на бабьей скрипке-ниэ
Хорошо играть умеют:
Может, любо им быть бабой?!
Может быть, у вас мужчины
Няньчат в онтаб-берестянках
Годовалых ребятишек,
А прабабки промышляют
На ясяк пушного зверя,
Ловят уток перевесом,
Кормят вас и бьют ремнями?!»

«Может быть, у вас в паулах
Есть еще такой обычай?..» —
Подхватил насмешку снова
Печь Салиндер, улыбаясь, —
Но не мог он слова кончить:
Ваза взял его за косу,
Сдавал Ямпику за ворот
И обоих кинул в воду...

Закричали рыболовы:
«Пайсе, пайсе, ойка рума!»

Печь Салиндер из речушки,
А за ним Тамбури Ямпик,
Словно мокрые собаки,
С плачем вылезли на берег
На карачках и сказали:

«Не сердись на нас, бессильных,
Стариков стогодовалых,
Богатырь с рукою длинной!»

«Замолчите! — крикнул Ваза, —
И послушайте, что скажет
Вам, трусливым зубоскалам,
Мадур Ваза — победитель
Зверя страшного Иура.
Здесь, я слышал, близко место,
Где глубокий ход есть в землю —
В Петлим-емдер — Царство Веса,
Зверя сильного Мухора,
Укажите дверь под землю:
Я иду войной на зверя!»

«Страшно нам, — ответил Ямщик,
Вазе низко поклонившись, —
Вон под тем большим увалом,
Где зимою — снежной Тэли
Из-под снега даже в стужу
Бьет ключом родник горячий,
Где стоит, разбитый громом,
Старый кедр в кустах рябины,
Есть глубокий ход под землю
В Царство Ночи — Петлим-емдер!
Кто проходит мимо ямы
Слышит шум, подземный топот,
Крики громкие народов

На наречьях неизвестных,
Языках, нам непонятных!»

«Отпусти нас, ойка рума, —
Вставил слово Печь Салиндер,
Также низко поклонившись, —
Ямпик выложил всю правду,
Больше мы о черной яме
У ключа с водой горячей
Ничего сказать не можем,
Если ж больше знать ты хочешь,
То найдутся в Ильби-Горте
И годами много старше,
И мудрее головою!»

«Хорошо, — ответил Ваза, —
Уходите, уходите,
На дорогу вам, мужчины,
Дам совет, который помнит
Каждый маленький ребенок:
Кто приходит к дыму чума,
Иль найдет костер потухший
В поле, в тундре иль у чума,
Будет гостем, — добрым словом,
Угощением и едою
Должен быть сначала встречен!
Если хочет, пусть расскажет:
Кто, откуда и зачем он...
Если нет, никто не должен

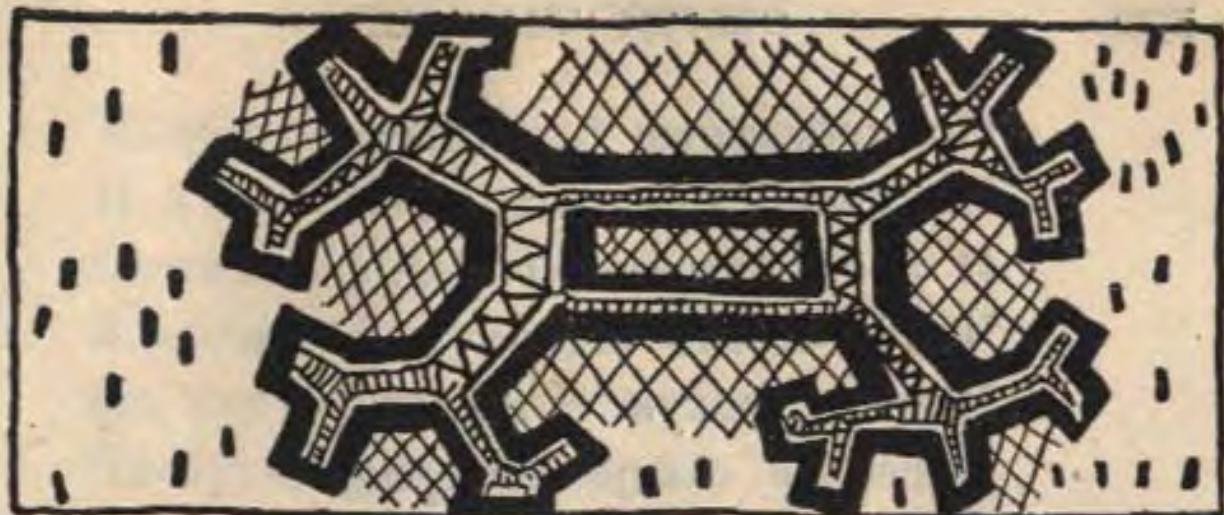
Гостя спрашивать: откуда,
Чей ты будешь, незнакомец,
За каким идешь ты делом!
А теперь добром ступайте,
Расскажите в ваших чумах,
Как под старость вы учились
Обхождению с гостями
У проезжего вогула!..
Ну, прощайте, казым-гуи:
Остяков за версту видно!»

Так закончил Ваза слово
И, махнув им на прощанье,
Потонул в густом тумане.

«Каково?» — спросил тут Ямшик.
«Получил ты по заслугам», —
Отвечал ему Салиндер.
«Разве ты со мною не был?
Не возился на приплексе,
Как линялый гусь в болоте?» —
Отвечал с обидой Ямшик.
«Он меня лишь взял за косы!» —
«А меня он взял за ворот:
Я давно хотел помыться!» —
«Поубавить вшей под шапкой
Он помог тебе на славу:
Много раз ему спасибо —
Помосинэ, помосинэ!» —

Засмеялся громко Ямник.
Печь Салиндер рассердился,
Обругал Тамбури «бабой»,
После этого немного
Два приятеля подрались.

В это время мадур Ваза
Натянул поверх рубахи
Золотистую кольчугу,
Вынул острый меч из ножен,
Атта-кег'е — меч героя,
И пошел к быку Мухору.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ
МУХОР

Старики в былые годы,
Что прошли и не вернутся,
Часто внукам говорили:
«Видишь, рума, яр высокий.
Каждый год в большую воду,
Осыпаясь, он уходит
Дальше в лес, в густой ряби́нник...

В годы прошлые, седые,
О которых не осталось
Даже памяти у старцев
Под седыми волосами,
До владычества Роч-маа,
На яру, над тихой лягой —
Над руслом, теперь заросшим,
Был причудливый, чудесный
Пахтыр-вах-вуж — медный город
Князя Сумара-Матуги.
Сумар был из рода биков,

Он несметные богатства
Получил себе в наследье
И построил этот город,
Чтобы после смерти в людях
Память долгую оставить
И себя в священной роше
Темных вековых кедров
Упокоить под курганом:
Вывел он дворцы и башни,
Что намного были выше
И стройней высоких кедров,
Крыши золотой резьбою,
Талисманами украсил,
В кедрах выстроил кумирни
И камильницы поставил
Всем богам тайги и тундры,
Их подножья янтарями,
Крупным бисером усыпал,
А от вражеских набегов
Оградил себя стеною
С ободом из красной меди,
Что зубцами доставала
Вековые сучья кедров.

Мы не знаем, это было
Так ли все на самом деле,
Но предание толкует:
Сумар жил на этом свете
Сто пятнадцать лет с немногим,

Молодость провел в весельи
И в довольстве встретил старость,
Люди тоже с князем жили
В полном мире и согласьи.
Но случилось так однажды,
Что старейшие из рода
И мудрейшие шаманы
Сон увидели — приснился
Журавлиной светлой ночью
Всем им сон один и тот же...

Днем они совет собрали,
Долго думали, гадали
И решили на совете
Обо всем сказать Матуге:

«Князь! — сказал из них мудрейший, —
Журавлиной светлой ночью
Все старейшины, шаманы
Сон увидели — приснился
Всем нам сон один и тот же:
Сумар, ничего яснее
Наяву нельзя увидеть:
Страшный бык с семью рогами,
Вес-Мухор, земли владыка,
Подошел под крутоярье,
Подобрался к городищу!...
Мы решили на совете,
Что пройдет три круга солнце,

Город Сумара-Матуги
Будет сброшен прямо в воду
Вместе с рощею священной!»

Князь сидел в дворце высоком
И с любимую женою
Пышно праздновал рождение
Девятнадцатого сына,
Он еще не кончил чаши
И, нимало не подумав,
Так старейшинам ответил:

«Пусть пройдет три круга солнце,
Солнце правит путь свой в небе,
Бики мудрые в народе,
Их никто не остановит,
Им никто не поперечит:
Пусть пройдет три круга солнце,
Мы тогда увидим ясно,
Мы тогда узнаем точно:
Упадет ли яр высокий
Вместе с городом Матуги
И его священной рощей!»

Недовольные ответом
Бика Сумара-Матуги,
Прозорливые шаманы
Покачали головами,
Но ни слова не сказали.

И прошло три круга солнце,
Ночью светлой, журавлиной
Яр высокий обвалился
Вместе с городом и рощей.

Уцелели только люди —
Мыгдаяй-ах, голь нагая,
Что в землянках проживали
Под высокою оградой...
Только люди земляные
Уцелели... долго, слезно
Эти люди горевали
И кричали над обвалом:

«Что нам делать? Где защита:
Бика Сумара не стало!»

Видишь, рума, — заключали
Старики рассказ правдивый, —
Вещий сон как много значит!..
Вещий сон откроет двери
К тайне, за семью замками
Скрытой даже от шамана,
Обо всем без слов расскажет,
Что не слышит наше ухо
В тишине времен грядущих!

Яр уходит с каждым годом
Глубже в лес, где нет рябины...

С каждым днем мелеет ляга,
Пырь-травой зарастая
И затягиваясь илом,
И об ней в народе память
Пропадет, как о Матуге,
Как о городе чудесном,
С медным ободом по стенам,
От которого остались
Только в глубь провал и бездна —
Это выход зверя Веса,
Семирогого Мухора
Из земли на свет наружу».

Крутоярьем, где рябины
Над обрывом шелестели,
Где черемуха с калиной,
Словно две стыдливых аи,
С шопотком склонясь друг к другу,
В воду мутную смотрелись,
Чуть заметною тропой
Ваза шел неторопливо
С белой лайкою Снежинкой.

Тропка меж кудрявых сосен
Вниз спустилась по обрыву
И в логу, в траве зеленой
Затерялась, оборвавшись
Средь густых кустов талины...
«Яма близко!» — думал Ваза,

Подобравши выше ножны,
 Подтянувши крепче пояс
 Из скрепленных на цепочке
 Наговорных талисманов,
 Медячков с изображеньем
 Птиц, зверей и разных духов.
 Амба лаять перестала,
 Хвост пушистый поджимая,
 Где-то еле слышно хлюпал
 Ключ в траве... над старым кедром
 Развевались чьи-то иры —
 Знаки жертвоприношенья, —
 Странно, глухо, отдаленно
 И для слуха непривычно
 В стороне был слышен говор,
 Не людской и непонятный.

Ваза вынул атта-кег'е —
 Богатырский меч героя,
 Нож охотничий подправил
 И сказал своей собаке:
 «Амба, верная Снежинка,
 Вот теперь настало время
 Опуститься в Петлим-емдер,
 Не сиди тут, дожидаясь
 И без пользы тратя время:
 Ты беги и на опушке,
 Где стоят мои олени,
 Догляди пока за ними...

Если ж мне судьба судила
Света белого не видеть
После мрака Царства Ночи,
То иди, куда захочешь,
И хозяина другого
Отыщи себе по сердцу!»

Ваза потрепал Снежинку
По пушистому загривку,
Почесал у ней за ухом,
Лайка в нос его лизнула
И пропала за кустами,
Что стояли тесным кругом,
Далеко отставив ветви,
Распушив их над землею,
Словно что-то прикрывая
От приметливого глаза.

Ваза молча улыбнулся
И пошел неторопливо
В чащу к черному провалу,
На груди его кольчуга
Тихо кольцами звенела,
Брякал на ходу железный,
Тяжкий содыч на цепочках.

Подойдя к норе Мухора,
Ваза бросил круглый камень
И прислушался к паденью,

Долго слушал храбрый мадур,
Наконец глубоко где-то
Он по дну норы ударил...

«Много времени для камня
Надо, чтоб по ляжке стукнуть
Страшного быка Мухора, —
Пятьдесят шагов по лесу
Может сделать хромоногий!» —
Ваза весело подумал.

Снова бросил камень мадур,
Снова слушал он паденье,
А потом сказал: «Довольно,
Ясно все, и все понятно!»

Ваза взял соарб тяжелый
С нарезною рукоятью,
Повалил сосну большую
Поперек норы Мухора,
Задолбил два клина в землю,
Ободрал на вербе лыко
И крутить веревку начал
В пятьдесят шагов длиною,
Толщиною в восемь пальцев.

«Ты боишься, бедный мальчик,
Этих сумрачных потемок,
В эту пору огневую,

В час, когда выходят духи
Из воды, из старых дупел
Бурей сваленных деревьев,
Из глубоких нор барсучьих,
Скрытых в сучьях среди леса...
Ты боишься, бедный мальчик:
Мать с утра ушла далеко
Собирать в лесу сараны —
Корни, годные для пищи...
Ты боишься, бедный мальчик,
Тени трепетной от кедра,
Что стоит у входа в юрту,
Ты боишься шума ветра,
Что шуршит по коже чума,
С кедра иглы осыпая.
Мать с утра ушла далеко,
Ты не бойся, бедный мальчик,
Черной тени от чувала
И не плачь в глубокой люльке,
Мальчик милый, неразумный,
Желторотый мой утенок!» —
Так негромко мадур Ваза
Песню детскую над ямой
Пел, о детстве вспоминая,
Заплетая крепко лыко.

Вот он маленьким парнишкой
Вместе с псом лохматым — Пакой
Ставит кривду на проточке,

Комары его кусают,
 Пес стоит в воде по брюхо
 И хватает жадно воду,
 Вытянув язык лопаткой,
 Где-то громко на увале,
 В кедрах голосом протяжным
 «Ко-го-шу!» взывает кто-то —
 Может, дух, а может — птица...

Страшно маленькому Вазе,
 Он готов бежать к паулу,
 Бросить кривду на проточке,
 Но как раз рукой он чует,
 Что в мотню попала рыба.
 И, не слушая уж больше
 Когошуканья лесного,
 Тянет кривду он на берег
 И хватает торопливо
 Ручкой склизкого налима.
 Но налим скользнул меж пальцев
 И обратно булькнул в воду:

«Айя!» — крикнул и заплакал
 Рыболов-парнишка Ваза,
 Взявший толстого налима,
 Не под жабры, а за брюхо.

Вот в лесу он вместе с Пакой...
 Спелой масляной брусникой

Солнцепек покрыт, как кровью,
Низко, томно опустили
Ветки вековые кедры,
На поляне мох пушистей
И теплей оленьей шкуры...
Спозаранок оба друга,
Ваза и лохматый Пака,
Убрили сюда без спроса.
Будет мать и старый ойка
Драть за волосы гулёну —
Это каждый раз бывает,
Если Ваза из паула
Удерёт с лохматым Пакой.
Но кому какое дело,
Если он не хочет в чуме
Под ногами баб толкаться:
Он давно уже мужчина!

«Эмас! Эмас!» — молвил Ваза,
Кончив песню, и веревку
Завязал в тройную петлю,
Обмотал сосну на яме,
А другой конец веревки
Опустил на дно колодца.

«Ну, теперь пора в дорогу!» —
Прошептал он, поклонившись
Солнцу, севшему за лесом,
Стройным соснам, темным кедром

И спустился в Петлим-емдер —
В Царство Ночи под землею.

Разом сосны зашумели,
Меж собой заговорили,
Кедры ветками качнули,
Словно пожелав удачи
Вазе, храброму герою...

Чем он глубже опускался,
Тем теплее становилось,
Тем дышать труднее было.
Белой тряпкой — белым иром —
Знаком счастья и победы
Там вверху, над головою,
Чуть виднелся узкий выход.

Скрылся свет, пахнуло дымом,
Стены каменные сжались,
И из тьмы, переливаясь,
Гул немолчный доносился
Страшным ревом водопада:
Царство Ночи было близко!

Стены черные вплотную
Наступали на героя,
Ваза раз, другой схватился
В перебор, спускаясь ниже,
И достал конец веревки.

«Коротка! — подумал Ваза,
Как паук на паутинке,
В темной бездне повисая —
Возвратиться разве наверх,
Довязать до дна веревку?..
Но герою это стыдно —
Дважды делать то же дело!..
Прыгнуть вниз на дно колодца —
Камни встретят остриями...
Если ж камни грудь минуют,
Так обратно не вернешься —
Стены скользки и высоки:
Я не орлан и не филин,
Не шаман, чтоб обратиться
В птицу, зверя или духа
И опять назад вернуться!»

Так раздумывая, Ваза
Долго духом колебался,
Как паук на паутине,
В черной бездне повисая.
Вспомнил он, как мудрый ойка,
Безызвестный заклинатель,
Наставлял его в дорогу:
Никогда не возвращаться
И не ведать страха смерти!
Также вспомнил он, как в детстве
Лазил в норы за стрижами
По крутым сыпучим кручам

Желто-каменных откосов, —
Вспомнил, и ему на сердце
Стало веселей и легче...

«Не сломает Ваза онет —
Рог сияющий героя!» —
Ваза шопотом промолвил
И, руками упираясь,
Прижимаясь плотно грудью
К стенам черного колодца,
Стал спускаться ниже в пропасть.

Вот бокарь мадура Вазы
Камня гладкого коснулся...
Дальше были три ступеньки,
Выбитых ступней Мухора,
Ваза с них без страха спрыгнул
И стоял через минуту
Перед входом в Петлим-емдер.

«Эмас!» — громко крикнул Ваза,
Вынул меч свой — атта-кег'е —
Богатырский меч героя,
Нож охотничий ослабил,
Подтянул потуже пояс
И вошел в ущелье зверя.

Где-то, буркалы напучив,
В темноте на камне сидя,

Плакал филин-передатчик,
Смерть предсказывал герою:

«Бедный мальчик, воротися,
Ты бледнеешь и трясешься:
Смерти ты идешь навстречу!
Вспомни мать свою родную,
Вспомни, как она плясала,
В дорогой своей ягушке,
Мехом беличьим обшитой,
Как ее мелькали ноги
В бокарях с узором тонким
Из пяти цветных полосок,
Из затейливых нашивок
Бусок мелких, как икринки!
Вспомни, как она плясала,
Как невестою в рубашку
Из крапивы нарядилась,
На которой против сердца
Были вышиты: охотник,
Хитрый зверь таежный — соболь,
Хвоя сосен и лисицы...
...Как за пологом расшитым
Зачала тебя на горе!
Бедный мальчик, воротися!»

Но не слушал мадур Ваза
Песню детскую о танцах
И о горестном зачатии
Баловливого утенка,

Что пропел ему печально
Хитрый филин-передатчик.

Твердым шагом, не сгибаясь,
Шел, как опытный охотник,
Ваза в темном подземельи,
А ему навстречу грузно
Мамонт двигался проходом,
Приближаясь с каждым шагом:
Так сошлись: Мухор подземный
И герой могучей силы
В темном каменном ущельи!

Засвистел, как буйный ветер,
Заблестел огнем палящим
Атта-кег'е — меч героя.
Зверь Мухор взревел от боли,
Топнул толстыми ногами
И, как хор почуя хора,
Словно бык быка почуя,
С наклоненными рогами
Грузно бросился на Вазу.

Ваза ловко увернулся
И, как мышь в нору большую,
Юркнул между ног Мухора,
Быстро выскочил и сзади
По резную рукоятку
Засадил свой атта-кег'е.

Замычал Мухор от боли,
В узком каменном ущельи
Гул пошел от рева зверя,
Отдаваясь в уши Вазы
Каменным тяжелым звоном,
Но, не медля ни минуты,
Не страшась и не робея,
Ваза бил мечом тяжелым
Ноги, зад, бока Мухора —

Кровь, как речка в половодье,
Залила подземный выход
На две полные ладони,
Зверь храпел, лягался, бился,
Задом пятился на Вазу,
Но напрасно: он увидел,
Как погибель черным оком,
Смерть незрячими глазами
В темноте ему мигает...
Что есть духа, по ущелью
Дальше в землю Петлим-емдер
Зверь Мухор, земли владыка,
Побежденный человеком,
Побежал быстрее лайки!..

Ни на шаг не отставая,
Ваза гнал его по следу,
И от бега их дрожали
Земли дальние народов.

Долго бег их продолжался,
Долго маа колебалась...
Наконец Мухор споткнулся:
Истекая темной кровью,
Обливаясь красным потом,
Он упал на дно ущелья.
Тут бесстрашный мадур Ваза
Прыгнул на спину Мухора
И с размаху в три удара
Отрубил три страшных рога.

Зарычал Мухор, забился,
Приподнялся на колени,
Но опять, как глыба, рухнул
И уж больше не поднялся.

Ваза взял три крепких рога,
Повалил себе на плечи
И пошел на выход к яме,
Где кончается ущелье.

Емы-филин, птица ночи,
Пел шутливо вслед герою:
«Бедный мальчик, я ошибся,
Бедный мальчик, ты не умер!
Старый ойка, вещий старец,
Ворожил тебе на бубне
С кожей лосной и прозрачной
Годовалого оленя,

Привязал тебе удачу
Вместе с шариком из меди
К онтаб — зыбке из бересты,
И теперь перед глазами,
Из которых смотрят юность,
Храбрость, сила и бесстрашье,
Впереди тебя по тропам,
По тропинкам и дорогам
Светит онет — рог героя:
Всюду ждет тебя удача,
И везде встречает счастье!»

«Вот и выход! — с легким вздохом
Ваза радостно воскликнул, —
Смолкни, филин, птица ночи:
Я и сам, тебя не хуже,
Может, даже веселее,
Песни петь, играть умею
На моем старинном гусе...
Но теперь мне не до песен:
Тяжелы рога Мухора,
Коротка веревка Вазы!»

Только Ваза это молвил,
Как, невидимый, незримый,
Кто-то ухватил руками
Победителя Мухора
И, как птицу, кверху вынес.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

СМЕРТЬ МЕЙКИ

Каждый день с надеждой в сердце
И в больших глазах с печалью
Выходила ай-Ючо
Рано утром на дорогу.

Каждый день она, вставая,
Говорила: «Вазу встретит,
Может быть, сегодня Ючо!»
Каждый вечер повторяла,
Перед сном, собирая косы:
«Если ночью не приедет
Мой жених, мой светлый Ваза,
Может быть, он мне приснится!»

Проходили дни и ночи
В ожиданьи и печали.

«Он приедет, не приедет?—
Часто так гадала Ючо

Темной, позднею порою:—
Отвечай скорее, пензер,
Из налимьей кожи спитый!»
Но молчал упорно бубен
На вопросы грустной Ючо
И однажды только, ночью,
Он чуть слышно так ответил:

«Долго ждать желанной встречи,
Встреча будет, но не скоро
И не здесь, на этом месте;
Где ты встретишь — я не знаю!
И не спрашивай ты больше, —
Пензер большего не знает!»

Дни за днями проходили,
Осень на зиму сменялась,
Твое зиму заставляла
В смене дней, летящих к Нуму,
Вслед за Твоей — белой ночью
Прилетало лето-Ноши,
Натянувши в чистом небе
Луг упругий с тетивою
Журавлей, летящих нитью,
И потом опять слезливо,
Как старуха шаманиха
У потухшего чувала,
Осень по лесу бродила
И на пенушке сидела

Средь опушки оголенной,
Увядали грустно травы,
Облетали снова листья
Золотых лесных нарядов!

Сколько дней, не знает Ючо,
Провела она с тоскою
И однажды в тихий вечер
Как-то вышла на тропинку,
Где последний раз прощалась
С женихом своим прекрасным:
Здесь она остановилась
И задумалась глубоко...

Долго так сидела Ючо
В забытии, ей непонятном,
В темноте, в оцепененьи,
Толк в которых лишь шаманы,
Жизнь проводшие в гаданьях,
Понимают, но, очнувшись,
Аи-Ючо увидала:
В старой парке из оленя,
С облысевшей оторочкой,
В сильно ношенной одежде,
Старушонка-шаманиха
С бубном, посохом и в шапке
Чуть плетется по тропинке —
Вся горбатая, кривая,
Как крючок для рыбной ловли!

«Здравствуй, бабушка! Откуда
Ты пришла сюда в ненастье?» —
В удивлении спросила
Аи-Ючо шаманиху.

«Здравствуй, дочка аи-Ючо! —
Отвечала ей старуха,
Рот раскрыв пустой, беззубый,
Как дупло гнилой осины, —
Я пришла тебя проведать,
Рассказать тебе о деле,
О котором ты давненько
Знать все в тонкости хотела!..»

Прозвенев шаманьим бубном,
Опираясь на посох,
Подошла старуха к Ючо
И сказала ей с усмешкой
Незаметной, что повисла
На кривых ее морщинках,
Как на ветках паутина.

«Если слезы на ресницах —
Значит плачешь о далеком,
Значит грусть владеет сердцем!..
Кто ушел, сказав: вернуса! —
Может, сдержит это слово,
Кто сказал ему: дождуса! —
Потеряет только время...»

Я скажу тебе о прошлом:
Я — старуха-шаманиха,
Я жила, не знаю сколько,
Но цветок душистый, нежный,
Что зовется ай-Ючо,
Много раньше распустился,
Чем родилась шаманиха!

Если б годы сосчитала
Я по маленьким лучинкам,
То не мало я, не мало
Нащепала бы лучины,
Если б вздумала ты, Ючо,
Счесть все годы, что на свете
Прожила ты, не заметив,
То такую кучу-кручу
Накидала бы под ноги,
Что и мне не перелезти:
Ты жила уж в царстве Мейки,
Я же даже не родилась!

Ючо! Ючо, ты не знала,
Что такое значит старость!..
Что такое за кошолка —
Горб, сгибающий в погибель, —
Вырастает за спиною
К этой старости с годами!..
Ни горба ты не видала,
Ни судьба на лбу и щеках

У тебя не прочертила
Долгой, пройденной дороги:
Тяжелы морщины, Ючо!

Ты не знала, что к живущим,
По обычаю земному,
В срок негаданный, но верный
Смерть стучится в двери чума!
Но не бойся, Ючо, мрака,
Ожидающего смертных,
И не думай о болезни:
Ты умрешь цветком прекрасным
На заре весенней ночи
Без икоты и страданья!»

«Ах, оставь меня, старуха,
Злобный дух, губитель жизни, —
Ючо громко закричала, —
Не пугай меня ты смертью:
Я бессмертна в царстве Мейки!

Если ж ты незрячим оком
Видишь в будущем дороги,
То скажи мне, шаманиха:
Скоро ль Ваза возвратится?...
Был ли он в далеком Царстве,
Коим Нум от века правит?...
Где теперь стучит он нартой?...
Может, близко он, за лесом?..»

«Он вернется в царство Мейки, —
Отвечала шаманиха, —
Он стоял перед Торымом,
Чтоб узнать три вещих слова,
Три таинственные знака
Жизни, счастья и победы,
Он сюда вернется с ними
И прибьет их к дымным чумам,
К берегам озер и речек,
На рогах своих оленей
Привезет он луч из Царства
Бога вечности Торыма,
Только вот сама ты Вазы
Не увидишь, не дождешься:
Ты умрешь, когда услышишь
Голос Вазы в этом царстве!»

«Уходи, колдунья злая!
Не желаю я поверить
И не верю я ни слову
Злого, черного гаданья!
Или ты того не знаешь,
Что когда бы смерть-старуха
В чум ко мне зашла с дороги
И пупок мне развязала
Костяной своей рукою,
А мою любовь и мысли,
На загорб сложив в кошолку,
Унесла бы в Царство Мертвых,

То и там железный мадур
Отыскал бы ай-Ючо
И водою — хатта-инком —
Оживил бы это сердце,
Что навеки полюбило
Вазу больше, больше жизни!

Если же вода живая —
Хатта-инк — не помогла бы,
Он нашел бы хатта-нер'ем —
Прут живящий отыскал бы.
И, как строгий муж стегает
В кровь жену свою, рабыню,
Так и Ваза отстегал бы,
Может быть, еще сильнее,
Не жалея ай-Ючо,
Но ее вернул бы к жизни!

Уходи, колдунья злая,
Не желаю я поверить
И не верю я ни слову
Злого, черного гаданья!
Уходи скорей отсюда,
Встанет Мейка — худо будет:
Он тебя замнет, как мошку!» —
Так закончила со злобой
Непривычной ай-Ючо,
И когда остановилась,
То увидела: старуха
Словно в землю провалилась!..

С той поры тяжелый камень
 Лег на сердце ай-Ючо,
 И слова чудной старухи
 Из ума не выходили.
 Так же молодость сияла
 Из очей глубоких Ючо,
 И по щекам разливался
 До висков густой румянец,
 Но коварный ойка Мейка
 Разглядел пытливым взглядом
 Грусть и скрытую тревогу.

Как-то встал он рано утром,
 Недовольный и сердитый,
 Потянулся, расправляя
 Кости с долгого лежання,
 И сказал с кривой усмешкой:

«Я все вижу зорким глазом,
 Я все знаю духом духа:
 Мало ешь — скорбишь о чем-то,
 Спишь тревожно — есть забота,
 Вниз глаза — печаль на сердце!
 Все я вижу, все я знаю.
 Отвечай, о чем забота?...
 Отвечай, где корень скорби?»

Эква-Ючо без движенья,
 Как застывшая, сидела

У холодного чувала
И на едкую насмешку
Не ответила ни слова.
Ойка Мейка сел с ней рядом
И опять сказал тягуче:

«Вместе с горем и тоскою,
Как выюнок на пне осины,
Вьется робкая надежда,
И в твоих глазах печальных
Я незримым глазом духа
Вижу робкую надежду,
Отвечай мне, эква-Ючо,
В чем живет твоя надежда,
Отвечай, где спрятан корень?»

И на этот раз ответа
Не дождался ойка Мейка,
И опять сказал с ухмылкой:

«Знаю я, когда воришка
Залучил моих оленей,
Рядом с твердым следом вора
Видел я другой, неясный,
Женский след какой-то бабы!
Может быть, воришка глупый
С бабой ездил для повадки,
Спрятав в маленькой мешочек
Вместе с шарью и огнивом

Эту хрупкую балушку?..
 Может быть, ты мне ответишь
 На вопрос последний, третий:
 Чей был след?.. Кто эта баба?..»

«Слушай же, — сказала Ючо,
 К старику не повернувшись, —
 На вопрос последний, третий
 Я задам тебе вопросы, —
 Может быть, тогда без злобы
 Скажешь мне: без слов понятно,
 Я не требую ответов!»

«Хорошо, — сказал коварный
 Ойка Мейка, багровея, —
 Будем слушать сплетку бабы,
 Хоть положено законом,
 Что должна ты мне ответить,
 Не испытывая мужа!»

«Первый мой вопрос — немудрый, —
 Начала спокойно Ючо, —
 Будет сделан по закону,
 О котором ты хлопчешь:
 Если женится мужчина,
 Он несет калым — тан-менен,
 Шлет дары своей невесте:
 Так, скажи мне, по закону?..»
 «Совершенно!» — дух ответил.

«А второй вопрос, — сказала
Ючо, глазом не моргнувши, —
Будет очень прост для духа:
Если дар его не принят,
Не понравился невесте —
Мен'ен, гордой и прекрасной,
То куда идет от юрты
Глупый сват, жених печальный?»

«В этих случаях обратно
Отправляется бедняга,
Чтоб на шкурах в одиночку
Отоспаться с неудачи!» —
Отвечал охотно Мейка,
Не поняв, к чему же Ючо
Клонит эти разговоры.

«А теперь вопрос последний, —
Тут сказала гневно Ючо, —
Может дух, закон нарушив,
Быть судьей, как Шубный Старец,
Тот, которому когда-то
Ты плевком отбил охоту
Разбирать дела вогулов?..
В прошлый день далекой встречи
Ты меня увез на нарте,
На оленях златорогих, —
Ты спросил на то согласие
У меня, у мен'ен Ючо?..

Может, я бы согласилась
 Лучше смерть принять и муку!...
 Точно так же и воришка
 Ночью выкрал сали, нарту,
 Даже слова не сказавши, —
 Много ль, мало ль вор ворует,
 Все равно он — вор, разбойник!»

Помолчав, ответил Мейка:
 «Хитрость эквы и лисицы
 Лисьим шагом не измерить!
 Это сказано разумно...
 Помню я, судья лохматый,
 Испугавшись криков маньси,
 «Смерть!» — сказал и лапу поднял
 В знак согласия с народом...
 Дальше было б очень худо,
 Если б я не вызвал Лача
 Для правдивого ответа!

Я увез тебя на нарте,
 Легкой, словно вешний ветер,
 Что я выточил из кости
 Мамонта, быка Мухора,
 В этот край, где вечно Ноши
 На лугах цветы сажает,
 Поливая их росой,
 Согревая светом солнца,
 И цветы благоухают,

Никогда не увядая
Под заботливым уходом, —
Где заботы ты не знаешь
О питье, о вкусной пище,
Из большой узорной чаши
Мясо ешь оленей жирных,
У которых кость налита
Не водой, а сладким мозгом
И хрящом тугим и нежным...
Так ли это, эква-Ючо?..

Я сказал одну лишь правду,
А теперь ответь мне прямо,
Слов не путай с волосами
Кос, до пят тебе упавших,
Не старайся быть похожей
На лукавого Оксара,
Что следы хвостом пушистым
Заметает по пороше.

Ты скажи одну лишь правду:
Прав я был, закон нарушив,
По примеру старца Нума,
Пред которым втихомолку
От меня ты жжешь куренья, —
Прав ли был я, взявши в жены
Без ее на то согласия
Девку смертную, вогулку,
Коль жениться мог на равной?»

«Мейка! — вымолвила Ючо,
 Не смутившись перед богом, —
 Мне осталось жить недолго:
 Так старуха мне сказала!»

«Что ты мелешь?.. Что ты мелешь? —
 Закричал в испуге Мейка, —
 О какой-такой старухе
 Говоришь ты небылицы?..
 Если это шаманиха —
 Смерть с беззубым ртом, похожим
 На дупло гнилой осины,
 То она без разрешенья
 Проходить по царству Мейки
 Не могла ни днем, ни ночью!..
 Ючо, Ючо, я не знаю,
 Про какую же старуху
 Говоришь ты, не подумав?..»

«Мейка, — вымолвила Ючо,
 Поглядевши с тихой скорбью
 В очи жадные и злые, —
 Мне осталось жить недолго, —
 Так старуха мне сказала,
 Кто она была — не знаю,
 Да и сам ты вот не знаешь!..
 Мне осталось жить недолго!
 Много лет я в царстве Ноши
 Прожила, забот не зная,

Но однажды гордый мадур
К нам пришел с речушки Ксенты
На простой вогульской нарте,
Чтоб похитить наших сали,
Нашу нарту костяную,
Что ты выточил из кости
Мамонта, быка Мухора, —
Мадур взял у эквы сердце,
Сердце ж выкрасть очень трудно,
Взял навеки ее душу,
Обещая возвратиться!

Я клялась ему дожждаться
Я клялась ему быть верной
Страшной клятвою вогулов:
Пятерней Отца Медведя,
Двадцатью его когтями!
Я клялась ему за гробом
Отыскать его среди мертвых
В Царстве Ночи под землею!
Много дней прошло в тревоге,
Я ждала, но, видно, мадур
Никогда не возвратится!»

Ючо руки уронила
На колени, ойка Мейка
Тяжело дышал и грозно
На нее глазами ворочал,
Вдруг по лесу лай раздался,

Сразу сосны зашумели
И закланялись ветвями
Тонкостволые осины
С говорливою листвою:
«Аи-Ючо! Радость жизни!»

«Аи-Ючо! Аи-Ючо!» —
Еле слышно повторили
Листья, пглы зов веселый,
Что донес до юрты Мейки
Ветер вешний и проворный.

«Аи-Ючо! Радость жизни!» —
Снова крикнул лес зеленый,
На сосне проснулся филин,
Заморгал незрячим оком
На свету дневном и ярком,
Хлопнув крыльями, поднялся
В небо сине-золотое
И оттуда вдруг заухал:

«Ух ты, ух ты, старый ойка,
Брось ты, ойка, слушать бабу,
Сказки бабы очень длинны,
Приготовься лучше к драке:
Драка будет из-за бабы!
Ух ты, ух ты, старый ойка,
Мадур Ваза возвратился,
У него твои олени,

Путь к тебе направлен, ойка,
У него твои олени:
Ух ты, брось-ка слушать бабу,
Косы бабы очень длинны,
Но еще длиннее сказки!»

Мейка выглянул из юрты
И сердито крикнул птице:
«Замолчи, слепень безглазый!
Это знаю я без емы,
Что длиннее, что короче,
Филин богу не указка
Лучше ты скажи, где Ваза,
По какой дороге едет
Да и скоро ль здесь он будет?»

«Ух ты, ух ты, старый ойка,
Как бы не было напасти:
Он сейчас неподалеку! —
Ухнул филин, опускаясь
На сосновый сук над юртой. —
Он приехал: пайсе, Ваза!
Старый Мейка с ай-Ючо
Ждут тебя давно за полог!»

Как листок на тонком стебле
В первый утренний зазимок,
Ай-Ючо задрожала,
Голос филина услышав,

И сказала ойке Мейке:
«Ойка мой: не трогай Вазу!»

Но не слушал Мейка Ючо:
В страшном гневе бог суровый
Лук схватил семисаженный,
Из колчана выдрал стрелы,
Что, как изгородь, торчали
У стены просторной юрты,
Взял тяжелый атта-кег'е —
Меч зазубренный злодея,
И, спеша, навстречу вышел
С диким криком: «Огекейя,
Берегись теперь, воришка!»

Мадур Ваза, улыбаясь,
Твердой медленной походкой
Подошел к злодею Мейку,
Чешуей своей кольчуги
Весь сияя и блистая,
Словно месяц в полнолуние,
И подняв свой атта-кег'е —
Двусторонний меч героя,
Крикнул Мейку: «Защищайся,
Старый вор — лесной бродяга,
Поедатель стад оленьих!»

«Эмас! Эмас! — вскрикнул Мейка, —
Ты получишь по заслугам

За оленей и за парту!»
И, взмахнув мечом тяжелым,
Он ударил по кольчуге,
Меч скользнул, как лыжа с горки,
И зарылся по крыжину
В землю твердую у юрты.

«Эмас! — громче крикнул Мейка, —
Шуба крепкая надета
На твое пустое брюхо,
Но крепки и зубы кег'е:
Он прокусит эту парку,
Эту медную одёжу, —
Он добудет твое сердце!»

Меч поднялся до вершины
Откачнувшегося кедра
И с размаху повстречался
С кладенцом мадура Вазы.

Как две молнии блеснули,
Как два грома прогремели
Два удара... Бой начался
Между мадуром и ойкой...
Беспрерывным светом искры,
Как из кузницы, летели,
Как трясина на болоте,
Маа, твердая, сухая,
Колебалась под ногами

Двух бойцов... С землею вместе
Лес вершинами качался,
Отряхал на землю шишки,
В небе выюгою зеленой
Листья липкие кружились,
Старый филин-смехотворец,
На сосне высокой сидя,
Трижды падал от трясения,
Трижды снова подымался,
Выбирая сук потолще
И покрепче для сиденья!

Много раз бойцы сходились
В этой страшной, грозной битве,
Много раз и расходились,
Отряхая пот кровавый
На изрытую ногами
Землю, мягкую, как пепел.

Длинный день пошел на убыль,
Солнце спряталось в низину,
И низинный синий сумрак,
За собой скрывая духов,
Обволакивал урманы,
Скоро вышла на дорогу
Эди в черном покрывале,
В дальнем и глубоком небе
Солнца брат — веселый месяц
Вылез медленно из юрты

И пошел бродить по небу,
Сверху вкось глядя на землю...
Бой не стих, бойцы сражались
С прежней силою и злобой,
Сея искры и проклятья.
Бой не стих и темной ночью,
Два бойца, две черных тени
Продолжали эту битву
До рассвета, до рассвета...
Солнце ночь уже сменило,
В чум ушел веселый месяц, —
Битва так же продолжалась!

Ровно в полдень, оступившись,
В первый раз споткнулся Мейка,
В первый раз беду почувял.
«Плохо, — мрачно он подумал, —
Силы старые уходят:
Далека моя победа!»

Прыгнул Мейка на верхушку
Кедра старого у юрты,
Натянул свой лук упругий
И послал стрелу тугую,
Метя прямо в сердце Вазы.

Стукнула стрела в кольчугу,
Словно в страхе, отскочила
И ушла глубоко в землю.

Задрожал в испуге Мейка
И пустил наудалую
Томар-леп — стрелу с железной
Острой вилкой на головке...
И опять стрела упала,
В землю мягкую воткнувшись.
Рассердился мадур Ваза,
И, порвав ремни у ножен,
Бросил их со страшной силой...
Как рука у великана,
Перебитая у локтя,
Сук сломился посередке,
И в испуге ойка Мейка
Обронил и лук, и стрелы,
Крепко сук схватив руками:
«Видно, смерть не за горами!» —
Про себя подумал Мейка
И, как волк, завыл на кедре.

«Подожди, довольно драки, —
Обратился он к герою, —
Можно миром дело кончить:
Надо сали — дам две тройки,
Бабу надо — дам и бабу!
Все бери и убирайся:
Не тревожь ты старость Мейки!»

«Нет, — сказал на это мадур, —
Мир плохой с таким злодеем,

Лучше снова будем драться.
Ну, слезай сюда обратно,
Подними свои доспехи,
И давай начнем сначала!»

«Ваза, ты еще теленок
Против Мейки-великана,
Много дел ты храбрых сделал,
Но еще их очень мало,
Чтоб со мною потягаться,
Если я возьмусь всаправду!..
Слушай лучше, мадур Ваза,
Что тебе сейчас открою,
Что я выложу по правде
Про беспутного Торыма...

Если хоть одним бы ухом
Терпеливо ты послушал,
Что тебе расскажет Мейка,
То и сам не захотел бы
Продолжать со мною драку,
Поломал бы меч и стрелы
И злодею ойке Мейке
Руку подал бы с улыбкой!»

Но не слушал Ваза больше
Речь коварную злодея:
Он схватил свой лук упругий,
Глаз зажмурил, целясь в сердце,

И послал стрелу большую,
На конце с железной вилкой.

Вскрикнул громко ойка Мейка,
Пораженный прямо в сердце,
И упал с верхушки кедра,
Как глухарь, ломая сучья,
К бокарям кровавым Вазы.

Ваза сильною рукою
Замахнул над головою
Богатырский атта-кег'е,
Рассадил на части Мейку,
Отвернулся и промолвил:

«Торм, Отец мой, Нума Светлый,
Твой наказ я весь исполнил!»

Но Торым из грозной тучи
Не дал знака никакого.

Заложивши в рот два пальца,
Ваза трижды громко свистнул,
И у ног его Снежинка
Взмыла белый хвост трубою
С громким и веселым лаем...

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СМЕРТЬ ЮЧО

«Аи-Ючо! Аи-Ючо!» —

Трижды вскрикнул мадур Ваза,
И не знавший раньше страха —
Таран вет хут вет уйдем —
Очи пламенной богини
Таран видевший и Рыбу,
Победивший все стихии,
Ваза дверь откинул в юрту,
Полный страха и тревоги
За судьбу любви и счастья.

«Аи-Ючо! Радость жизни!» —

Молвил тише мадур Ваза
И, дрожа, рукой откинул
Сап суконный — толстый полог,
За которым, по закону,
При приходе посторонних
Ожидать должна бы Ючо,

Чуть, дыша белее снега,
 На постелях соболиных,
 Косы черные раскинув,
 Перед ним лежала Ючо,
 Меннен — верная невеста!

«Ючо! Ючо! — снова молвил
 Волк железный — мадур Ваза, —
 Отзовись, скажи мне слово,
 Что с тобою, что с тобою:
 Неужель ты испугалась
 Криков старого злодея
 И мечей тяжелых звона?
 Встань, проснись, взгляни на Вазу:
 Мадур Ваза воротился!»

И прошло такое время,
 За которое с водою
 Может пут-котел на углях
 Стать пустым и накалиться,
 Снова молвил мадур слово
 Тихим голосом печали:

«Хос-хот, хос-хот! Крылья Воя, —
 Птицы черной и крылатой,
 Птицы вещей и крикливой,
 На ногах с семью когтями!
 Ге-ге! ге-ге! Лапа зверя,
 Старца Шубного Медведя,

Пятерня с пятью когтями,
Очне-пенег, зуб медвежий,
На дороге — хос-хот, хос-хот, —
Семь шаманов, — ге-ге, ге-ге:
Оживите ай-Ючо!»

И прошло такое время,
За которое поставить
Можно пильчары — навесы,
Чтоб ловить пролетных уток,
Починить большую нарту,
В нарту впрячь оленей тройку,
Много дел еще поделать, —
Ай-Ючо все лежала,
Как подстреленная ланги —
Белка с шкуркою пушистой,
На тропинке в Царство Ночи!

И тогда немного громче
Молвил слово заклинаний
Волк железный — мадур Ваза:
«Торр-журавль и ойка Шубный,
Я прошу скорее дайте
Хатта-инк — живую воду:
Ай-Ючо умирает!
Ай-Ючо умирает,
Я прошу скорее бросить,
Положить у двери чума
Хатта-нер'ем — прут живящий:

Как жену свою, рабыню,
Строгий муж стегает в юрте,
Отстегаю я до крови,
Не жалея, ай-Ючо,
Но верну ее с дороги
В Царство Ночи — Петлим-емдер!»

Встала ночь у юрты Мейки,
Старый филин видеть начал,
Торр и ойка не сказали
Слова нужного герою,
И тогда, пылая гневом,
Крикнул Ваза в исступленьи:
«Торм, я требую ответа,
Торм, ты должен слышать Вазу:
Отвечай скорее, Торум!»

И в ответ на зов к Торыму
Вздрогнула и всколебалась
Маа, словно лодка-хаба
На гребне волны высокой,
Грянул гром, поднялся ветер,
Сосны, кедры закачались,
Меж собой заговорили,
В страхе закричали птицы,
Звери спрятались в норы,
Палегла на небо туча,
И из тучи Торм ответил
Строгим голосом герою:

«Что кричишь ты, рума Ваза,
Как ребенок без игрушки,
Как ты смеешь беспокоить
Сон приятный старца Нума?..»

«Стой, Великий! — гневно крикнул,
Не дослушав речи, мадур, —
Не теряй слова напрасно:
Слово золота дороже!
Я, слуга твой верный, Ваза,
Я, шунгур-игрок на гусе,
Так давно свой гус сменивший
На железный атта-кег'е,
Говорю тебе: Великий,
Оживи мою невесту —
Меп'ен Ючо, ай-Ючо!..»

Кто убил злодея Мейку?..
Кто в далеком Царстве Торма
Пенегезе не поддался?..
Кто в стране снегов и вьюги
Умертвил Иура-зверя?..
Кто спустился в Петлим-емдер
В царство Веса-Великана,
Кто срубил рога большие
Страшного быка Мухора?..
Это сделал мадур Ваза,
И за это я в награду
Лишь одно прошу, Великий:

Жизнь для мертвой ай-Ючо,
Жизнь моей невесте — мен'ен!»

Снова гром вдали ударил,
Снова туча пробежала
Над зеленым царством Мейки,
И, оплакивая Ючо,
На ветру шумели кедры
И вершинами клонились.

«Все нам подвиги героя
Хорошо давно известны! —
Вновь раздался голос Торма, —
Ты за подвиги, утенок,
Получил свою награду:
Стал ты равен ойке Жуху,
И тебе готово место
В Царстве вечного Торыма:
На седьмой день после смерти
Встанешь ты, высокий, сильный,
Во втором ряду шаманов
Пред лицом Владыки света.

Твой народ, забытый всеми,
О котором ты горюешь,
Обойден не будет тоже:
Всех, кто жив еще остался,
В Царстве Мертвых ожидает
Радость вечного покоя,

Гордость мудрого молчанья!
Ты же, ставший равным Жуху,
Ты, недавний победитель
Злого бога ойки Мейки,
Вдруг теперь над мертвой бабой
Плачешь горькими слезами,
Просишь, сам чего не зная!...
Речь моя к концу подходит:
Кто убил красотку Ючо?..

Я тебе отвечу прямо:
Ты все сделал, длиннорукий, —
Ты убил злодея Мейку,
Вместе с ним и мен'ен Ючо
Умертвил своей рукою!
Так зачем теперь ты плачешь,
Как ребенок неразумный
Над поломанной игрушкой,
И словами, столь пустыми,
Отдых Нума нарушаешь?!»

Не сдержался мадур Ваза,
Не дослушал он ответа
И Торыму гневно крикнул:
«Старый пес, лисица неба!
Значит, прав был ойка Мейка,
Говоря мне перед смертью
О беспутстве старца Нума!
Да, теперь вот я пожал бы

Руки старого злодея,
 Если б были эти руки
 Не отрублены по локоть!
 Слушай ты, обжора толстый,
 Я отказываюсь ныне
 От награды быть бессмертным
 И от званья ойки Жуха:
 Мне теперь не надо места
 Во втором ряду шаманов
 Пред твоим престолом, лодырь!
 Я желаю только смерти,
 Я желаю только встречи
 С мен'ен — верною невестой,
 С ай-Ючо, с ай-Ючо!
 Вот на все четыре ветра
 Я кричу, пусть каждый слышит!
 Кара-кийя! Кара-кийя!
 Навсегда я отрекаюсь!»

И Торым на эти речи
 Гневно мадуру ответил:
 «Ты отрекся! Ты отрекся!
 Это слышали все духи:
 Ты отрекся от награды
 Ради старой дряхлой бабы!
 Пусть так будет! Пусть так будет!»

Навалилася всей грудью
 Туча черная на землю,

Буря-смерть неслась над лесом,
Звери спрятались в норы,
Духи скрылись под землею,
И столетние деревья,
Что стояли на увалах,
Головой касаясь неба,
С гулом с мест своих срывались,
Словно в страхе перед бурей
Убежать они хотели,
Но глубоко в землю корни
Кедров, сосен уходили,
И они, свалившись набок,
Только иглами дрожали,
Заломивши корневища,
Словно ноги великаны.

Заглушая голос бури,
Мадур крикнул ойке Нуму:
«Кара-кийя! Отрекаюсь
От всего, к чему стремился!
Я клянусь и обещаюсь
Лапой Шубного Медведя,
Двадцатью его когтями
Возвратить с Тропинки Мертвых
Мен'ен — верную невесту!
А пока тобою данный
Меч железный, атта-кег'е —
Меч героя двусторонний
Будет спать в тяжелых ножнах!»

Так сказавши, он откинул
Далеко и меч, и ножны
И склонился на колени
Перед Ючо со слезами.
Долго безутешно плакал
Мадур Ваза, как утенок...
Если б пут ему подставить,
Он бы полон был с краями...
Но когда он с мокрой шкуры
Чуть поднялся, чтоб на Ючо
Пред разлукой наглядеться,
То вскочил от удивленья
И глазам своим не верил:
Перед ним была не Ючо,
Не его невеста — мен'ен,
Перед ним была старуха
Древних лет, с сухою кожей,
По которой шли морщины,
Вкривь и вкось переплетаясь,
Как удача и несчастье,
Как бывает в нашей жизни
И с любовью, и с разлукой...

Мадур Ваза не поверил,
Что цветок его прекрасный,
Ючо, милая невеста,
Вдруг в старуху превратилась!
Но все те же, те же косы,
Черные, как смоль, тугие,

Заплетенные в косички,
И у губ, уже холодных,
Бессловесных и застывших,
Та же робкая улыбка
Чуть светилась из морщинок,
Как из голых веток леса
Свет зари зимой холодной
Золотится перед ночью.

«Аи-Ючо! Аи-Ючо!
Свет души, цветок душистый,
Соц прекрасный, аи-Ючо! —
Молвил Ваза с тихой скорбью, —
По недоброй воле Нума,
Не простившего обиды
Человеку в лютом горе,
Ты теперь лежишь старухой:
Видно, прав был ойка Мейка,
Хоть и прожил век злодеем!
Пройден дальний путь без цели:
Нет мне радости в грядущем,
Я теперь пойду за Ючо!»

Он склонился на колени
И за бурею не слышал,
Как безвестный заклинатель
Старый ойка-незнакомец
В чум вошел неторопливо
И неслышно сап откинул.

«Мадур Ваза, скорбный мадур, —
Он промолвил, положивши
На плечо героя руку, —
Много лун с тех пор минуло,
В низкой юрте над речушкой
Ксентой мы с тобой сидели,
Темной ночью говорили.
Помнишь, Ваза, семь лучинок,
Стебельки травы сушеной
И безгласный белый камень,
Превратившийся в сороку?..
Знаю я, ты это помнишь!
Тою ночью на распутьи
Убегающих тропинок
Ты стоял в немом раздумьи,
Ты печалился о маньси,
О родном своем народе,
Ты ему желал свободы!
А теперь ты полон скорби:
Совершив свой путь далекий,
Вновь стоишь перед дорогой,
Но куда, ответь мне, Ваза,
Не обратно ль, длинпорукий?!»

«Мудрый старец, — молвил Ваза,
Головы не подымая, —
Часто вспоминая в мыслях,
Я тебя, вогул безродный,
Называл отцом родимым...»

Снова в горе я, и снова
Ты пришел меня утешить!»

«Я пришел тебе напомнить, —
Прошептал старик герою, —
Что с собой ты нес надежду
Для народов позабытых,
А поэтому за Ючо
Нет тебе дороги, Ваза!
Погреби скорее тело,
Положи его в колоду,
Закопай глубоко в землю,
Земляной могильный холмик —
Мыга-хат — построй над Ючо,
Из большого кедра сделай
Анкет-вош — с резьбой узорной
Столб, чтоб видели все люди,
Чтобы люди понимали,
Что под ним зарыта в землю
Аи-Ючо, мен'ен Вазы!
Сам же встань и отряхнися,
Подними свой атта-кег'е
И подправь свою кольчугу!
Руку в черной рукавице,
Руку сильного героя,
Дай мне в старческую руку
И неезженной тропой,
На оленях быстроногих,
По паулам бедных маньси

Мы с тобою, мадур Ваза,
Победитель страшной тайны,
Будем ездить неустанно.

Громким голосом обвалов —
Крутояров над рекою —
Робким людям в драных чумах
Принесем мы весть такую:
«Вот теперь настало время
К знаку вещему вогулов
На конец стрелы певучей
Приклеить перо орлана,
На стреле — тамге народа
Сделать семь прямых насечек
И ее без страха вставить
В лук упругий, лук клеёный
Из семи пород деревьев,
Что растут в урманах наших!»

«Нет! — ответил грустно Ваза, —
Нет, старик, я полон скорби,
Я бессилен, как ребенок:
Этот путь мне не по силам!
Ты скажи, ответь мне, старец,
Разве солнце остановишь,
Как оленя в быстром беге?..
Разве Ас'я ты запрудишь
И заставишь течь обратно?..
Ты скажи мне, миг короткий,

Миг ушедший возвратится?..
Нет! — ты скажешь мне на это.
Я тебе отвечу так же,
И другого нет ответа!..
Наши боги вместе с Тормом
Обманули бедных маньси,
Наши боги вместе с Нумом
Оказались бессильны
Пред лицом судьбы народа:
Навсегда он и навеки
Потерял родную землю,
И какая же награда
За великую потерю?..
Ты скажи, какая радость
В горькой мудрости молчанья,
Что его, по слову Нума,
Ожидает в Царстве Мертвых?..
Там леса стоят в тумане,
Но не слышно в них ни песен
Звонких птиц, ни шума ветра,
Звери бродят там как тени,
Позабыв про лук и стрелы,
И луна висит над ними,
Перекошенная набок,
Словно тусклый глаз тетери,
Что в недвижимом мраке смерти
Из силка глядит на землю...
Там в пологих руслах речки
С мертвой, серой и бесцветной,

С неподвижною водою,
На питье совсем негодной, —
В ней вовек не отражалась
Синева небес глубоких
И зари густой румянец!..
Поглядишь в нее: ни тинки,
Ни кувшинки возле края,
И на донышке рыбёшка
Не блеснет, встречая солнце,
Серебристою чешуйкой,
А печальные поречья
Даже не окинешь глазом,
И лежат они от века
Под сыпучими песками,
Словно под остывшим пеплом:
Уж не пот, не кровь ли наша,
Что мы пролили на землю
За века лихой неволи,
В эти реки Царства Мертвых
Собралась к подножью Нума?!..
Там у рек пустые юрты
И над каждой на макушке,
Словно призрак долгоногий,
В неподвижности застывший,
Дым смолистый от чувала,
Возле входа амбы-лайки,
Потерявшие и зренье,
И чутье свое, и голос!
Подойдешь — они посмотрят

Взглядом неживым, незрячим,
Не лайнут тебе навстречу
И носами не потычут
В бокари твои и полы!..

В юртах тишина, безмолвье,
Лишь загробный рокот гуса
Слился с шопотом могилы!
Что ты скажешь, мудрый старец,
Слыша, может быть, впервые
Эту горестную правду?..
Нет? — и я отвечу так же,
И другого нет ответа!»

Буря-смерть неслась над лесом,
Ветер выл, стонал и плакал
В пропадину черной ночи,
Звери спрятались в норы,
Духи скрылись под землею,
В заповедной чаще ели,
Сосны, кедры и березы,
Продираясь на опушку
Из лесной глухой чащобы,
В смертном страхе и смятеньи
Били сучьями друг друга...

Вещий старец-заклинатель
Оперся о длинный посох
И поникнул головою...

«Ты скажи, ответь мне, старец! —
 Снова вскрикнул мадур Ваза, —
 Что за прок и мне в стояньи
 Во втором ряду шаманов
 Пред лицом Владыки света?...
 Что мне в гордости и славе
 Довременного покоя
 Без земной любви и счастья?...

Аи-Ючо не проснется
 От могильных сновидений,
 Я просил Отца Торыма,
 Я кричал ему на небо,
 Но Отец Торым всемогущий
 Вместо жизни аи-Ючо
 И веселого румянца
 Бросил щедрою рукою
 На лицо ее морщины,
 Мне же в любящее сердце —
 Грусть нежданной разлуки
 И отчаянье навеки!...
 Ты ведь слышал: я отрекся!
 И теперь я отрекаюсь:
 Пройден дальний путь без цели,
 Нет мне радости в грядущем —
 Отрекаюсь — кара-кийя!»

После этих слов мадура
 Долго длилось молчанье,

Наконец его нарушил
Старец, мудрый заклинатель:

«Дай мне руку, сын мой Ваза,
Руку сильного героя
В длинной жесткой рукавице
Дай мне в старческую руку!...
Больше нам теперь не нужен
Богатырский атта-кег'е,
Закопай свою кольчугу
Вместе с ножнами поглубже,
Путь далек... но мы вернемся,
Мы найдем живую воду,
Хатта нер'ем — прут живящий
Мы отыщем... мы отыщем!»

Рано утром мудрый ойка
Вместе с мадуrom печальным
Под столетним шумным кедром
Схоронили: ай-Ючо,
Меч тяжелый в тяжких ножнах,
Золоченую кольчугу —
И ушли... куда?... Не знаем!...
... И никто о том не знает!...

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

✓ А и — девушка.

✓ А м п а, а м б а — собака.

А м п ы - в а л о к, а м б ы - в а л о к — собачья упряжка.

А н к е т - в о ш — столб, водружаемый для обозначения какого-либо особого места, например, могилы.

А р ь и н — медь.

А р ь и н - в а х - в у ж — медный, металлический город; по сказаниям вогулов, некоторые богатые вогульские князья имели до прихода русских городки с обитыми медью стенами. Медным городом называется и жилище Торыма.

✓ А с - г у и — обские люди, т. е. остяки.

А с и л и б — ящерица; железное изображение ящерицы шаманы прикрепляли к обратной стороне колоушки, которой они ударяли по бубну или барабану.

А с ' я — река Обь.

А т е р — см. Отер.

А т т а - к е г ' е — богатырский меч.

Б а л у ш к а — детская игрушка.

Б е л ы й я д — стрихнин.

Б и к — князь.

Б и р к а — палочка или дощечка, на которой зарубками кладутся знаки для счета, меры и т. п.

Б о к а р ь — меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

Б о я р — чиновник.

Б у с, б у с ы р ь — мелкий, похожий на туман, осенний дождь, изморось.

Важенка — олень-самка.

Валок — см. Ампы-валок.

Варнак — ссыльный, каторжный в Сибири; вообще дурной человек, разбойник.

Вахтер — заведующий хлебозапасным магазином — мангазейей (см.).

Вахтер-мангазея — см. Мангазея.

Вача — легендарный охотник — стрелок из лука.

→ Венуйя — собственное имя реки, притока Оби.

Вес — мамонт. *кит*

Ветка — маленькая, долбленная из дерева или сшитая из бересты лодка, вмещающая не более двух-трех человек (см. Хай-шобы).

Вишна — девушка. *русанка*

Вож, вуж — укрепленный городок, острожек, город.

Вой — птица.

Войш-вуй-наэ — старуха.

Волып-пот — см. Томар.

Вуж — см. Вож.

Вуяньчх — медведь; по верованиям вогулов, он ведет свой род от создателя вселенной Торым-Нумы.

Вымим-яга — варнак, дурной человек, разбойник.

Вяхирь (*Columba palumbus*) — дикий, лесной голубь, витютень.

Гагара — чернозобая гагара (*Colymbus arcticus*), водяная (морская) птица из отряда гагаровых; у вогулов считалась священной птицей.

Гаявая — божья собака.

Геге-геге — см. Хос-хот.

Гимга — плетеная из прутьев морда для ловли рыбы.

Гнус — сибирское название комаров, мошки, паутов и других насекомых, бича тундры и тайги.

Голубика (*Vaccinium uliginosum*) — небольшой кустарник из семейства брусничных, с синевато-черными ягодами, растущий на севере.

Гуи — люди. *ху, хаят, ёк*

Гус — музыкальный инструмент, имеющий форму птицы (лебедя), под который обыкновенно вогулы поют свои песни, а также пляшут.

Дымокур — огонь в чуме, шалаше жителей Сибири, а также курево — трава, мох, хворост, хвоя, — зажженное для отгонки комаров, мошек.

Еза — лыжи.

Емы — филли.

Ёут — лук.

Железный корень — богатырь.

Желна (*Picus martius*) — большой черный дятел, водится преимущественно в хвойных лесах.

Живица — узкое устье мелкой речки.

Жировать (о дичи, звере) — кормиться, сходиться на известное место на корм; а также — лежать на месте после кормежки, отдыхать сытым.

Жух — вещий старец, шаман, в царстве Торыма.

Заводь, заводина — мелкий речной залив, глухой рукав реки.

Заездок — загородка, которая ставится через всю реку для ловли рыбы; в ней оставляются отверстия для морд и других рыболовных снарядов.

Залысы — лысые, голые места.

Замор, замирание — явление, наблюдаемое на р. Оби, когда вода портится, или, по-местному, становится ржавой, ржавеет. Заморная вода не годна к употреблению, рыбы в ней погибают; так как замор распространяется довольно медленно снизу вверх по течению, то рыбы, чувствуя порчу воды, обычно успе-

Крапива — волокна крапивы обрабатывались вогулами для тканья грубых материй.

Кривда — верша для ловли рыбы.

Крыж, крыжина — эфес, рукоять меча.

Крысало — огниво.

Ксента — собственное имя реки.

Ксента-гуи — народ с реки Ксенты, т. е. вогулы.

Кур — печь, очаг.

Курья — заводь, речной залив, глухой рукав реки, теряющийся в болотах.

Кхонна — олень.

Кхоньи-кор — олени-самцы.

Кэвен-перна — нагрудное женское украшение.

Лангель-дазь — см. Ошни-як.

Ланги — белка.

Лёгын — белка.

Ледяное море — Северный Ледовитый океан.

Лёмый — комар.

Леп-томар — см. Томар.

Летневать — проводить лето.

Лили — душа.

Лонт — гусь.

Лог — лощина, широкий овраг, ущелье, заросшее травой.

Лонх — идол.

Лоны — нитка, скрученная из оленьих жил,

Лосный — ясный, светлый, блестящий.

Лыбыт-этты-тылис — май, «месяц, дающий листья».

Ляга — мокрое болото с мелкими кочками и травой, а также старое русло реки, болотистое, заросшее травой.

Маа — земля.

Мадур — воин, герой.

Мангазея, вахтер-мангазея — так обычно сибирские народности и русские называли хлебозапасные магазины, которые царское правительство устраивало для обитателей севера Сибири.

Маньси, манси — вогулы; буквальный перевод — малый род.

Марх-пол — морошка (см. Мурах).

Маут — аркан.

Медвежий праздник — устраивался у вогулов и остяков после удачной охоты на медведя. Подробности об этом празднике см. в статье М. Плотникова, стр. 34—36.

Мейка, Мейк — злое божество вогульской мифологии.

Мен'ен, мен-нен — невеста.

Мирра-Суснахумм, Мирра — см. Торым.

Мичим-яги — царские чиновники.

Мойбер — медведь.

Мойбер-сангт — медвежий череп.

Мойбер-якты-пост — «медвежьи рукавицы» — рукавицы с вышитым изображением медведя, надеваемые во время «медвежьего праздника».

Моксун — сибирская рыба, обский сиг.

Морда-мыг — южные страны.

Мотня — мешок посредине невода, сети.

Мурах, марх-пол — морошка (*Rubus chamaemorus*) — растение с ароматичными желтыми ягодами, напоминающими малину (см. Имчи-пёл).

Мухор — мамонт, ископаемое животное, похожее на слона, но гораздо больших размеров, покрытое длинной шерстью и с огромными клыками.

Мухор-онгет — мамонтова кость.

Мшарина — участок земли, покрытый мохом.

Мыга-хат — земляной дом, землянка, а также земляной холм вообще и могильный холм — в частности.

Мыгдтай-ах — земляной народ, т. е. беднота, жившая обычно в землянках за частоколом городка и в случае военных действий или осады городка уходившая под защиту его стен.

Мышковать — охотиться на мышей (обычно о лисце).

Мюсснэ — русалка; также дева-дух, существо, подобное русалке.

Нар — меч.

Нарта — сани для езды на оленях и собаках.

Наряжух — пятиструнная остяцкая цитра.

Натырма — промысловый божок-талисман, приносящий якобы удачу на охоте. Если, по мнению его обладателя, он терял силу и охота была неудачна, его выбрасывали и заменяли новым.

Наулебг — песец, полярная лисица (*Canis lagopus*), величиной с обыкновенную лисицу, шерсть летом буровато-серая, а зимой совершенно белая; водится в сухих, безлесных местах северного полярного круга; мех песца высоко ценится.

Невых — жена.

Нелих — остяцкое название плетеных из прутьев морд для ловли мелкой рыбы.

Нельма — сибирская рыба, разновидность белорыбицы.

Нень — хлеб.

Нерна — тюлень, морское млекопитающее из отряда ластоногих.

Ниэ — скрипка.

Ниэ-наряжух — женская скрипка.

Ноши — лето.

Нум — остяцкое название Торыма (см.).

Нут и шар — слова клятвы.

Нюкса — соболь.

Н э э — женщина.

Н я л ы — 1) стрелы; 2) колотушка, которой шаман бьет по бубну или барабану; обычно имел форму ложки и был обшит кожей со лба оленей.

О б и - п у т — большой котел; время, которое требуется для того, чтобы в нем скипела вода, служило своеобразной единицей времени у вогулов.

О б л а с — см. Хай-шобы.

О б с к и е л ю д и — Ас-гуи — остяки.

О б с к о й с т а р и к — покровитель рыб, по местному верованию.

О г е к е й я — берегись!

О й к а — старик, старый.

О л е н и й з в е р ь (сали-уй) — волк.

О л ы п — богатырь.

О н е т — золотой рог; в древнем эпосе это слово употреблялось аллегорически: сломанный рог обозначал неудачу, поражение, рог растущий — удачу, победу.

О н т а б — берестяная люлька (зыбка) для маленьких детей.

О р л а н а п е р о — прикреплялось к стреле для правильности ее полета.

О р т и к — божество Обской губы.

? ✓ О р х — водка.

О с - э м а с - о л — будь хорош (т. е. здоров, благополучен).

О с т р о г — небольшой городок, окруженный частоколом, крепость.

О т е р, а т е р — князь.

О х с ы р, о к с а р — лисица.

О х с ы р - я, О к с а р - я — название реки (в переводе — Река Лисицы).

О ч н е — медведь.

О ч н е - п е н е г — медвежий зуб.

Ошнн-як, или лангель-дадь — медвежий танец, исполняемый во время «медвежьего праздника».

Падь — глубокий овраг, пропасть

Пазан-заут — звезда.

Пайсе — здравствуй!

Панг — голова.

Панх — мухомор (*Agaricus muscarius*), ядовитый гриб, употребляемый сибирскими народностями как ошьяняющее средство.

Паншир-пане-сах — мешок из налимьей кожи, обычно употреблявшийся для муки, соли и т. п., как непромокаемый и не пропускавший влаги.

Парка — широкая верхняя меховая одежда.

Патыр-вах-вуж — см. Арын-вах-вуж.

Паул — селение.

Пенегезе — мифический великан-обжора, людоед.

Пензер — барабан, бубен.

Перевес — сеть больших размеров на птицу, на дичь, а особенно на уток, которая развешивается на просеке, где обычно пролетает птица; в перевес попадают целые стаи, и его вдруг роняют, покрывая сетью улов.

Пёскин — ружье.

Петлим-емдер — подземное царство.

Пнелъ — ружье.

Пильчар — навес (особый снаряд) для ловли уток.

Плавник — стволы деревьев, уносимые течением рек.

Пойтэ-лук — глухарь.

Пол — мед.

Полотно из мелких колец — аллегорическое название кольчуги.

Поминки — подарки русскому царю, попам и чиновникам.

Помосинэ — спасибо!

Понюнг — сказочная богатырская страна.

Пуны — священный.

Пуспанк-кэр — железный зуб.

Пуны-я — священная река, т. е. река, вблизи которой находится капище какого-либо идола.

Пори — жертвоприношение.

Пороша — рыхлый снег, идущий в безветрие, а потому покрывающий землю ровным слоем, на котором ясно видны следы зверя.

Приплесок — береговая полоса, особенно по песку, которая захлестывается волной.

Проточка — проточная вода — ручей, речка.

Пурга — метель, вьюга, буря.

Пус-томар — см. То тар.

Пут-поот, пут — к тел.

Рача — золотая баба, кумирня которой, как рассказывают, находилась на Березовском берегу. По преданию, Рача при каждом приближении русских бросалась в Обь, по другим вариантам — таинственно исчезала из кумирни.

Ржавец — см. Замор.

Рослый — название песцов в декабре, когда они имеют белую шкурку.

Роч-маа — Русская земля, русские люди.

Рума — друг.

Руно — шерсть; рунный — шерстяной.

Рут-ханчъ — русский рисунок для вышивки, или русский узор; заимствование его вогулами у русских весьма сомнительно, скорее, заимствована техника вышивки, а не самый узор.

Рухлядь — пушнина.

Рыба — богиня вод, дождей и непогоды вогульской мифологии.

Савэм-ханчъ — старинный символический рисунок вышивки вогулов.

Сайтер — дурак.

Сали — олень.

Сали-уй — волк; буквальный перевод — олений зверь.

Сальник — плошка с салом и фитилем для освещения.

Сальнить — созвездие Большой Медведицы.

Сап — занавес в юрте, за которым в древнее время скрывались женщины при появлении постороннего мужчины, а также занавес, закрывавший постель.

Сарана — растение, из высушенных и растертых корней которого вогулы приготавливали муку.

Сарни-тут — северное сияние; буквально — божий огонь.

Саряты-ху — ворожей, колдун, шаман.

Саырб, соарб — топор.

Сват — богатырь.

→ Седа — высокая сопка в тундре.

Сёмен — злой.

Септ — скрученная из оленьих жил нитка для шитья.

Сиком — мать, кормилица.

Ситтан-вож — частокол кругом паула (селения), крепость.

Скать (нити, веревки) — сучить, свивать.

Соарб — см. Саырб.

? — Сёг-хурп — мешок из кожи налима, не пропускающий воды; такие мешки употребляются на севере Сибири для соли, табаку и даже муки.

Содып — пожны для меча.

Сор — низкий, поросший кустарником берег реки, обычно затопляемый весенней водой.

? Сорога — плотва (речная рыба).

? Сосс'я — Речка Горностаев — собственное имя реки.

Сохатый — лось.

Сули — бутылка; в переносном смысле — водка.

Сумгут-вож — Березовый городок — остяцкое название гор. Березова, бывш. Тобольской губ., ныне Уральской области.

Сунг — копье.

Супс — блоха.

Сыровать — женская головная повязка из бисера.

Н. Сядай — идол.

Сянь — мать, кормилица.

Сяньгум — бабушка.

Талина, тальник, тал — кустарник семейства ивовых, растущий по берегам рек, ручьев; называется также вербой.

Тал-хот — зимняя остяцкая юрта.

Тамбах — табак

Тамга — священный знак, талисман, родовой знак.

Тан, тан-менен — калым, дары жениха невесте.

Танкыр — мыши.

Таразан — секира.

Таран — богиня огня и гнева.

Таукси — волшебная птица.

Таут-нень, тудым-нянь — огненный хлеб, т. е. лепешки, испеченные на углях или в горячей золе.

Тауль — кожа.

Таут — лыжи.

Тахом — вошь.

Тернинг'ери — былина, сказание, сказка.

Топ — лето.

Томар — стрела для стрельбы из лука; стрелы бывают с наконечником различной формы, смотря по назначению: воын-нот — беличья стрела; леп-томар — стрела с наконечником в виде вилки; цус-томар — с наконечником ло паткой.

Э к в а — женщина.

Э м а с — хорошо.

Ю г а н - п о п ы — плетеная из прутьев морда специально для ловли щук.

Ю н а - Я г а — собственное имя реки, притока Оби.

Ю п с е — тьма.

Ю й я - к и й я — см. Хос-хот.

Ю р р а н, Ю р р а н - к у м — одно из племенных подразделений самоедов.

Ю р т а — кочевой шалаш; у остяков — зимняя деревянная хижина.

Я г у ш к а — верхняя женская одежда.

Я — река (я я — реки).

Я г е л ь — олений мох (*Cladonia rangiferina*), основной корм оленей.

Я н г а л - м а а — тундра.

Я н ы й — большой.

Я н ы й К е л б — собственное имя; буквальный перевод — Большая Кровь.

Я н ы й - п у т — большой котел (см. Оби-пут).

Я р — высокий берег реки.

Я р а - п р а — ноябрь.

Я с а к — подать царскому правительству; была установлена в XVI столетии и уплачивалась мехами; размер ее изменялся.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис	3
Я н г а л - М а а	
К третьей песне	80
К четырнадцатой песне	199
К шестнадцатой песне	232
К семнадцатой песне	256
М а д у р В а з а — П о б е д и т е л ь	
К восемнадцатой песне	581

СОДЕРЖАНИЕ

От Издательства	5
<i>М. Плотников.</i> Вогульский эпос	9
<i>М. Плотников.</i> Напутствие	47

М. Плотников. Янгал-маа

Вступление	51
Песня 1. Первая песня Куксы	58
» 2. Вторая песня Куксы	65
» 3. Третья песня Куксы	74
» 4. Сон Вазы	83
» 5. Ючо	94
» 6. Похищение оленей	106
» 7. Тамга	117
» 8. Огненная птица	125
» 9. Царство Мертвых	136
» 10. Пенегезе	147
» 11. Логарь	157
» 12. Торм	169
» 13. Теринг'ери атта-кег'е	182
» 14. Иур	198
» 15. Мухор-онгет	216
» 16. Мухор	230
» 17. Возвращение	248
» 18. Смерть Ючо	270
» 19. Последняя песня Куксы	284
» 20. (Заключение) Ожидание Вазы	295

Сергей Клычков. Мадур Ваза — Победитель

Вступление	305
Песня 1. Мейка	313
» 2. Шубный Старец	320
» 3. Роч-маа	333
» 4. Сон Вазы	345
» 5. Ючо	357
» 6. Похищение оленей	373
» 7. Тамга	388
» 8. Огненная птица	399
» 9. Царство Мертвых	411
» 10. Пенегезе	426
» 11. Логарь	437
» 12. Торм	455
» 13. Атта-кег'е	474
» 14. Иур	492
» 15. Мухор-онгет	514
» 16. Мухор	529
» 17. Смерть Мейки	549
» 18. Смерть Ючо	574
Пояснительный словарь	593

Редактор Ю. М. Соколов.
Художественный редак-
тор М. П. Сокольников.
Технич. редактор Н. Н.
Филиппов

Сдана в набор 23/X 1932 г.
Подписана к печати 20/IX
1933 г. Тираж 10300 экз.
Уполномоченный Главлита
№ Б—16360. Индекс А—5
№ 84. Бумага 74 X 105 в¹/₈₂.
Печ. листов 38¹/₄ + 6 вкладн.
лист. 9⁵/₈ бум. листов по
35000 зн.

Отпечатана в 21-й типо-
графии ОГИЗа РСФСР
треста „Полиграфкнига“
им. Ив. Федорова, Ленин-
град, Звенигородская, 11.

Цена Р. 10—
Переплет Р. 2—